С. Куттыкадам

Вызов Времени

Массово-политическое издание

Куттыкадам Сейдахмет

ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Редактор *Т. Е. Веревочкина*
Художник *Б. Серикбаев*
Худ. редактор *И. Серикбаева*
Техн. редактор *О. Рысалиева*

ИБ № 35

Сдано в набор 29. 08. 94. Подписано в печать 13. 12. 94. Формат 70×108 1/32. Бумага тип. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,7. Усл. кр.отт 7,96. Уч.-изд. л. 7,68. Тираж 3000. Заказ 905. Цена договорная.

Издательство «Білім» Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480124, Алматы, пр. Абая, 143.

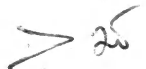
Полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480002, г. Алматы. ул Макатаева, 41.

С. Куттыкадам

Вызов времени

АЛМАТЫ «БІЛІМ» 1995

ББК 66.3(2)Кя73
К 95

Куттыкадам С.
К 95 Вызов времени.— Алматы: Білім, 1995—174 с.

ISBN 5-7404-0035-X

В книге представлены публикации, выходившие ранее в различных периодических изданиях.

К $\frac{0803010405—021}{412(05)—95}$ 016—94 **ББК 66.3(2)Кя73**

ISBN 5-7404-0035-X

ОГЛАВЛЕНИЕ

КУЛЬТУРА

●

ИСТОРИЯ

●

ПОЛИТИКА

●

ПОЛЕМИКА

Культура

ОБЕРЕГАЯ КОРНИ, СОХРАНЯЕМ СЕБЯ

Эпидемия говорения охватила всех. Закрыв уши, закатив глаза, мы в экстазе изливаем все, что накопилось на душе за долгие годы вынужденного молчания. Нас не заботит логика, не волнует реакция окружающих, нам не интересны доводы других — нужно облегчить свою душу.

Воистину Воландово упоение охватывает нас, когда говорим о своих национальных бедах. Признаем, как бы ни было неприятно: сталинская национальная политика, благополучно преодолевшая буйные вихри волюнтаризма и мутные воды застоя, донесла и до нас свое тяжкое наследие — клубок болезненных проблем, спрессованных принудительным интернационализмом и замороженных бездушным тоталитаризмом. Суть этой политики: ты обязан любить другие нации — о твоей же позаботятся иные. И баста! Иной образ жизни, иной стиль мышления, иной человеческий опыт всегда притягательны, к ним стремление непроизвольно. Но когда тебя заставляют любить другого по обязанности, не давая возможности самому разобраться в своих чувствах, в тебе возникает внутренний протест против такого давления, и достигается, как правило, обратный эффект.

Не этим ли объясняется то, что прожив долгие годы в удивительной стране, культура которой опиралась на мощные пласты уникальных цивилизаций — славянской, закавказской, среднеазиатской, прибалтийской и дру-

гих,— нам не только не удалось впитать их соки, аромат, но и достичь синтеза культур и взаимного интереса. Банальный пример. Я проходил вместе с другими преподавателями вузов страны учебный курс в МГУ. Все было здесь: фонтанирующие идеи, парадоксальность суждений, умная ирония, глобальное мышление... и очевиднейшее незнание колорита союзных республик.

Получилось нечто похожее и в лингвистическо-социальном плане. Мы всячески культивировали приставку «интер» в слове «интернациональное» и вдруг обнаружили, что отморозив корень «национальное», дали нашей приставке буйно вырваться из рук и вместо предполагаемой национальной гармонии всеобщего счастья получили ситуацию, когда нации чувствовали себя обделенными. Невольно вспоминаются слова Бернарда Шоу: «Если ущемлены чьи-либо национальные права, то нация ни о чем другом думать не может и успокаивается лишь тогда, когда удовлетворяются требования крайних националистов».

Да, подняли голову националисты. Не менее опасны и нигилисты — сирены, влекущие нас обратно, в липкое болото унификации. Эти два небольших наслоения, примерно равные во всех нациях, страдающие комплексом неполноценности и манией популярности (причем одни ищут ее в своей этнической среде и окружены «героическим» ореолом, вторые — за ее пределами и обласканы прессой), обрамляют здравое народное ядро.

Ни в коем случае (увы, приходится это напоминать) нельзя путать националистические потуги и национальные устремления, не стоит приходить в ужас от того, что у каждой нации есть свои проблемы, боли, интересы, которые в определенной мере могут вступать в диалектическое противоречие с интересами других этнических групп.

Не признав это, не возведя толерантность в норму, не научившись искусству компромисса, вряд ли мы сможем развязать существующие ныне узлы.

Накопилось немало проблем, связанных с возрождением русской культуры и народных традиций, решением проблем азиатских республик. Долгие годы этот регион пользовался благосклонностью почивших советских вождей, с небольшим, правда, перераспределением приоритетов: у Хрущева в фаворитах был Узбекистан, у Брежнева — Казахстан. И пока с восточной цветистостью пресса воспевала трудовой энтузиазм людей под палящим солнцем, а золотой поток наград и премий орошал в основном бюрократические верхушки, народ довольствовался самым малым.

С незапамятных времен узбеки, люди древней культуры, были оборотистыми купцами и трудолюбивыми земледельцами. И ныне, влекомые неистребимым инстинктом, потомки бредут по стезе своих предков. Однако удел их не прост. «Хлопковая петля» перекрывает кислород. В результате почти погибли древнейшие ремесла, чахнет невостребованный дар искусных садоводов и овощеводов. Что мешает перекультивировать хлопковые плантации с небольшой урожайностью (а таковых немало и в других азиатских республиках) под бахчевые и плодовые? Ведь попутно это решило бы острейшие проблемы экологического порядка и избытка рабочей силы.

Мы, казахи, представители преимущественно степной цивилизации, и наш вклад в сокровищницу мирового Духа довольно скромен, хотя образованный человек должен бы, конечно, знать такие имена, как Аль-Фараби, Валиханов, Ауэзов... Обязан знать, что в годы одной из самых чудовищных войн, по свидетельствам писателей-очевидцев, среди всех неславянских коренных национальностей союзных республик наиболее отважно воевали

казахи, в их числе две единственные девушки-героини Востока Маншук и Алия. Не думаю, чтобы констатация таких фактов умаляла достоинство других народов.

Никакие общенародные беды не обошли стороной Казахстан: насильственная коллективизация, голод 30-х годов, когда погибло около двух миллионов казахов... Когда же Брежнев орошал умиленными слезами грудь своего друга Кунаева, близ Семипалатинска под землей (было и над ней) ухали ядерные бомбы, в республике закладывались биологические мины — Арал, Балхаш, которые взорвались сейчас, безжалостно и бездумно потрошились недра земли, в лучших оазисах концентрировались экологически худшие предприятия — в Чимкенте, Джамбуле, Экибастузе... Наверное, достаточно свидетельств «нежной любви» Брежнева к Казахстану.

Многие справедливо выдвигают требования по расширению своих национальных прав, но когда подобные требования слышат от других — кривят губы. А позиция журналистов? Равнозначные процессы в отдельных республиках сплошь и рядом находят совершенно разное толкование в прессе.

Сейчас мы вовсю голосим (иные явно с мазохистской исступленностью) о том, что попали в глубокий экономический, социальный и в особенности духовный кризис. Одни видят главную причину подобного состояния исключительно в злом гении Сталина, другие — в слабых экономических предпосылках и политических миражах, третьи — в пролетаризации Духа и забвении религий, четвертые весьма туманно намекают на некие амплитуды колебаний национальных культур и своеобразие их кодов... Все это, наверное, надо иметь в виду, анализируя наши возможности, близкие и дальние перспективы. Однако никакие свои трудности мы не преодолеем, если не будем возвращать людей к родным пенатам.

СОЛЬ ЗЕМЛИ НА ВЕТРУ

При всем том, что на нашем социальном теле нет живого места, особая тема — сказ о бедах нашей многонациональной творческой интеллигенции.

Ее сложная, трагическая судьба еще привлечет к себе ни одно перо, а пока сами, непосредственно находясь в кипящем котле страстей и страданий, постараемся осмыслить: что же происходит с солью великой земли?

Интеллигенция, в частности, в ее тонко подмеченном бердяевском толковании — это довольно молодое социальное племя, зачатое в древности шаманами, жрецами и пророками и рожденное потребностью самоосмысления человеческого стада, всегда и везде находилось в постоянном поиске, наряду с духом созидания несло в себе дух разрушения, противоречий, сомнений и терзаний. И в золотом веке русской культуры —XIX, оказавшем мощное влияние на мировое духовное развитие,— интеллигенция жаждала социальных перемен. Она явилась идейным «могильщиком» авторитарного строя.

Сейчас много споров вокруг 17-го года: чем он был — вершиной или пропастью? Думаю, пройдет время, и История неторопливо вынесет свой справедливый вердикт. Несомненно одно — общество хотело коренных перемен, и оно их получило. Другое дело, возможно, большинство получило совсем не то, чего ожидало.

Как тут не вспомнить две древние притчи?

В санскритской книге мудрости «Панчатантра» описывается история землепашца, который, имея одного вола, умолял Бога дать другого. Бог услышал его — и забрал у него единственного. Тогда бедняга взмолился: «О Боже, не нужно мне никакого другого вола, верни мне прежнего!». Однако Бог уже был глух.

В басне Эзопа лягушки издеваются над Чурбаном, брошенным им Всевышним, требуя настоящего царя.

Тогда Бог дал им Гидру, которая стала их без разбору пожирать, и тут лягушки быстро угомонились.

У меня нет никакого желания пофрондировать аллюзиями, просто, думаю, уроки истории, тем более отечественной, обществу стоит помнить, особенно нашим ультрареволюционерам. Народы — это не фишки. Не мне рассказывать, какая пропасть может пролегать между благими намерениями и конечными результатами в великих социальных экспериментах, и что проделала с людьми гидра сталинизма.

Не надо забывать и следующее: мы есть интеллигенция, испеченная по специальному заказу. И чтобы самим познать себя, необходимо вначале основательно разобраться в механизме чудовищной системы — сталинизма, которая подобрала тесто, слепила и испекла нас, и ответить на вопросы: что она хотела получить и что в действительности из этого вышло? Не получив ответа на этот триединый вопрос, мы так ничего и не поймем — ни в себе, ни в окружающем мире. Откровения, подобные «Слепящей тьме» Кестлера, «1984» Оруэлла, «Архипелагу ГУЛАГ» Солженицына и другим, так и не проникнут в твердь нашего запрограммированного сознания. И непростой ответ мы должны искать без истерики, всерьез — всем своим интеллектуальным миром, по ходу внимательно прислушиваясь к тому, что же думали и думают по этому поводу благожелательные и критические умы на Западе.

Не претендуя даже на отдельное приближение к истине, мне хотелось бы обозначить лишь одно из возможных направлений.

Мне такой механизм представляется эдаким бездушным, кукольным театром абсурда, в котором нити манипулирования были так переплетены и взаимосвязаны, что главный режиссер сам оказался прима марионеткой, а роли главных палачей и колоритных жертв исполняли

одни и те же куклы. (Это им позволяло не мучить себя долгими сомнениями, даже допуская, что нечто человеческое в них могло сохраниться, решая участь миллионов). Их философия представляла собой невероятную смесь доктринерства, жажды власти, кроваво-голубых иллюзий и фанатизма.

В этой философии и выкристаллизовывалась цель.

Понимая, что без интеллигенции не обойтись, система хотела сделать ее ручной. Чтобы по команде она тут же делала требуемую стойку и с радостной готовностью, без искусительных сомнений, глотала любую догматическую пилюлю. Для этого надо было найти ту тончайшую грань, где мысль, достаточно эффективно выполняя функционально-утилитарные задачи, не переходит к анализу. Ибо самый элементарный анализ окружающей действительности неизбежно привел бы к озарению: «Ба! А короли-то у нас голые!».

Задача архисложная! Да и никогда и никому еще в истории она в голову не приходила. Каким же образом взялись за нее?

— Неисправимых устранить (перевоспитывать некогда, нужно торопиться);

— подвергнуть интеллигенцию уничижению (гнилая интеллигенция!) и вколотить в нее комплекс неполноценности;

— разбавить интеллигенцию, сделав ее аморфной «прослойкой», включив в нее всех, кто не стоит у станка или сохи. Растворить индивидуальность в безликой массе. (Прилагательным «творческая» мы пытаемся хоть как-то обозначить контуры того, что принято было называть собственно интеллигенцией);

— держать всех на догматическом поводке. Внедрить в сознание образ искусителя рода человеческого —«врага», который вездесущ, как дьявол, и может соблазнить

даже вчерашних апостолов и неприметно забраться в глубины твоей же души;

— ввести оруэлловский новояз. Оградить массы от тягот. Взамен мысли дать лозунг.

Была ли достигнута цель? И кого все-таки из нас вылепили? К счастью, заключить мысль в клетку вряд ли когда-нибудь удастся, так что наша попытка была чересчур «романтичной». Вместе с тем, идеологические прижигания сделали свое дело — привели к катастрофическому оскудению духовной нивы и заметной приземленности нашего мышления. Кроме того, еще не одно поколение будет мучиться комплексом искусственности своего интеллекта. Это не значит, что теперь мы должны только тем и заниматься, что изгонять из себя бесов. Какими бы мы ни были, без ложной скромности, именно от нас, творческой интеллигенции, в значительной степени зависит дальнейшая судьба нашей страны, наших народов. Хотим того или нет, роль пастырей возлагается на нас. Поэтому мы должны быть очень осторожны и ответственны в своих действиях, словах, мыслях. Только после тщательной дисперсии перекрученных мыслей — отделения чистого, гуманного и логичного от низменного, эгоистического и догматического — можно приступить к проповеди.

А что же мы в действительности наблюдаем?

Речь идет не о банальных спорах среди интеллигенции. Творческие дискуссии шлифуют общественную мысль и высекают искру истины, являются условием любого социального прогресса. Однако у нас преобладает не высокая полемика, а низкопробные дрязги, где за громкогласными рассуждениями об общесоциальных или национальных интересах частенько проглядывают рожки мелких амбиций, где призыв к демократии — лишь способ самоутвердиться.

Отдельные трезвые мысли, гераклитовы слезы, при-

миряющие идеи тонут в общем гвалте и грохоте. Приглядитесь к иным «лидерам» — чего они стоят вообще? И что с ними будет, если «война» окончится? Не окажутся ли они обычными горлопанами и буянами, греющими руки на страстях человеческих?

В этой явно и подспудно разжигаемой розни не может быть победителей, есть и будут только побежденные, так как стычки идут на нашей родной территории и страсти терзают наши народы, безрассудно расходуется наш интеллект, достойный лучшего применения, и так безумно быстро сокращается шагреневая кожа Духа.

Вряд ли стоит все упрощать, многие узлы чересчур крепко затянуты. Простым призывом: «Ребята, давайте обнимемся и все забудем!» — мало чего можно сейчас добиться. Но вместе с тем, надо вначале успокоиться и трезво посмотреть на ситуацию: легче ли нам оттого, что мы кого-то оскорбляем, решаются ли наши проблемы оттого, что мы мешаем другим, лучше ли нам оттого, что плохо другим? Негоже нам быть судией друг другу, но и молча созерцать, как все более ожесточаются непримиримые сердца, безжалостно рвутся связующие духовные артерии,— невыносимо. Пора, вероятно, каждому в интересах своего же народа, своей культуры придерживаться интеллектуального кодекса Чести: «Желая себе Добра, не навреди другому, созидая свое, не разрушай другое, не благоденствуй за счет другого!»

Ибо любая культура, какой бы скромной она ни была — она бесценна, как для Природы одинаково ценны — лев и попугай, слон и соловей, кит и воробей. Кроме того, у всех наших наций — поле нераспаханной духовной целины, любая же культура жива постоянным обновлением. Не лучше ли каждому из нас трудиться на своей ниве, для общей пользы, чем усиленно надрывать глотки на тех небольших перекрестках, где невольно пересекаются наши пути?

Пора бы нам понять, что умный оппонент лучше глупого союзника. Ибо вокруг себя он создает высокое интеллектуальное напряжение, заряжающее всех, включая и его соперника. Кроме того — это ведь наш общий генетический потенциал, общие мозги, работающие в конечном счете на всех. Вернадский мечтал о ноосфере, братья Стругацкие даже в ребенке видят самосущностную цивилизацию, М. Ауэзов грезил о целебном синтезе всех национальных культур. И лучшие люди всех наций и народностей нашей страны призывали и призывают беречь и приумножать великое духовное наследство, доставшееся нам.

И если в нас так и сидит неистребимый вековечный «боец», то ведь есть общий враг — Глупость. Давайте всем миром воевать с нею, причем каждый в первую очередь со своими соплеменниками, в ком она сидит, а одолеть ее, уверяю вас, не так-то просто. Уж сколько с ней воевали такие разные и сильные умы, в числе коих были Эзоп, Ларошфуко, Свифт, Марк Твен, Ходжа Насреддин, Салтыков-Щедрин, Абай и многие другие, а курилка все жив. Так не лучше ли нам продолжить войну с этим вековечным врагом Разума?

А то ведь, наверняка, в царстве теней злорадно улыбается вождь всех времен и народов и лукаво спрашивает прибывших: «Ну, как они там, без меня?».

НЕ РАЗГЛАГОЛЬСТВОВАТЬ О СУДЬБЕ НАРОДА, А ТВОРИТЬ ЕЕ

Полемические заметки

Стены коммунистическо-имперского узилища рухнули. Мы стали независимым государством. Ну, а дальше что?

«...власть перешла из Тюильри к журналистам... правительство, т. е. банкирская и адвокатская аристократия, сделавшая родину своей специальностью, как некогда священники — монархию, почувствовала необходимость дурачить добрый французский народ новыми словами и старыми идеями по образцу философов всех школ и ловкачей всех «времен».

Эта цитата из «Шагреневой кожи» Оноре де Бальзака примечательна для нас поразительной повторяемостью «революционных» сценок из вечной человеческой комедии. Старую власть сменяет новая; демагогические же напевы, дурачащие измученный народ, остаются прежними. Словом, все возвращается на круги своя.

Между тем то и дело слышишь от того или иного витийствующего имярека, что упомянутые стены прежде всего обрушились на его народ. Все эти помахивания мартирологами, ставшие ритуальными, весьма попахивают мазохизмом, но существует резонный вопрос, который каждый из думающих людей может задать себе: а что ждет мой народ?

В силу исторических причин этот вопрос для казахов сопрягается с сопутствующими: кто мы есть, казахи? Откуда и куда идем? Сохранимся ли как самобытный этнос или жернова истории распылят нас среди других народов? Займем ли достойное место на исторической арене? Вопросы эти, связанные с обобщенным понятием «судьба народа», вполне правомерны, и в них нет никакого пресловутого «национального эгоизма». Сейчас мудрые ученые мужи и дальновидные политики понимают: перед лицом грядущего апокалипсиса (ведь наш суперкризис по сути лишь одна из многих глубоких ран большой земной цивилизации, впрочем, вероятно, самая смердящая) человечество может выжить не только при безусловном согласии всех народов (слабые контуры которого намечаются), но и при условии, когда каждый из

них силен сам по себе и озабочен тем, что он может сделать для общего спасения.

Облик народа, определяющий его Судьбу,— понятие многогранное и зависит от многих факторов: сложившейся культуры и истории, образования и уровня жизни, менталитета и среды обитания, характера и духовных традиций, политической структуры и экономики, методов воспитания и социальных отношений, включенности в ритмы мировой цивилизации и умения адаптироваться к меняющимся условиям... Но особую роль в настоящее время играют два фактора, о которых и хотелось бы сегодня поговорить. Это — каналы массовой информации и интеллигенция.

Информационные сирены

Излишне повторять, какую роль в жизни современного общества играют средства массовой информации. Видимо, будет достаточным сказать, что именно благодаря им в первую очередь рухнул коммунистический режим. И вместе с тем трудно снять с них немалую долю ответственности за нынешнее плачевное состояние общества.

Печать, телевидение и радио на первый взгляд стали неузнаваемы. Они осмелели, плюрализм в них стал обычным явлением... Однако при более внимательном рассмотрении видно, что многолетняя идеологическая стерилизация не прошла бесследно. Одни стереотипы быстренько сменились другими, журналисты в большинстве своем с сознательно-ограничительного перешли на бессознательно-импульсивный уровень, подпитываемый, увы, застарелыми комплексами. Здесь — констатация свершившихся фактов и полнейшая беспомощность в прогнозах, подспудная манипуляция общественным мнением, влияние групповых пристрастий в освещении событий, отсутствие глубокой логики, неумение дискутировать с

сильными оппонентами, фетишизация ведущих политических лидеров и отсутствие реалистических политических прогнозов, суетливое желание в рамках каждого издания или программы угодить любым вкусам — от философских раздумий до сексуальных призывов...

Состоящие из двух языковых течений, республиканские СМИ имеют следующие особенности: казахскоязычные — не дразня капитолийских гусей, не устают поучать людей; русскоязычные пытаются соединить известную крыловскую троицу в обличье фрондерства, дисциплины и «беспристрастности», общей же их чертой является провинциализм мышления.

Причины подобного состояния, видимо, заключаются в общем уровне журналистского корпуса. Здесь — и бесправие журналистов (парадокс «четвертой власти»), и мизерная заработная плата, и отсутствие реальных стимулов для совершенствования мастерства, и изоляция широких журналистских кругов от контактов с зарубежными коллегами...

Думающие журналисты вполне ясно сознают — исчерпан легкодоступный, поверхностный, эмоциональный пласт демократизации. Теперь необходимо переходить на более глубокий аналитический уровень. Как?

Надо вспомнить о своей моральной ответственности перед народом. Необходимо искать новые формы обработки и подачи материала, всячески избегая шаблонов и казенщины. Следует быть независимым, в особенности при оценке деятельности верховной администрации.

Нельзя заниматься голой констатацией фактов; какой бы ни был скромный материал, в нем должны быть аналитические интонации, прослеживающие причинно-следственные связи, необходимо четко представлять себе, какую общественную реакцию и какие социальные последствия может вызвать та или иная информация, и не поддаваться искусу дешевой популярности. Очень ва-

жен непосредственный доступ к источникам информации, ведь информация, полученная из вторых рук, вольно или невольно обрабатывается отбором фактов, формой подачи, тональностью голоса или письма.

К вящему сожалению, в нашей республике практически нет международных журналистов, а людей, пробующих себя в амплуа политического обозревателя, раз-два и обчелся. Мы не имеем своей точки зрения на мир, а без этого достойно войти в мировое сообщество представляется весьма затруднительным. (Между тем 20 казахстанцев прошли в Москве краткосрочные, но весьма оригинальные курсы международной журналистики, получившие довольно высокую оценку у мэтров российской журналистики. Увы, лишь единицы из них изредка присоединяются к свите нашего Президента во время его зарубежных вояжей и вообще выезжают «за бугор»... А жаль. Эта группа достойна большего внимания).

Излагаемая информация в идеале должна быть не только рациональной, динамичной и оперативной, но и эстетически состоятельной. Она должна стимулировать активность людей, а не подавлять их.

Необходимо всерьез учиться искусству пресс-конференций, особенно, когда в них принимают участие высокие зарубежные гости. Пока на них мы, казахстанские журналисты, выглядим, как стая перепуганных ворон. Нам надо быстрее преодолевать свои провинциальные комплексы. И не стоит бояться «шишек»— без них мы никогда не выучимся...

Интеллигенция

Надо откровенно сказать — наша казахская интеллигенция, являющаяся основным генератором культуры, расколота на части.

Искушенный взгляд отметит разделение по трайбалистскому признаку, географическому происхождению и

цеховой принадлежности, однако все же основной раскол связан с национальным самоощущением, по этому признаку наша интеллигенция делится на три социальные группы, которые практически мало понимают друг друга: традиционалистскую, обрусевшую и космополитизировавшуюся.

Используемые термины не несут в себе каких-либо оценочных нагрузок, речь идет лишь о стиле мышления и модели поведения той или иной группы. Обрусевший казах может вполне сносно говорить на родном языке, а тот, кто получил национальное образование и воспитание, может прекрасно изъясняться на русском; «космополиты» (здесь речь идет об одиноких носителях Универсального Духа) состоят не только из тех, кто полностью лишился родного языка и национальных корней, но и из тех, чей лексикон на русском языке не намного богаче набора Эллочки-людоедки. Можно задать резонный вопрос: стоит ли вообще относить их к интеллигентам? Вопрос, конечно, интересный, и если им задаваться всерьез, то анализируемый нами круг может катастрофически сузиться.

Так каким же образом можно соединить в единый поток эти ручейки, текущие в разные стороны, чтобы оросить довольно скудную нынче почву национальной культуры?

Начнем с констатации того, что дух противоречия — имманентное свойство интеллигенции, а уж для писательской гильдии, о которой нам не терпится поговорить,— это непременное условие их ремесла. И эти противоречия наряду с творческой состязательностью всегда будут нести в себе в той или иной мере такие понятные чувства, как соперничество, зависть и неприятие. Что делать —«ничто человеческое не чуждо» даже великим мира сего. Возьмем хотя бы такие конгениальные пары: Гомер и Гесиод, Вольтер и Руссо, Достоевский и Толстой

(подумать только, эти гиганты, творя в одно и то же время, на одной и той же Земле, даже не были знакомы), Хемингуэй и Фолкнер... и если непременно нужен пример из жизни нашей республики — то Ауэзов и Муканов. Поэтому всеобщего примирения в писательской среде, шире — среди интеллигенции — никогда не будет, да и добиваться этого не стоит, ибо многополярность культурного мира есть главное условие его существования. Но вся соль в том, что является доминантой всех этих коллизий: творческое кредо или кормушка?

При безусловно равном трагизме судеб Моцарта и Вавилова первому все же повезло больше с его Сальери, чем второму — с Лысенко. И наша особая драма — в полнейшей деформации творческой атмосферы. Причем эти деформации в основном были внесены системой по весьма иезуитским соображениям: во-первых, система видела в творческой интеллигенции (и весьма справедливо) своего будущего судию, поэтому она всячески старалась слепить ее по своему подобию и привить лакейские манеры (что в общем-то отчасти удалось); во-вторых, по принципу разделяй и властвуй, искусственно противопоставила русскую культуру (старшего брата) культурам других народов (младшим братьям); в-третьих, всячески препятствовала развитию национальных культур, ибо видела в этом потенциальные возможности роста вначале национального самосознания, далее стремления к национальному самовыражению, а отсюда рукой подать до стремления к национальному самоопределению; в-четвертых, она особо яростно боролась с талантами, так как только рафинированная серость была способна воскурять фимиам архисерым вождям — и если кое-кому из одаренных людей удалось реализовать свои творческие потенции, то не благодаря, а вопреки.

Мне довелось присутствовать на последнем съезде писателей республики. Так вот, когда речь шла, причем

скороговоркой, о литературных делах, наши «прорабы духа» или похохатывали, или дремали. Но как только речь зашла о руководящих списках, тут же зафонтанировали огненные речи, которые, опаляя многих, затянулись надолго. Право, трудно избавиться от мысли, что слезы Абая были пролиты зря...

Идеологические шоры, бесталанные креатуры власть предержащих, играющих роль «творческих» комиссаров-эмиссаров, остракизм самобытных людей — все это так замутило творческую среду, что в подобной мутной воде «рыбку» — синекуры, премии, награды, тиражи, официальную популярность — ловили в основном не наиболее достойные, а наиболее зубастые, готовые разорвать всех, кто стоял на их пути к заветной цели. И вместе с тем они могли похвалить кого угодно, порой даже по-настоящему талантливого, правда, сидя у него за столом или в дни его юбилея, но их красноречие становилось воистину неисчерпаемым лишь тогда, когда тот или иной имярек, одаренный богом, но гонимый ими же, уходил в лучший мир. Тут все разом начинали лить крокодиловы слезы, посыпали свои головы пеплом, издавали истошные вопли, уверяли всех, что почивший был гордостью и славой нашего народа, перечисляли все его великие деяния и в конце «скромно» зачисляли себя в его близкие друзья. Вспомним участь Мухтара Ауэзова, Каныша Сатпаева, Ильяса Есенберлина, Бауржана Момыш-улы, Мукагали Макатаева...

Но вот наступили новые времена. Изменились ли наши нравы? Ценим ли мы своих здравствующих соплеменников, в ком еще тлеет божья искра,— Абдижамиля Нурпеисова, Олжаса Сулейменова, Фаризу Онгарсынову, Мухтара Шаханова, Алибека Днишева, Калтая Мухамеджанова, Шерхана Муртазу, Мурата Ауэзова?.. Увы! Смотрим на них в лучшем случае безразличным взглядом, в худшем — безжалостно ощипываем перья

пегасов, пытающихся вытащить воз нашей культуры из зловонного болота.

Да и наши пегасы тоже хороши. Порой вместо того, чтобы выполнять божье предначертание, подстрекаемые злоязыкими сороками, стараются лягнуть друг друга побольнее — на потеху всякой шушере. Я не поклонник таланта Валентина Пикуля, но у него есть замечательная фраза: «...интеллигенция, она, как тонкий озоновый слой над планетой, защищающий его от радиации, защищает народ от деградации». Если в целом интеллигенция — это «озоновый слой», то писатели, ученые, художники — генераторы этого самого «озона». Не пора ли осознать это нашим интеллектуалам? Когда и кому удавалось утвердить свое величие в мышиной возне? Стоит ли пыжиться? Ведь пройдет время, и оно безошибочно установит, кому и до чьего сапога надо было дотянуться; пока же энергию ума лучше бы тратить не на низкопробные изустные эпиграммы, а на достойные творения, избрав в качестве ориентиров не отечественные кочки, а мировые вершины.

Очень хочется верить, что наши культурные лидеры, наконец-то переступив через свои амбиции, во имя нашей культуры протянут друг другу руки, и тот, кто поумнее и кого более заботит народная судьба, сделает это первым.

* * *

Сейчас всем тяжко, но ни для кого не секрет: из всех народов, населяющих Казахстан, самое бедственное положение у казахов (кучка самодовольных и сытых не в счет, такие есть у всех). Бич кризиса в первую очередь хлещет по их голым спинам — и положение это день ото дня усугубляется.

Наступает грозный миг общенациональной беды, и, чтобы не видеть этого, надо быть слепцом и циником,

глупцом или прожженным эгоистом. Пора оставить демагогическую трескотню, дешевые лозунги и пустые обещания, надо забыть о былых обидах и нынешних распрях, о партийных пристрастиях и должностных амбициях. Хватит разбрасывать камни, пора их собирать. И не надо искать виноватых, виноваты все мы, кто в меньшей, кто в большей степени, но — все: поэтому без истерики и паники, без самолюбования, без ожидания щедрой награды надо решать, как общими усилиями спасти народ. Надо сбросить оцепенение и мобилизовать все имеющиеся интеллектуальные и созидательные силы для выхода из мертвящей пустыни кризиса и возведения Храма Культуры.

И, наконец, вместо того чтобы сотрясать воздух пышными словесами или мрачными пророчествами, давайте преодолеем мелкую зависть и пустую гордыню — пропустим вперед опытных проводников и талантливых зодчих, выберем себе камень по плечу и понесем его к Храму, а если это нам не по силам, отойдем в сторону и не будем мешать тем, кто это сделает, ибо умение признать силу ближнего своего — это тоже сила.

ЭТИКЕТ И ПОЛИТИКА

Став независимым государством, открыв для себя широкий мир, мы вступили в сферу международных отношений, в которой существует сложный и тонкий иерархический порядок, общепризнанный кодекс поведения, от степени усвоения которого в значительной мере зависит уровень нашей цивилизованности и характер наших отношений с другими государствами.

В лоне межгосударственных отношений не бывает мелочей, здесь всему придается должное значение: по незаметному для постороннего взгляда изменению выражения лица, изменению тона, малейшим отклонениям

от протокола иностранные дипломаты судят о колебаниях политики принимающего государства в отношении их государств.

«Церемониал — это фимиам дружбы»,— гласит китайская пословица,— и кто не умеет тонко воскурять его в отношении своих партнеров, сам не может рассчитывать на должное уважение и признание. Поэтому чрезвычайно важно искусство общения наших государственных лиц, да и бизнесменов, со своими зарубежными коллегами.

Любой официальный представитель и солидный бизнесмен из иностранного государства — это не просто личность, ценная сама по себе, но и, в той или иной степени, творец межгосударственных отношений, общение с которым обязывает нас (впрочем, как и его) к определенной ответственности, ибо от таких единичных контактов складывается общая мозаика государственной физиономии и предпринимательских нравов.

И среди громады других важных дел мы не должны забывать и об этикете в сфере большой и не очень большой, но важной политики. А здесь у нас не все складывается благополучно.

Я не хочу говорить о грубейших нарушениях элементарных этических норм некоторыми нашими, а иногда и их бизнесменами: обмане, подлоге и коррупции; о произволе и корысти некоторых чиновников, наживающихся на бедах народа и презираемых партнерами,— эти болезни настолько очевидны, что в никаком диагнозе они не нуждаются, а требуют лишь эффективного лечения, мне хочется остановиться на нашем **бескорыстном** невежестве в области этикета.

Даже не очень искушенный взгляд, наблюдая в яви или телеокне, отметит суматошность наших приемов высоких, почетных и уважаемых гостей и делегаций, а сколько ошибок совершается во время интеллектуальных еди-

ноборств за столом переговоров, об этом остается только догадываться; впрочем, это можно со значительной степенью достоверности аналитически вычислить, где существуют реальные выходные параметры нашей политики. Поэтому, конечно, была возможность поиронизировать над другими более колоритными фигурами, но думаю, честнее будет далеко не ходить, а вкратце поведать о своих «достижениях» в области контактов с зарубежными представителями.

Анализируя все свои беседы с иностранными гостями, во многих из них я нахожу шероховатости: здесь не совсем то сказано, там слегка не тот тон, а в третьем случае, наоборот, упущено существенное, словом, нарушен важнейший принцип Конфуция, который в вольной передаче звучит примерно так: гибнут слова, сказанные не к месту, а от несказанных к месту слов гибнет дело; мудр тот, кто в нужном месте говорит нужные слова.

Думаю, я был далеко не самым невежественным из наших чиновников, многие из них могли бы рассказать о себе нечто подобное и даже почище. Мораль сей басни такова: наши первые контакты с цивилизованным миром, открыли наши глаза на нас самих и выяснилось, что мы пока неуклюжие дипломаты и сырые политики, да и наше советское воспитание — весьма «оригинально». Вывод: надо менять свои холопские привычки.

Конечно, вмиг нельзя выучиться виртуозному политесу и всем тонкостям этикета и протокола, и мы еще долго будем походить на мольеровского «мещанина во дворянстве», но не приступив всерьез к обучению светскости, мы так и останемся на всю жизнь плебеями. Нам надо приглашать из других стран, скажем, из Франции, Великобритании, Турции, Японии... специалистов для обучения наших дипломатов и государственных деятелей хорошим политическим манерам и не упускать случаев поучиться во время визитов в высокоразвитые страны.

Для самообразования же есть прекрасная книга американского и французского дипломатов Джона Вуда и Жана Серре «Дипломатический церемониал и протокол», вышедшая в издательстве «Прогресс» в 1974 году, которая (или ей подобные) должна стать настольной книгой наших молодых дипломатов и не очень молодых государственных деятелей, да и вообще уважающих себя интеллигентов.

Такт и этикет, церемониал и протокол — важнейшие составляющие международной жизни и здесь нелишне будет вспомнить слова де Мартенса, сказанные в середине прошлого века: «Такт требует уважения к форме, которую близорукий ум презирает. Чем цивилизованнее общество, тем тщательнее соблюдается форма, как барьер неизбежным антагонизмам, порождаемым различием характеров и принципов. Вежливость — это не ложь. Она просто напоминает нам о справедливости и внутренней скромности, которыми мы должны руководствоваться в отношениях с другими людьми. Только в плохой компании нужно кричать, чтобы быть услышанными».

Так вот, если мы действительно хотим войти в цивилизованный мир и хотим быть там услышанными, мы должны принять его нормы поведения.

ЛОДКА, ТАК И НЕ ПЕРЕПЛЫВШАЯ ОКЕАН

ПЕЧАЛЬНАЯ ЭПОПЕЯ РОМАНА ИЛЬЯСА ЕСЕНБЕРЛИНА

Ильяса Есенберлина — выдающегося казахского писателя, одного из самых читаемых в республике повелителей слова — представлять не надо.

Своими романами он будоражил наши зацикленные души, протирал наши сонные глаза, прочищал забитые имперски-идеологическим сором уши и чуть ли не кри-

чал: «Эй вы, послушайте! Вы не безродные пигмеи, у вас были свои герои и злодеи, свои властелины и плебеи, славные победы и горькие поражения; на этой древней земле некогда клокотали шекспировские страсти — словом, у вас есть своя ни на чью иную не похожая История, которая ничем не хуже Историй... других. Так проснитесь же и прядите ее нить дальше».

Сейчас, когда центральная пресса уже перевалила через пик бума стенаний — когда чуть ли не каждый в той или иной степени владеющий пером отбил себе грудь, доказывая, как он отчаянно боролся с Системой, когда ученики, поклонники, коллеги, соседи по квартире и даче и даже случайные знакомые мэтров, ушедших в лучший мир, наперегонки пишут о всеобщей травле именно их кумира, когда уже полностью выпотрошены столы, сундуки и чердаки — в нашей республике царит почти полная благопристойная тишина, как будто и не было у нас вовсе талантов-страдальцев. Лишь изредка, и то лишь большей частью по траурно-юбилейным датам, обронят горькое слово о том или ином печальном эпизоде с имяреком и на этом все. А иные и вовсе, справедливо бичуя казахскую литературу (впрочем, вряд ли можно назвать вполне объективным любое суждение по этому поводу, не учитывающее общее состояние всей советской литературы, включая стольную, а она, увы, весьма далека от мировых стандартов), чуть ли не главным признаком слабости наших литераторов считают то, что они не писали в стол. И, описывая злоключения одного романа И. Есенберлина, мы смеем сказать, что и в казахстанских столах кое-что есть, и попутно хотим выразить надежду, что подобные «хождения по мукам» произведений больше никогда не повторятся, но если все же они случатся, то станут достоянием общественности и загонщики таланта, истинного Таланта, незамедлительно получат по заслугам. Мы разбили свой скромненький

сказ на две части: в первой — вещают только документы, они достаточно красноречивы; во-второй — изложили мысли умудренного писателя, впечатления тонкого читателя и наши бесхитростные комментарии.

Часть первая

Аппаратный лабиринт

Письмо № 1

Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л. И.

«...с тех пор, как я лично Вами был восстановлен в партии, прошло двадцать лет.

За это время я написал десять книг, большинство из них переведены на русский язык и изданы ведущими издательствами Москвы («Советский писатель», «Молодая гвардия», «Известия»), стал лауреатом Государственной премии Казахской ССР, получил несколько правительственных наград. Всю свою жизнь помня о Вашем личном участии в моей судьбе, я сейчас написал роман «Лодка, переплывающая океан»...

По отзывам писательских кругов, книга удалась. Однако секретарь ЦК КП Казахстана по идеологии тов. Имашев С. Н., прочитав один из ее первых вариантов, категорически запретил не только издавать, но даже давать ее читать кому-нибудь для совета.

Будучи уверен, что он не прав, направляю рукопись своего романа Вам, зная Вашу занятость большими государственными делами, очень прошу, разумеется, если сочтете возможным, поручить кому-нибудь из ответственных товарищей, глубоко знакомых с художественной литературой,— дать свое заключение.

Писатель *И. Есенберлин*
31 октября 1974 года»

В тот же день он отправляет

Письмо № 2

«Глубокоуважаемый Динмухамед Ахмедович!

Один из первых вариантов моего романа «Лодка, переплывающая океан» был передан Вам с просьбой ознакомиться и сделать необходимые замечания. Однако роман попал к тов. Имашеву С. Н., который, вместо оказания творческой помощи встретил его в штыки... Мало того, тов. Имашев передал свое отрицательное отношение к роману через ЦК КПСС в журнал «Новый мир», куда мною был представлен для ознакомления первый вариант (редакция журнала была предупреждена мною, что это не окончательный вариант).

...Сейчас я посылаю Вам окончательный вариант романа и очень прошу, коль позволит Ваше здоровье, прочесть его самому.

Этот же вариант я послал Леониду Ильичу Брежневу. Учитывая особую политическую важность поднятых в романе вопросов, прошу не отказать моей просьбе.

И. Есенберлин.
31 октября 1974 года»

Прошло четыре года... четыре
Писатель пишет вновь, теперь

Письмо № 3

«Глубокоуважаемый Динмухамед Ахмедович!

Пять лет я работаю над романом «Лодка, переплывающая океан», посвященным одному из главных исторических периодов нашей республики (шестидесятые — семидесятые годы).

В нем нет идеологических ошибок. Книга написана с сугубо партийных позиций, методом социалистического реализма.

Я еще в мае представил окончательный вариант своего романа в издательство «Жазушы» с учетом замечаний, сделанных товарищами Имашевым С. Н., Исиналиевым М. И., Алимжановым А. Т., Елеукеновым Ш. Р. и секретариатом СП Казахстана. Однако по книге до сих пор нет конкретных решений...

Замечания, которые делают товарищи из идеологического отдела ЦК КП Казахстана, что будто нельзя брать литературными образами работников ЦК, считаю совершенно неверными, ибо предметом литературного воплощения могут быть все, начиная с великого В. И. Ленина и кончая рядовым коммунистом... Другое дело, если образы этих людей будут искажены, но этого нет в моем романе. В моей книге написана правда. Только Правда! В чем же дело?

Русский перевод готов и сейчас находится в Москве, но поскольку мой роман, переводное произведение — обязательным условием его публикации является издание его на родном языке.

А издать его на родном языке я могу только здесь, в родной республике.

Поэтому еще раз обращаюсь к Вам и прошу Вашей помощи».

Ильяс Есенберлин
19 октября 1978 года

Справка № 1

Скоробогатова в ЦК от 20 декабря 1978 г. № 1—8/3478*

Не владея в достаточной степени всей полнотой материала, писатель впадает в субъективизм, приходит к ошибочным суждениям...

Отрицательные персонажи наделены фельетонно-памфлетными характеристиками.

Чтобы читателям было ясно, о каком времени идет речь, автор в ряде случаев называет конкретные имена деятелей — Л. И. Мирзояна, И. О. Омарова, Ж. Шаяхметова и др. Находим мы и фамилии ныне здравствующих лиц, например, М. А. Лаврентьева, П. К. Пономаренко, причем Пономаренко у него отрицательный (172 стр).

Образы партийных и государственных руководителей оказались крайне обедненными.

.создается впечатление, что ТАМ (выделено мною — *С. К.)* подвизается много мелких людей.

Положительный герой — писатель Айбол, становится высшим судией, безапелляционно дающим оценку всем и каждому.

О своем творчестве писатель чрезвычайно высокого мнения: «В книжных магазинах очереди: оказывается, поступил в продажу исторический роман «Айбола». «Это настоящая удача, такой книги у нас еще не было».

Кто это? Есенберлин?

Говоря о периоде начала освоения целины, автор ставит вопрос: несет ли она счастье? И отвечая на него, автор не нашел ничего более типического, чем факт об убийстве парня из местных уголовником, приехавшим вместе с первоцелинниками».

Сцена эта оставляет тягостное впечатление.

Новое произведение И. Есенберлина — проблемное.

Проблемой № 1, занимающей десятки страниц рукописи, является вопрос о необходимости реабилитировать алаш-ординских деятелей Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсунова.

Автор нарушает норму писательской этики, бездоказательно разделяя своих братьев по перу на «чистых» и «нечистых», берет под сомнение истинную художественную ценность творчества ряда казахских литераторов.

Вердикт № 1

27 декабря 1978 года

Писатель И. Есенберлин в течение пяти лет периодически обращается в ЦК Компартии Казахстана с жалобой на издательство «Жазушы», которое отказывается опубликовать его роман «Лодка, переплывающая океан».

Автору неоднократно указывалось Госкомитетом и в отделе культуры ЦК КП Казахстана, что издательство поступило правильно, отклонив рукопись, искаженно представляющую духовную жизнь и деятельность крупных партийных и советских работников, представителей творческой интеллигенции Казахстана.

Незначительные переделки, которые представил автор в новом варианте рукописи, не меняют существа дела. Персонажи его романа имеют конкретных, легко угадываемых прототипов, широко известных в республике, а иные названы своими именами (Л. И. Мирзоян, И. О. Омаров, Ж. Шаяхметов, М. А. Лаврентьев, П. Н. Пономаренко), упоминаются в невыгодном свете Габит Мусрепов, Х. Бекхожин, Дж. Мулдагалиев и др. Зато восхваляются Магжан Жумабаев, Ахмет Байтурсунов (хотя автору хорошо известно, что они были активными алаш-ординскими деятелями), которых писатель старается реабилитировать.

Главными героями романа являются писатель Айбол и «первый человек по должности в Казахстане» Акылбек Ахметжанов.

Повествование построено, как цепь отдельных событий, происходящих в Казахстане за последние десятилетия, и подробное описание отношения к этим событиям главных героев.

Причем, получается искаженная картина современной истории Казахстана: главными событиями являются кадровые перемещения, скандальные истории, интриги, уголовные дела, а не действительно исторические явления этого времени — подъем целины, строительство новых промышленных районов.

По тому, о чем говорят, чем занимаются и как поступают персонажи романа, у читателя может сложиться впечатление, что в высшем звене управления республикой находится много людей мелочных, эгоистичных, преследующих лишь лично-корыстные цели.

Некоторые стороны деятельности Ахметжанова, которых касается писатель (кадровая политика, методы партийной работы, механизм выработки постановлений и т. д.), составляли партийную и государственную тайну.

Откуда же черная информация у писателя Айбола? Часть этой информации он получил непосредственно от самого Ахметжанова в личных беседах на правах близкого доверенного лица, другую собирал из разных сомнительных источников, вплоть до секретарши, которая передает разговор, состоявшийся за закрытыми дверями между ответственными руководителями республики.

Сам того не желая, писатель И. Есенберлин в силу недостаточной компетентности в вопросах партийной и государственной деятельности принизил образ главного героя до уровня обывательских суждений.

В силу этих и некоторых других причин, указанных автору издательством, отделом культуры ЦК Компартии Казахстана, поддерживаем мнение Госкомиздата республики о невозможности опубликования романа.

Вердикт № 2

202. 79 г. N 343/1—8
О рукописи
романа Есенберлина
Им. 10.11.79 г.

Секретарю ЦК Компартии
Казахстана
тов. Имашеву С. Н.

Госкомитет Казахской ССР письмом от 20 декабря 1978 года сообщил ЦК КП Казахстана о результатах рассмотрения рукописи И. Е. Есенберлина «Лодка, переплывающая океан», представленной автором в издательство «Жазушы».

В дополнение к названному выше письму сообщаем следующее: 31 января 1979 года в Госкомиздат Казахской ССР был приглашен автор рукописи писатель И. Е. Есенберлин. Состоялась беседа, в которой, кроме председателя Комитета, приняли участие члены коллегии: заместитель председателя В. Е. Скоробогатов, главный редактор Комитета Н. Ш. Шакеев, директор издательства «Жазушы» А. Ж. Жумабаев, главный редактор этого издательства Е. А. Аукебаев.

Все участники беседы предварительно изучили содержание рукописи романа «Лодка, переплывающая океан», были ознакомлены с материалами обсуждения этого произведения в Союзе писателей Казахстана.

Беседа проходила в спокойной, творческой, деловой обстановке. Участники беседы высказали свои соображения относительно причин, не позволяющих выпустить в свет роман, привели веские аргументы, вытекающие из глав представленной в издательство рукописи.

Поскольку автор пытался отобразить деятельность высших республиканских партийных и государственных органов, прежде всего было обращено внимание на то, что в романе упущено главное, а именно, широкое отображение тех жизненных проблем, в которых проявляют-

ся типичные черты коммунистов, характер эпохи. Автор весьма узко, ограниченно понимает дух нашей современности, представляя ее в виде изолированных действий одиночек, многие из которых разжигают надуманные конфликты и интриги, интересуясь только должностными перемещениями и т. д.

В поле зрения писателя в основном попадают теневые стороны действительности, а чрезмерное акцентирование отдельных ошибок прошлого, исправленных партией, порождает неверные суждения, искажение образа партии, смещение реальности. Так, эксперимент с передачей трех южных районов в состав соседней республики преподнесен таким образом, что бросает тень на сложившееся нерушимое единство и общность интересов многонациональной семьи народов нашей родины.

Партийные и научные оценки места в истории буржуазно-националистической партии «Алаш» и ее деятельности романист не принимает во внимание. Косвенно им выдвигается проблема о реабилитации алаш-ординских литераторов А. Байтурсунова, М. Ж. Жумабаева.

В ходе состоявшейся творческой дискуссии во время встречи с И. Есенберлиным в Комитете вскрыты и многие другие пороки рукописи идейно-художественного характера.

Замечания высказывались с партийной прямотой и определенностью. Участники беседы, например, делая вывод о непригодности рукописи к изданию, отмечали проявленное романистом неуважение к крупным деятелям культуры республики, одного из которых автор назвал прямо по фамилии, а других вывел под вымышленными именами.

Вместе с тем, в обрисовке положительного героя Айбола, прототипом которого является сам автор, писатель допустил чрезмерную переоценку, преувеличивая его вклад в литературу, тогда как заслуги целой плеяды вы-

дающихся художников слова явно принижены или очернены.

Налицо прямое нарушение писательской этики. Тов. Есенберлин И., выслушивая замечания, в ряде мест соглашался с оппонентами, но многое пытался опровергнуть и защитить свою точку зрения, изложенную в рукописи.

А после беседы И. Есенберлин заявил, что он возьмет рукопись из издательства, еще раз подумает об оценке рукописи, данной издательством и Комитетом, и попытается переработать.

II

Ловкий маневр

26.1.1981 г. № 1—10.

Директору издательства «Советский писатель»
тов. Еременко В. Н.
Главному редактору издательства
тов. Козыреву И. М.

Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Казахской ССР ставит в известность, что вновь переработанный роман писателя И. Есенберлина «Лодка, переплывающая океан», рассмотрен республиканским издательством «Жазушы» и будет издан на казахском языке после редактирования и окончательного апробирования в директивных органах республики.

События романа происходят в Казахстане, литературные прототипы его главных героев — известные руководители партии и государства. Роман поднимает важные проблемы партийного руководства, вопросы интернационализма и национальной политики партии, в решении ко-

торых герои произведения преодолевают определенные трудности и сложности. Учитывая это, было бы лучше, если указанный роман вышел в свет вначале на русском языке в центральном издательстве, которое располагает большими возможностями для консультаций в союзных инстанциях, творческих организациях.

Госкомиздат Казахской ССР просит руководство издательства «Советский писатель» рассмотреть возможность издания романа И. Есенберлина в 1982 году, разумеется, если произведение отвечает издательским требованиям. Перевод романа авторизованный.

Председатель Ш. Р. ЕЛЕУКЕНОВ

Часть вторая

Писательские мысли, суждения иностранки и наша слепота. Из дневника.

4 мая 1980 г. *«Одним из важнейших условий создания благополучного общества является всеобщая доброжелательность. Однако, к сожалению, мы повсеместно наблюдаем обратное — недоброжелательность, и очень часто среди начальников. Одни — затыкают рот тем, кто хочет говорить правду, другие — не дают расти способным молодым людям, третьи — отказывают в творчестве талантам.*

И в итоге от этого страдает не только конкретный человек, а весь народ — ибо духовная сила народа заключается в его талантах».

1 октября 1979 г. *«У нас часто критические статьи пишутся лишь для сведения личных счетов, их авторам нет дела до содержания предмета их обсуждения: главное им заранее известно — кого следует поддержать, кого больно уколоть. Эх! Знали бы они афоризм древне-*

римского философа Публия Севрилия: «Даже когда двое делают одно и то же — это не одно и то же». Почему это вдруг я сейчас увлекся историей? Мне не нравится современность? Нет, вовсе нет! Я люблю сегодняшний день, сегодняшнюю жизнь, ибо для меня, старика,— это жизнь моих потомков.

Когда не знаешь жизни, не можешь думать об истории, а я прожил немало и непростую жизнь. И сейчас, оглядываясь назад, я с любопытством замечаю в себе, что мой кругозор стал шире, взгляд острее, осмысление глубже...

Ведь, чем выше подымается древо, тем глубже уходят его корни в родную почву, так и человек, чем больше он думает о будущем, тем больше хочет знать о прошлом».

Из письма Тамаре Федоровне:

«...почему я пишу исторические книги? На этот вопрос ответить очень трудно...

Дело в том, что казахи не имели летописи, письменной хроники, но зато имели необычайно богатый фольклор, в частности, эпосы. Надо сказать, что я воспитывался именно в такой среде, где с детства приучают слушать, знать и любить свои эпосы. И, вероятно, любовь к прошлому своего народа, зародившаяся во мне благодаря этим поэтическим сказаниям, заставляет меня писать художественную историю своего народа, ибо во мне сидит убеждение, что без прошлого нет настоящего и тем более будущего».

А теперь давайте вместе почитаем письмо из Польши.

Варшава, 8.03.83 г.

«Многоуважаемый господин Есенберлин!

Извините за долгое молчание, но я никак не могла решиться написать Вам, в значительной степени из-за

того, что писание на русском языке мне дается нелегко, потому что изучала его самоучкой.

...сегодня получила сигнальный экземпляр «Кочевников» и решила написать, не глядя ни на что.

...Я убеждена, книга будет пользоваться большим успехом, потому что ее тема очень интересна для польского читателя, который в своем большинстве не много знает о ранней истории Казахстана, хотя мы в Истории встречались.

Благодаря Вашим книгам, польский читатель впервые увидит в «жестоком» казахе человека, который ему понравится. А это очень ценно. Силуэты Ваших героев начертаны живо и очень убедительно, они все красочные — несмотря на чьей стороне Ваши симпатии. Мне, однако, кажется, что в «Кочевниках» они получились чуть лучше.

В ваших книгах богатые и интересные реалии — это великий плюс.

...Я обратила внимание на значительные портреты женщин, на их сложную ситуацию. Ваши книги опровергнут много стереотипов, это очень хорошо.

Верхний слой Ваших книг — исторический, но для меня Ваш роман — это очень интересный философский трактат о власти. Ваши размышления универсальны и глубоко мудры. Важно, чтобы, читая Ваши книги, чуткие читатели именно на это обратили внимание.

Мне нравится Ваш язык, такой современный, экономный и такой точный. В нем нет болтовни, столь типичной для многих исторических романов. Это ценная редкость.

Я заметила, что у Вас мало описаний природы, а мне приятно представлять пейзаж — горы, озера и бесконечная (зеленая?) степь. Бога ради не подумайте, пожалуйста, что я хочу уговорить Вас писать о природе, понимаю: Вас прежде всего занимает человек.

Очень хороша Ваша писательская лаборатория. Мне только немножко жаль, что иногда Ваше отношение к кочевникам осуждающе. Вы оцениваете их с современной точки зрения. Они презирали толпу, но это было обыкновенной вещью в истории — ее закономерный этап. Египетские фараоны и римские императоры тоже были жестоки, но к этому их принуждали условия жизни тех времен. Я иногда думаю, что мы гораздо хуже их. Подумайте сами, что могут написать потомки о наших ужасных войнах, но что делать, такова эволюция общества, таковы зигзаги прогресса. Мне кажется, что Вы очень не любите Чингисхана. Интересно, почему? Ведь это великая Личность. То, что я сейчас напишу, наверно, приведет Вас в негодование, но мне хотелось бы, чтобы Вы были, извините, немного шовинистом. Тогда у нас были бы совсем разные точки зрения и их столкновение было бы особенно интересно. Хотя я знаю, что это невозможно. Я волнуюсь, только, пожалуйста, поймите меня правильно. Этот небольшой шовинизм должен характеризовать Вас как рассказчика, а не как писателя и человека. На конец сохранила приятную весть. Мне и рецензенту понравилась «Золотая Орда» и заведующая редакцией Зофия Cadziaianka решила, что будем издавать. Очень этим довольна, как поклонник Вашего творчества.

Извините, что только в общих чертах высказалась о Ваших книгах, но мне трудно перевести всю рецензию на русский язык.

Не знаю, представляете ли, какая это мука, когда так много хочется сказать, а нужных слов не хватает.

Если я совершила какую-либо бестактность, простите, надеюсь Вы понимаете, что это могло произойти только неумышленно.

Примите мой сердечный привет.

С глубоким уважением.

Кристина Дамм».

Что можно сказать об этой изнурительной гонке по аппаратным лабиринтам, укоротившей на несколько лет жизнь писателя и, к тому же, закончившейся безрезультатно?

Писатель, конечно, очень хорошо знал царившие тогда нравы и понимая, какую «бомбу» заготовил, он не очень удивлен тем, что местные идеологические цензоры «не пущают» ее, поэтому в лучших традициях нашего отечества, принятых еще со времен Сталина, а если глянуть дальше, то еще с императорской эпохи, обращается непосредственно к великим мира сего.

Как нам доверительно рассказывал один уважаемый человек, знающий эту историю досконально, державные мужи действительно то ли прочли, то ли дали почитать книгу сведущим людям, но в общем-то сошлись на мнении, что книга сия достаточно благопристойна и вполне может быть опубликована.

Но не тут-то было. Система наложила табу даже вопреки воле вождей и тихой сапой добилась своего: семь лет погоняв писателя по беличьему колесу своих инстанций, она сделала ловкий ход — составила филькину грамоту. А грамота сия была весьма хитра: Алма-Ата готова опубликовать роман на казахском языке, как только он выйдет на русском в Москве, а Москва еще до этого поставила условие дать согласие на зеленый свет роману, как только он выйдет в Алма-Ате на родном языке. Прямо-таки античный парадокс. Каких же эпитетов заслуживают авторы столь «ловкой» проделки, пусть решает сам читатель.

Символическая «Лодка, переплывающая океан», так и не переплыла пучину бюрократии и косности. А ведь эта книга предвосхищала многие литературно-публицистические явления, которые хлыпут на нас всего лишь через несколько лет: не только отдельные партийные деятели, но и вся Партия (к которой мы теперь непременно

добавляем слово «коммунистическая») окажется незадачливым героем лавины публикаций, не только Магжан Жумабаев, Ахмет Байтурсунов, да Миржакып Дулатов, Шакарим Кудайбергенов, но и сам вождь алаш-ординцев Алихан Бокейханов и его соратники получат объективную оценку своей деятельности, и о целинной эпопее будет сказано много нелестных слов — и не надо будет обращаться за соизволением для подобных публикаций не только к Верховному Вождю, но даже к местному бонзе.

Конечно, сейчас своим крепким задним умом мы можем увидеть в этом романе некоторые недостатки, но они были больше привнесены самовольными «советчиками», да и микроклимат того времени, разумеется, оказал свое косвенное влияние, однако при всем при этом самоценность романа сохраняется.

Сохраняется оттого, что он написан провидцем, который видел намного дальше нас и который мог отгадывать загадки Сфинкса — Жизни, перед которой мы всегда терялись и тогда, и сейчас. Ведь если мы так помудрели, почему же столь беспомощны в решении своих, сегодняшних бесчисленных проблем?

Нам вспоминается последнее телезавещание Ильяса-ага. 1983 год. Конец лета.

Парк. Шелестят опавшие листья. Медленно, опираясь на трость, он прохаживается по аллее, ненадолго присаживается на скамейку, вновь встает и говорит, говорит, говорит.

В его словах нет горечи, нет обиды, нет осуждения. Он говорит об истории своего народа, о его характерных чертах, говорит о своей вере в его будущее.

Писатель чувствует, что силы уходят от него, и он торопится поделиться своими размышлениями, своими тревогами и надеждами, и в эти минуты его меньше всего

заботит его личная судьба, он думает о том, что же ждет его народ.

Писатель ни слова не сказал о судьбе своей «Лодки...», хотя по ней непрерывно ныло его сердце. Дома он глаз не сводил с телефона, каждый звонок приводил его в возбуждение... он ждал, ждал — ему было обещано положительное решение — ждал доброй вести из этой трубки.

В сентябре того же года здоровье резко пошатнулось, «скорая помощь» стала частым гостем в его доме, трижды во время этих летучих визитов снимали кардиограмму и никто из этих эскулапов не увидел на ней ничего серьезного и лишь почти через месяц один молодой врач, вглядевшись в очередную кардиограмму, встревоженно воскликнул: «Ведь он на ногах переносит инфаркт, надо его срочно госпитализировать!».

Ильяса Есенберлина положили в престижную совминовскую больницу, там он тоже вел себя беспокойно — вставал, ходил, что-то постоянно искал. На упреки родных, почему же за ним не следят, лечащий врач невинно бросил: «Вы же знаете этих писателей, они такие экспансивные, неугомонные, неуправляемые, так что делать им замечания бесполезно».

Вечером 4 октября больному стало совсем плохо, его родные бросились к дежурному врачу, который оказался не кардиологом, от просьбы вызвать специалистов больницы он уклонился, на предложение родных самим вызвать кардиолога из другой больницы врач изрек: «После 5 часов никакой посторонний врач не имеет права переступить порог нашей больницы».

Сложно определить, чем мотивировалось подобное поведение лекаря: безразличием, душевной глухотой, цинизмом, страхом перед инструкциями или же желанием скрыть беспомощность элитарной лечебки?

Для облегчения боли ему сделали укол со снотворным, он уснул и больше не проснулся.

Ровно в полночь с 4 на 5 октября 1983 года не стало одного из самобытнейших наших писателей.

После его смерти открыли дом-музей в его родном поселке Атбасар Акмолинской области, слепили небольшой, но выразительный барельеф, дали его имя небольшой улочке, прежде прозывавшейся Клеверной.. и вот пожалуй, в основном, и все, более чем скромно для писателя такого масштаба.

Человеку, столько сделавшему для восстановления нашей исторической Памяти, почти отказано в памяти.

Неужто не ясно, что именно такие люди составляют гордость и славу народа?

Неужто надо убеждать, что не Есенберлину, а нам необходим в Алматы его памятник, что давно пора дать его имя одной из площадей, одной из центральных улиц, одному из крупных институтов, одной из библиотек, учредить литературную премию его имени на историческую тему, проводить хотя бы один раз в пять лет есенберлинские чтения, создать дом-музей, выставить достойную экспозицию в центральном музее из переданных туда реликвий...

Ведь должно быть ясно: ущемляя здравствующие, предавая забвению усопшие Таланты, мы обедняем себя.

...И наконец, мы очень благодарны журналу «Жулдыз», опубликовавшему последний вариант «Лодки...», однако, хотелось бы, чтобы до массового читателя (в том числе и до русскоязычного) доплыла первозданная «Лодка...» в виде отдельной книги.

История

УРОКИ НАШЕЙ ИСТОРИИ

История — весьма зловредная дама, она не любит дважды повторять свои уроки, и тех, кто сразу их не усвоил, сурово наказывает.

Похоже, мы, казахи, не совсем поняли это: подумать только, в течение короткого — в исторических масштабах — времени, в начале и конце одного и того же сумбурного XX века, провидение дважды предоставляет нам возможность создать свой прочный национальный очаг — государство, и оба раза мы оказываемся застигнутыми врасплох.

Посему уроки первой четверти столетия представляются весьма актуальными для Казахстана. Тема далеко не простая, предвижу изумление читателя перед прытью дилетанта, взявшегося за столь тонкую и нервную историческую жилу.

Единственным оправданием для меня может служить желание казахского интеллигента, озабоченного судьбой своего народа, любыми способами привлечь внимание лучших исторических умов к ней и в то же время в меру своих слабых сил постараться понять самому, какую роль сыграли наша интеллигенция, наш национальный характер и менталитет в известном развитии исторических событий в Великой Степи и как они могут сказаться в нынешней ситуации. Ибо те смутные годы начала века, искаженные, оболганные, замаранные и пото-

му неверно понятые, несколько сменив обличье, волею судьбы как бы повторяются вновь.

Тогда в результате исторических тектонических потрясений с карты земли исчезли три величайшие империи: Германская, Австро-Венгерская и Российская, а Британская и Французская склонились к закату. Но одна из них, Российская, претерпела удивительную метаморфозу: вначале слегка ощипанная, потерявшая Польшу и Финляндию, через некоторое время, сменив окраску, трансформировалась в еще более мощную империю, которой трудно найти аналог в истории человечества. Можно, конечно, спорить, что многое тогда было другим: Казахстан не обретал независимости. Но ведь это не значит, что не мог обрести: можно сказать, что сейчас Казахстан — независимое государство, но это не значит, что он не может потерять суверенитет или же довести его до ущербного вида.

Не надо обольщаться: и тогда, и сейчас решающую роль в судьбе казахского народа играли не его внутренние возможности и притязания, а внешние факторы. Но это не должно служить причиной для самоуничижения: в истории не раз из-под обломков империй поднимались вчерашние сателлиты и становились сильными государствами. Искусство политики и заключается в умении правильно оценить сложившееся соотношение сил и максимально использовать возможности для достижения своих стратегических целей.

Известно, что судьба любого народа в значительной степени зависит от его вождей, но в еще большей степени от его духовных поводырей, роль которых играет интеллигенция.

Так какой же была наша интеллигенция тогда?

Как пишет Турар Рыскулов, «до революции 1905 года среди казахского населения можно было бы отличить два вида интеллигенции. Одни — интеллигенты, персонально

выдвинувшиеся из отсталой среды в разное время, вроде Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина... правда, немногочисленные, получившие русское образование и связанные с русской интеллигенцией, которые стремились при содействии русской власти приблизить казахов к европейской культуре, и другие — получившие воспитание в татарских, башкирских и других мусульманских школах, стремящиеся путем распространения культуры мусульманского Востока просветить казахский народ». К этому мы могли бы добавить еще интеллигентов нашего юга, испытавших влияние узбекской культуры. Однако ни наша казахская интеллигенция, ни в целом вся азиатская интеллигенция царской России не играла в то время заметной политической роли. По словам Александра Беннигсена и Шанталь Ламарсье — Кельжекей, «лишь в мае 1917 года общественность и правительство империи с удивлением обнаружили существование политической жизни у своих соотечественников-мусульман. Это было в период первого съезда в Москве, объединившего более 900 делегатов, представляющих все мусульманское население России».

Перед Октябрьской революцией казахи имели очень тонкий слой образованной интеллигенции: около 100 человек имели высшее и незаконченное высшее образование, порядка тысячи являлись выпускниками гимназий, прогимназий и училищ, а также было несколько тысяч людей с восточным образованием в религиозной оболочке. Это, конечно, мало, но именно они и, в частности, те из них, которые получили европейское образование, формировали своеобразный политический климат в годы гражданских междоусобиц. Именно этот тонкий слой был чрезвычайно плодородным, кроме того, по сравнению с нашими другими среднеазиатскими братьями он был довольно значительным. Вот почему именно интел-

лигенты-казахи тогда играли очень важную роль в судьбах всего Туркестана.

Основные усилия наша интеллигенция в начале века направляла на просвещение, создание литературного казахского языка, ограждение его от русского, татарского и узбекского влияния, борьбу против переселенческой политики Столыпина, отдавала предпочтение эволюционному переходу к оседлому образу жизни, созданию культурных очагов, выбору цивилизованных ориентиров. Направлений было три: одно традиционалистское и панисламистское, идущее от Туркестана и пытавшееся повернуть взор казахов к Востоку; другое пантюркистское и модернистское, идущее от Казани и Бахчисарая, предлагавшее казахам пути культурного прогресса через Турцию, и наконец, третье — ориентирующееся на Европу, через Петербург.

Во главе этих течений стояли очень даровитые люди, однако мало кто их них надеялся на то, что в обозримом будущем возможно создание казахского национального государства, и потому они не имели каких-либо четких программ по государственному устройству Казахстана. Крушение Российской империи застало их врасплох, и они на ходу стали составлять государственные прожекты...

Идеи были самые разные: великий и разноязыкий Туркестан, государство кипчакского типа — с включением в него казахов, киргизов и каракалпаков; создание Великого Казахстана с включением в него большого куска приграничных сибирских территорий; федерации на джузовой основе и т. д.

Большинство этих идей плохо сочеталось с политическими, географическими, экономическими, культурными реалиями того времени, они несли в себе значительную долю политической импровизации или то, что сейчас мы называем «популизмом».

Судьба же казахов и скороспелой Алаш-Орды в основном зависела от исхода борьбы красных и белых.

Элен Каррер д'Анкосс, член Французской академии, пишет: «В начале 1918 года большевики захватили Оренбург и часть железнодорожной линии Оренбург — Ташкент и тем самым нарушили единство Алаш-Орды... Западная Алаш-Орда связала свою судьбу с башкирами и оренбургскими казаками, а восточная вошла в контакт с Колчаком.

Когда казахи обратились к сибирскому правительству за оружием и инструкторами для формирования армии, чтобы сражаться на стороне белых, оно ответило устами генерала Иванова, ответственного за подавление Джизакского восстания в 1916 году, что для них нет ни одного ружья, ни одного офицера. Более того, Колчак потребовал, чтобы казахи выделяли 6 млн. рублей ежегодно для обеспечения его войск...

...В конце октября Колчак, озабоченный анархией в степи, решил извлечь хоть какую-то пользу оттуда и распорядился подавить Алаш-Орду. Его решение оттолкнуло казахских лидеров обратно к большевикам».

Отсюда ясно видно, что вожди Алаш-Орды, были в общем-то прагматиками, Колчак же своей недальновидной политикой подписал себе исторический приговор, а российских азиатов толкнул в объятия большевиков.

Итак, красные одержали победу.

Общеизвестно, что в результате гражданской войны, междоусобиц, иезуитской политики большевиков был снесен почти весь плодородный слой интеллигенции Российской империи, в том числе азиатов, а так как в числе последних наиболее европейски образованной была и казахская интеллигенция, мощный удар был нанесен именно по ней, и интеллектуальный гумус был сметен. Бороться за независимость стало некому.

И вот сейчас, обретая настоящую свободу, не упо-

добляемся ли мы крыловской стрекозе по весне и лету? Мы с удовольствием подсчитываем число стран, признавших нас, мы бурно хлопаем каждому вновь открытому посольству, у нас голова кругом идет от комплиментов «зубров» мировой политики в адрес нашего Президента, мы счастливы тем, что у нас не стреляют, мы порхаем и пляшем, устраиваем курултаи и тои. Но вот пройдет лето, отшумят пиры, протрезвеет голова, облетят листья с «триумфальных» венков, и «зима прикатит в глаза». К какому же муравью и с каким видом мы пойдем на поклон?

Не надо обольщаться: независимость — это не только государственные символы и признание де-юре другими государствами. Прежде всего это экономическая мощь, самобытная культура и граждане с развитым чувством собственного достоинства. В нищей стране не может быть истинной демократии: нищие — они везде нищие, в рынке или плане, и нельзя от голодранцев ждать ни ударного труда, ни толковых идей, ни патриотизма.

Поэтому, не боясь никаких ярлыков, нам необходимо восстанавливать экономику, если надо — авторитарными методами и параллельно двигаться к рынку, но сей авторитаризм должен быть просвещенным и системным.

Наше общество политически не структурировано, у нас нет сильных и независимых партий и движений, способных влиять на общественное мнение в масштабах всей страны и таким образом управлять процессами на макроуровне. И это плохо. Подобное общество непредсказуемо: в какой-нибудь критический момент кучка беззастенчивых авантюристов, используя самую непотребную демагогию, может увлечь за собой массы и ввергнуть страну в полнейшую анархию и хаос.

Наши реалии таковы, что единственной организованной и серьезной политической силой является государственный аппарат, поэтому вся ответственность за выведе-

ние нашего молодого государства из кризиса ложится на него. Отсюда — нам сейчас нужно правительство, в определенном смысле коалиционного характера, сочетающее в себе опыт лучшей части чиновничества и идеи новых людей, не зашоренных догмами, не обусловленных политическими пристрастиями и объединенных идеей общенационального спасения. Нашим политикам в упорстве отстаивания национальных интересов не мешало бы поучиться у генерала де Голля, который во времена неимоверного унижения Франции в годы второй мировой войны на слова Черчилля: «Ничего не форсируйте! Смотрите, как я: то склоняюсь, то снова выпрямляюсь»,— гордо ответил:—«Вам это можно. Ведь вы опираетесь на крепкое государство, сплоченную нацию, единую империю, сильные армии. А я! Что у меня есть! И все же вы это знаете, я обязан заботиться об интересах и будущем Франции. Это слишком тяжелое бремя, и я слишком беден, чтобы позволить себе сгибаться». Нам тоже нельзя сгибаться ни перед партнерами, ни перед трудностями.

Возвращаясь к сопоставлению начала и конца века, трудно не увидеть определенную параллель с нашими нынешними реалиями, отсутствие четко разработанной государственной идеи. Налицо огромная зависимость Казахстана от событий в России, расколотость национальной интеллигенции, тогда в основном по классовому и трайбалистскому принципу, сейчас — по языковому и социальному, неумению верно выбирать тактические и стратегические ориентиры.

История никакому народу не предоставляла, тем более в одном столетии, дважды такого шанса; нам такая удача выпала, и теперь именно от нас зависит, какой будет наша дальнейшая судьба; будем ли мы «банановой республикой», полуколонией или независимым и сильным государством.

КЛАНОВОЕ СОЗНАНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кардинальное изменение государственного статуса Казахстана вызвало в казахской национальной среде самые противоречивые чувства и мысли, среди коих: радость от возможности непосредственного приобщения к цивилизованному миру и восприятия демократических идеалов; страхи перед возможностью провинциализации культуры и отлучения от мировых ценностей; ощущение исторической ответственности и желание приобщиться к построению сильного государства; восторг от обретения контроля над своими природными богатствами и возможности погреть на этом руки; всплеск национального самосознания и интерес к своим корням; желание не упустить момент и вовремя вскочить на эскалатор, ведущий к вершинам самостийной иерархии; тревога за судьбу нации в столь трудное время и стремление внести свой посильный вклад в консолидацию всего народа и... местнические настроения, трайбалистские тенденции и жузовский «патриотизм».

По поводу последних веяний в нашей печати наметилась дискуссия, в которой, думаю, не будет лишним принять участие.

Начну с того, что иные наши молодцы начали кучковаться и с молчаливого одобрения «своих», вначале вроде бы в шутку, но затем в запале, всерьез, стали громко заявлять: одни, что именно их жуз самый славный, ибо на их удельной территории в древности процветала самобытнейшая цивилизация, именно здесь возникли древнетюркские государства и посему именно они заложили основы казахской государственности; другие им в тон отвечают, что именно их жуз внес наибольший вклад в собственно казахскую культуру, именно они всегда боролись за консолидацию степного государства и благода-

ря им казахи сейчас представляют один народ; их, в свою очередь, тут же экспансивно перебивают третьи, со словами: именно их предки своими мечами расширили и сохранили пределы нашего государства, именно их боевой дух позволил выжить всему народу в труднейших исторических условиях, именно они больше всех положили жертв на алтарь Отечества. Немало именитых мужей лихорадочно роется в анналах своих родов и, наткнувшись на более или менее колоритную фигуру, тут же объявляет ее великой личностью, которую должна почитать вся нация. Причем, никто не хочет отставать от других и чем дальше, тем больше у нас становится «великих». Не спорим, были забытые и забитые имена, почему мы за историческую справедливость, но надо знать и меру. Да и стоит подумать: как, имея столько гигантов, мы очутились в столь захудалом состоянии? И надо же, именно сейчас у многих из них поспели юбилеи и непременно требуется пышное их чествование в республиканском масштабе. И вот чуть ли не каждую неделю во время экономической чумы, то тут, то там идут пиры; на них с трудом поспевают одни и те же «отборные» люди республики. Аллах с ними, с многомиллионными расходами, и даже ничего, что они, предназначенные для духов великих предков, тратятся на потребу мелковатых современников, и не столь страшно, что, как правило, вместо благовоний к небу из бутылок устремляются зловония, но ведь надо пожалеть наших живых «великих», которые вместо того, чтобы трудиться на благо Родины в столь трудное время, вынуждены безостановочно скитаться по всему Казахстану вдали от родных пенат, от работы, от творческой атмосферы, не говоря о наших аппаратчиках, которые вместо того, чтобы думать о том, как вывести государственный корабль из кризиса, озабочены думой: как бы не забыть помянуть и пригласить.

Мне почему-то кажется, что аруахи (духи наших пред-

ков) больше бы радовались улучшению нашего могущества и благополучия, культуры и духовности, чем пустопорожнему их восхвалению; нам бы надо не словами, а делами доказывать, что мы достойны их заветов.

То тут, то там представители некоторых родов проводят свои курултаи, выбирают вождей, составляют свои программы, утверждают некие планы. Стали пользоваться немалым успехом пронырливые «специалисты» в области генеалогии, которые тщательно вычисляют родовой расклад в государственной иерархии и за любым назначением на ответственную должность видят родовые рожки. Иные колоритные государственные деятели, на словах ратующие за национальную консолидацию, взяли на себя роль отцов-покровителей рода и всячески пихают своих сородичей куда только можно.

О серьезности этого феномена говорит хотя бы разноголосица в оценке, звучащая в среде образованной и мыслящей национальной интеллигенции: одни, эстетски кривя губы, считают родовые чувства варварством и с презрением взирают на эту «мышиную возню»; другие во имя высокой общенациональной идеи предлагают вообще истребить родовое чувство и безжалостно давить любые трайбалистские поползновения; третьи, напротив, видят в родоплеменных отношениях своеобразие и силу нашего национального духа, предлагают легализовать и даже институциировать их; четвертые наблюдают в этих тенденциях неизбежную болезнь роста, предшествующую национальной консолидации, которая с возмужанием пройдет; пятые усматривают здесь угрозу гражданской войны не в столь отдаленном будущем; шестые считают — за всем этим скрываются потуги истеблишмента, беспомощного в управлении страной, стремящегося любыми методами сохранить свою власть (призывы к международному статус-кво каждому из них позволяют оставаться в кадровой обойме); седьмые думают, что

существуют некие тайные силы, возбуждающие в своих интересах межродовые распри; восьмые видят в них тяжелую генетическую психосоциальную патологию, требующую глубокого научного изучения и серьезного лечения.

Как видим, проблема не так уж проста, как кажется некоторым.

Трагический опыт Ливана, Таджикистана, Азербайджана и Грузии говорит о том, что все эти страсти вокруг кланов, если их вовремя не приглушить, могут иметь весьма серьезные последствия, в особенности, при наличии сил как в самом государстве, так и за его пределами, готовых использовать древнеримский принцип divide et impera и погреть свои политические руки на огоньке наших трайбалистских страстей.

Эту социальную проблему нельзя недооценивать, от нее нельзя небрежно отмахнуться или руководствоваться страусиной политикой, ибо мы можем так запутаться в трех жузовских соснах и родовых кустарниках, что вовсе забудем о вопиющих важнейших общенациональных и государственных задачах и займемся самоедством.

Однако, тема эта весьма деликатная. К ней нельзя подступить с грубыми мерками и без учета исторических, этнических и культурологических корней. Мы не можем обсуждать своих предков за то, что у них было клановое сознание — это была важнейшая часть их мироощущения, мировосприятия и бытия, со всеми его достоинствами и недостатками: Личность ощущала себя в Роде самоценной и защищенной, и это было психологически очень важно, однако в сознании этой личности Род доминировал над Нацией и здесь скрывался корень всех междоусобиц. Род в реалиях наших предков был строго канонизирован и заключал в себе кровное родство, локальную территорию, постоянное и тесное общение, одни и те

же местные традиции, обычаи, манеры поведения и неразрывные общие интересы. Словом, род — общность, пронизанная целокупными жизненными нитями. Человек всегда на виду у рода, в зависимости от своего материального состояния и социального положения, он занимает определенную нишу, но пределы ее в зависимости от интеллектуальных, моральных и деловых качеств Личности могут быть в значительной степени расширены или ужаты. С учетом этого в наше время родов в понимании наших предков не существует. Часто представители одного «рода» живут в разных краях, порой не знают друг друга в лицо, у них разные интересы и заботы, иная культурная среда, нет единой родовой иерархии, поэтому они больше склонны эксплуатировать родовые чувства, чем служить им, а статус личности полностью вытеснен формализованным положением. Людей объединяет лишь условное родство, зыбкое родовое сознание и стойкие меркантильные интересы. О роде вспоминают лишь тогда, когда это выгодно.

В последней триаде кровное родство, пожалуй, не нуждается в исследовании, меркантильные интересы налицо: город требует подпитки, аул — опеки, сильный — свиты, слабый — защиты. Наиболее таинственное здесь — родовое сознание. Впрочем, эта загадка не только наша, но и всего человечества: почему одни народы сохраняют его, а другие забывают?

Собственно, в самом родовом сознании нет ничего грешного, оно глубоко пронизывает память человечества и до сих пор играет важную роль в жизни многих: индусов и итальянцев, японцев и арабов, индейцев и монголов, шотландцев и кыргызов, обитателей знойной Африки и коренных жителей хладного Севера, поэтому по нему нельзя судить о степени цивилизованности того или иного народа; да и вообще любому обществу свойственна дифференциация и, строго говоря, не суть важно, что

лежит в основе самоидентификации той или иной социальной группы — кровное родство, традиции, вкусы, выгода, чтобы эта группа, сообразуясь со своими интересами, не разрушала, а укрепляла общество в целом.

Социокультурное наследие, каким бы оно ни было, требует бережного отношения к себе. Опыт XX века говорит о том, что успеха достигали не те народы, которые «ломали» себя под внешние условия, а те, которые, сохраняя духовную структуру общества, достижения других приспосабливали под себя. Поэтому нам необходимо очень внимательно изучить тот духовный мир, в котором обитали наши предки-номады, постараться понять в неразрывности их достоинства и недостатки, постигнуть основы их мышления, быть может, тогда мы лучше поймем себя.

С этих позиций очень важно внимательно изучить духовную структуру нашего народа. Тема эта необъятная, посему позволю себе лишь набросать отдельные штришки.

Для казаха-кочевника цифра 3 носила сакральный характер: это система пространственных координат; звенья непрерывной цепи времени, три бытия мира, триада высших богов, три жуза (сотни племен), три журта (родные селенья мужчины), три места кочевок, три социальные пары: личность — семья, род — племя, жуз — нация. 3 — это символ устойчивости, стабильности, гармонии.

Все попытки поставить какой-либо жуз выше других не имеют под собой никакой основы, иначе не было бы единого народа — никакой жуз никогда бы изначально не согласился на подчиненное положение. В этом смысле весьма полезно проанализировать крылатые степные слова:

Ұлы жүзге таяқ бер де — малға қой!
Орта жүзге қалам бер де — дауға қой!
Кіші жүзге найза бер де — жауға қой!

Великим или старшим назывался тот жуз, на территории которого (на юге и юго-востоке Казахстана) располагались древнейшие тюркские государства, именно отсюда на завоевание новых пространств устремились не только два других казахских жуза, но и многие племена древних тюрков (не всегда самопроизвольно, бывало под давлением могущественных соседей или из-за внутренних распрей), поэтому этот край действительно велик, поскольку является прародиной многих тюркских народов. Средним назывался жуз, располагавшийся на севере и северо-востоке, между двумя другими жузами, как территориально, так и во время боевых действий и поэтому имевший право на общенациональное знамя, кроме того именно в его уделе происходило большинство общенациональных мероприятий — встреч, переговоров, празднеств. Младшим назывался жуз, имевший территории на западе и юго-западе, являвшийся по казахской традиции хранителем очага предков (Қара шаңырақ). Он как бы освящал вновь освоенные земли и являлся связующим звеном поколений этноса. Так что искать преимущества в названиях жузов — дело пустое.

Это относится и к сфере риторического разделения труда. Было бы наивным видеть за словами «мал» (стадо), «дау» (дискуссия), «найза» (копье) — конкретные вещи, здесь речь идет о символах.

Для номад «мал»— это символ экономики и благополучия, «дау»— словесного искусства и культуры в целом, «найза»— опоры государства и военной мощи.

И на самом деле, обитая на древних камнях великих цивилизаций и располагаясь на Великом Шелковом пути, южане были весьма умелыми земледельцами и купцами; северяне (до поры до времени), оберегаемые с двух сторон братьями от грозных соседей, имели большую возможность уделить время степному искусству, словотворчеству; западные — в долгой борьбе с Россией,

калмыками, Хивой и туркменами совершенствовали свое военное мастерство.

Это вовсе не значит, что на этих определениях фиксировались неизменные функции жузов, напротив, каждый из них и воевал, и торговал, и созидал культуру (древнейшими очагами цивилизации являются кроме Семиречья — Аркаим и Мангистау), но в этих символах отражалось неуловимое их своеобразие в общей гармонии народа.

Вне жузов были три касты: правителей — торе, жрецов — қожа и воинов — туленгутов. Последние, как правило, споров не вызывают, туленгуты — это дружинники, которые набирались из сильных и храбрых молодцев разных племен, со временем ставших особой кастой-родом — дружиной ханов, лихой степной гвардией. Но вокруг двух первых родов нет-нет да и возникают споры, некоторые представители этих родов не прочь порассуждать о белизне своей кости, о голубизне своей крови, однако надо знать особенности степного быта, чтобы, мягко говоря, усомниться в потугах на подобные претензии, кроме того коммунистический режим полностью перевернул бывшую родовую иерархию, и многие некогда именитые роды ушли в безвестность, а место бывшей «белой кости» заняла «красная кость» и попробуй теперь определи, что лучше—«белая», «красная» или «серая кость».

Так как нам все-таки относиться к родовым пристрастиям?

Жизнь и представления наших предков нельзя не идеализировать, не огрублять, их надо постараться понять такими, какими они были в лоне своего времени, причем следует помнить предостережение мудрого Ларошфуко, что «наши недостатки есть продолжение наших достоинств». При вдумчивом учете нашего психологического наследия мы можем сконсолидировать нацию и достичь высот цивилизации, при неосторожном же об-

ращении мы можем расколоть ее и впасть в пучину междоусобной войны.

Роды в былые времена соперничали между собой, кичились друг перед другом, бывало, тузили друг друга, но если грозила общенациональная беда, как правило, распри забывались и все вставали в один боевой строй.

Нет ничего дурного в том, чтобы помнить свой род и думать о доброй его славе. Но сейчас времена изменились и нам прежде всего надо думать о нашем общенациональном достоинстве и о национальной консолидации, надо помнить, что в слабом народе не может быть великих родов и поэтому каждый из нас, если хочет прославить свой род, должен как можно больший вклад внести в общенациональное дело.

Все в этом зыбком мире — относительно. Родовое сознание может сыграть как положительную, так и отрицательную роль. Если представители всех родов будут вкладывать свои усилия в воспитание в своих сородичах высокого духа патриотизма, общенационального и общенародного единения, уважения представителей других родов и наций, если они поймут, что для того, чтобы стать личностью национального масштаба, надо думать о всей нации, если они не будут жалеть своих (именно своих, а не общих) средств на обучение и воспитание лучших из своей среды, не подминая под себя других, то мы пойдем в гору.

Если же каждый начнет тащить своего сородича наверх, несмотря на его тупость и невежество, при этом безжалостно оттирая даровитых, то это будет означать гибель нашей нации. А если же представители того или иного рода будут говорить, указывая пальцем на глупого сановника-сородича: «Этот балбес позорит нас» и будут требовать его смещения — это будет означать наше оздоровление.

Я понимаю, эти пожелания выглядят по меньшей мере наивными и иллюзорными, но, во-первых, подобные правила игры существуют во многих цивилизованных странах; во-вторых, в нашем молодом поколении уже есть живительная струя, придерживающаяся этих условий; в-третьих, вспомним, что у наших предков существовал неписаный закон межродового баланса, согласия и гармонии, и когда он неукоснительно соблюдался, тогда казахи были на коне.

И, видимо, сейчас можно было бы на страницах печати деликатно, честно и тихо обговорить новые правила игры в новых условиях для поднятия национального духа и укрепления государства. Именно подобный договор чести скрепил бы нашу нацию в столь ответственный период, а со временем казахи нового времени научились бы с ностальгической улыбкой смотреть на свои родовые реликвии через общенациональные очки.

Каждая нация обладает огромным внутренним потенциалом и все зависит от того, на что тратится эта энергия: на созидание или самоедство.

Мы должны внимательно проанализировать свою историю и тогда, вероятно, поймем, что многие наши исторические катаклизмы определялись не только внешними обстоятельствами и кознями врагов, но и нашим особым этнопсихологическим складом, в котором значительное место занимали родоплеменные отношения в ущерб общенациональному чувству.

И если мы хотим стать сильным и самобытным народом, хотим построить крепкое государство между российским медведем, китайским драконом и среднеазиатской лисой, мы должны принять горькие слова-назидания Абая — наше лекарство. Мы должны избавиться от мелкотравчатого трайбализма и воспрять общенациональным духом.

Да поможет нам Аллах!

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ: УРОКИ ДЛЯ НЕОФИТОВ

Накануне 120-летия со дня рождения великого английского государственного деятеля Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля, российское телевидение показывало в определенной степени апологетический сериал «Уинстон Черчилль: путь к вершине».

Его создатели начали повествование с довольно продолжительного отлучения от большой политики своего героя перед Большой Войной, взятого за «нулевую отметку», для более эффективной демонстрации «воли к власти» английского зубра.

Мы наблюдали, как разворачивалась национальная драма противостояния Личности и серости — это происходило в другой стране, в другую эпоху, при других политических нравах, но мы ощущали, что эти события близки нам, если не по тематике, то по состоянию духа в минуты грозной опасности. Мы видели, как власть имущие, вместо того чтобы бороться со злом, пытались его умилостивить, ввести в заблуждение парламент, убаюкивали народ и для них, пожалуй, Черчилль «опаснее» Гитлера.

И только тогда, когда грянул гром — Германия напала на Францию, и реальная угроза нависла над самой Британией,— эти серенькие статисты на большой политической сцене уступили место Черчиллю.

Уинстон Черчилль — одна из грандиознейших и сложнейших политических фигур, оказавший решающее влияние на течение мировой политики в середине XX века. Его путь в политике был долог и тернист, соткан из бесчисленных падений и взлетов, «триумфов и трагедий», являющихся прекрасным материалом для политического детектива.

Судьба сталкивала его со многими колоритными политиками XX века, и как это ни странно при этом он

редко одерживал победы: Ленин не позволил ему удушить большевизм в колыбели (по поводу чего сейчас льют горькие слезы российские ультра-«демократы»); Кемаль Ататюрк вопреки его воле закрепил Турцию в Европе; Махатма Ганди добился независимости Индии, несмотря на его брюзжание; в подспудной борьбе союзников за мировое влияние Франклин Рузвельт заставил его признать своим «первым лейтенантом» (разумеется, здесь не обошлось без изрядной доли иронии). Шарль де Голль не позволил ему затереть Францию; в схватке за Восточную Европу его одолел Сталин — все это, возможно, объясняется тем, что эти события не имели прямого отношения к метрополии.

Но когда возникла жизненная угроза самой Британии, Уинстон Черчилль стал на ее пути, как мощная скала, и британский лев его устами прорычал: «Вы спросите: какова наша политика? Я отвечу: продолжать войну на море, на суше и в воздухе, со всей нашей мощью и со всей нашей силой...

Вы спросите: какова наша цель? Я могу ответить одним словом: Победа! Победа любой ценой, победа несмотря ни на что, победа, каким бы долгим и тяжким ни был путь к ней».

Сейчас немало споров вокруг Большой Тройки — Рузвельта, Сталина и Черчилля: кто из них оказал решающее влияние на результаты Второй мировой войны? Одни утверждают, что главную тяжесть войны с главным противником — Германией, вынес на своих плечах советский народ; другие говорят, что Америка воевала одновременно против всех трех стран — Германии, Италии и Японии. С этими доводами трудно не согласиться, но и умалять роль маленького хитроумного английского «ослика» между «русским медведем» и «американским бизоном» никак нельзя.

Уинстон Черчилль, окончивший лишь кавалерийскую школу, благодаря усиленному самообразованию, ставший журналистом и оратором, художником и политиком, писателем и полководцем, главой исторической школы и главой государства, в обыденной ситуации — циник, фанфарон и демагог, но в трудное время — это умный и дальновидный, тонкий и жестокий, гибкий и опасный (для врага) политик, железный вождь, который для блага своего государства не остановится ни перед чем. Именно он: задумал хитроумный трюк с Рудольфом Гессом — сыграв в молчанку, когда немцы решили, что британцы проглотили их крючок и будут во время их битвы с СССР тихо и смирно сидеть у них в тылу; сделал все, чтобы развернуть фашистскую военную машину на «дранг нах Остен и отвести от себя смертельную угрозу; ввел в заблуждение Сталина и на два года оттянул открытие второго фронта; знал о том, что немцы готовят массированный налет на британский город Ковентри, но дабы не выдать знание вражеских секретов — позволил немецким самолетам стереть сей населенный пункт в порошок; вполне серьезно подумывал к концу войны повернуть оружие против своего союзника — СССР; развязал «холодную войну»... но все это он делал для интересов британской империи, какими он их понимал. И за его труды английские избиратели хорошо «отблагодарили»— прокатив после войны его партию на выборах, тогда-то он меланхолически произнес слова Плутарха: «Неблагодарность по отношению к своим великим людям есть характерная черта сильных народов». Даже в эту горькую минуту он произнес весьма своеобразный комплимент своему народу. (Увы, но по нашему мнению, неблагодарность и недальновидность по отношению к своим великим людям — это все-таки качество слабых народов).

Однако, Уинстон был не такой человек, чтобы прими-

риться с чьим-либо приговором, если его даже вынес собственный и любимый народ: он повторно добивается поста премьер-министра уже в возрасте 77 лет. В 1955 году он подает прошение королеве об отставке, молодая Елизавета II — восторженная его поклонница — предлагает ему герцогский титул, не дававшийся никому на протяжении последних ста лет, но престарелый Уинни вежливо отклоняет это дорогое предложение, пожелав сохранить свою фамилию, вполне возможно, что за этим решением скрывалось огромное почтение к своему великому предку — герцогу Мальборо, с которым он не хотел стоять на одной доске. Но Время и История рассудили по-своему и поставили его... намного выше именитого предка, настолько выше, что в истории Британии очень мало людей, которые по своему величию могут сравниться с ним.

Этот фильм полезен не только государственным деятелям, но и простым гражданам и чиновникам — они могут проследить, как рядовые сотрудники Форин Офис, разведчики, журналисты, члены профессиональных союзов... **рискуют личным благополучием во имя высших государственных интересов.**

Глядишь, и мы прозреем и приведем к власти лучших своих людей, которые воскликнут: «Мы непременно Победим» и укажут нам верный путь.

ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

I. Проблемы трансформации

На наших глазах, при нашем «участии» разыгралась одна из величайших драм XX века, сопоставимая по масштабам лишь с двумя мировыми войнами — почила одна из грандиознейших империй всех времен — Советский Союз. Все таинственно в истории Красной империи — ее зарождение, ее существование и ее гибель.

Дело добросовестных историков будущего — проникать в ее тайны и анализировать объективные и субъективные, инфернальные и «судьбоносные», закордонные и закулисные, социальные и персонифицированные, центробежные и центростремительные, партократические и демократические... причины крушения Колосса. Думаю, найдутся среди них и такие, которые будут рассматривать Советский Союз, как вселенскую лабораторию, в которой были испытаны десятки самых различных политических, социальных, экономических, психологических, национальных, идеологических и метафизических идей, среди коих: коммунизм, марксизм, позитивизм, тоталитаризм, «интернационализм», атеизм, автаркия, план...

Но, похоже, с этой точки зрения, запущенный в начале века Эксперимент, обретший свою внутреннюю и независимую логику развития, вовсе не окончен, завершилась лишь его первая фаза и наступает черед второй,— в которой предстоит 15 государствам, в их числе и юным, суверенно выбираться «из-под глыб» Державы. Этот второй акт не менее драматичен. А каков букет республик?! 6 европеек, 4 азиатки, 3 закавказки и 2 евроазиатки; 9 христианок и 6 мусульманок, с представлением всех ветвей этих религий: православной, католической и протестантской, суннитской и шиитской. Есть среди них малые, средние и большие государства, промышленные, агропромышленные и аграрные; практически мононациональные и многонациональные; в одних идет гражданская война, другие воюют между собой, в третьих — смута, а в четвертых — тревожная тишина. У них разные политические, экономические, социальные, демографические стартовые условия. Пройдут два-три десятилетия, и у каждой из «сестер» сложится своя неповторимая судьба. Одни изберут демократию, другие — олигархию, а третьи, возможно,— автократию. Одни станут преуспевающими, другим повезет меньше, а третьи будут откро-

венными неудачниками, причем не всегда будет прямая зависимость между формой государств и их благополучием. Тогда найдутся «мудрые» толкователи, которые разложат все по полочкам и объяснят, почему ту или иную республику постигла та или иная судьба. И получится, что по-другому и не могло быть. Это будет потом, мы же сейчас живем в самом горниле истории, где выплавляется судьба этих государств, судьба нашего государства, наша с вами судьба.

Не будем гадать о других, но можем ли мы в тумане будущего разглядеть свою судьбу? Найдутся ли оракулы, которые могут нам подсказать, что нам делать, чтобы ее улучшить?

Труднее всего отгадывать загадки будущего, ибо будущее многовариантно и его результаты в зависимости от цепи ситуаций могут быть весьма и весьма различными. Но вместе с тем, будущее не может возникнуть из ничего, оно рождается из нашего прошлого и настоящего и в общем-то составляет единую ткань Времени. Если мы сможем понять узоры прошлого, нити настоящего, тогда мы смеем заглянуть и в будущее.

Поэтому мы должны внимательно присмотреться и понять: кого мы из себя представляем и что мы имеем? И взгляд этот должен быть по возможности логичным, системным, аналитичным и синтетичным; без лишнего самобичевания или самообольщения; без желания угодить сильным мира сего или пофрондировать в угоду популистской волне, словом — без гнева и пристрастия.

Прежде всего, нам, казахам, почти не имеющим собственного опыта государственного строительства, нужно быть прилежными учениками и учиться по ускоренному курсу, в сочетании с практикой. Учебу мы должны начать с усвоения понятия «государство» и ясного представления, какую ответственность оно с собой несет. Опыт колониальных стран показывает, что те, кто «ле-

нился» обучаться у истоков своего государства, остались на всю жизнь недоучками, превратились в марионеток, так и не обрели истинной независимости.

Феномен государства притягивал к себе многие выдающиеся умы, их интересовало: в чем сила сильных и ржа слабых? Где источник жизненной силы народов? Есть ли зависимость между благополучием граждан и могуществом государства? Почему одни, казалось бы, неприметные государства вдруг взмывают к звездам, а другие, казалось бы, непоколебимые и вечные, вдруг низвергаются вниз? Почему это происходит: из-за внутренних или внешних причин? Почему одни государства привержены одной форме, а другие меняют их как платья с любой переменой погоды? Что определяет судьбу государств — Разум, Фатум или Случай?

Каждому из мыслителей казалось, что ему удалось открыть основной секрет Государства: Конфуций видел ее в трансцендентальной сущности, Платон — в мудрости правителей, Аристотель — в форме государства, Монтескье — в духе его законов, Макиавелли — в «высоком цинизме» властителей и, наконец, уже в наше время, Лев Гумилев — в пассионарности граждан. Протей — государство же каждый раз меняло свой облик, и поиски его сущности приходилось возобновлять, но плоды раздумий этих гигантов не пропали втуне, они вошли в духовную сокровищницу человечества.

Мощное развитие науки и техники, в частности, кибернетики, систематизация и интеграция наук, обобщение богатого мирового опыта, во II половине XX века позволили ученым взяться за эту проблему комплексно, в итоге вырабатывался системный подход, согласно которому государство — это сложнейший организм, в котором переплетены тысячи тончайших нитей — экономических, политических, социальных, национальных, куль-

турных, идеологических, географических, демографических, экологических...,— имеющий свою строгую внутреннюю иерархию ценностей. В этом организме ничто не существует автономно, само по себе, все здесь взаимосвязано и взаимозависимо, ничто не может быть изменено произвольно, ибо любое сколь-либо значительное изменение одного из факторов тут же влечет за собой трансформацию других, а если эти изменения существенно задевают целый блок, то последствия могут быть непредсказуемыми. Поэтому при решении любых, даже самых жизненно важных проблем необходимо учитывать их воздействие на другие сферы. К сожалению, эти простейшие истины советскими и постсоветскими политиками жестоко попирались и попираются, наиболее вопиющим примером может служить, хотя бы дико организованная горбачевская антиалкогольная кампания, которая, как небольшой камешек, покатившийся с горы, вызвала обвал всей экономики Союза. А то, что сейчас происходит во многих республиках, не отвечает даже элементарному здравому смыслу самосохранения. И в нашей республике часто приходится наблюдать, как ретиво берутся быстро выправить положение в какой-либо отрасли без всякого учета взаимосвязи ее с другими отраслями.

Именно системный подход, вкупе со здравым смыслом, позволил Японии, Германии, Израилю, Испании, прагматичным арабам, дальневосточным «тиграм», Китаю, да и многим другим сотворить свои чудеса. Вообще-то, подобное «чудо» в нашем веке стало обычным явлением, и выбор широк — на любой вкус, остается только изучить их общий механизм и взять наиболее подходящее. Поэтому на стыке двух тысячелетий, во время величайшей научной революции, имея перед глазами наглядный пример успеха многих государств, нежелание или неумение извлечь для себя из всего этого полезные уроки и пускать вопросы государственного строительства и

гражданского общества на самотек, простите, это — глупо.

На авось ничего путного не построишь, тем более — государство, но и при планировании строительства нельзя строить расчеты на миражах, наподобие «Стратегии...» нашего Президента, подобные воздушные замки недолго тешат наше самолюбие и при первом ветерке реальности тут же рассеиваются, и эта иллюзия не так уж безобидна, ведь попусту теряется столь драгоценное время. (Два с лишним года после опубликования «Стратегии...» наглядно показали, чего она стоит: вместо обещанного быстрого подъема мы с еще большей скоростью падаем в пропасть всеобъемлющего Кризиса).

Если мы хотим всерьез строить, а не просто пускать пыль в глаза, мы должны исходить из суровых реальностей и рассчитывать только на свои возможности: никто и никогда не является бескорыстным строителем чужого счастья.

В данной статье мне хотелось бы в системном духе взглянуть на некоторые проблемы нашего государства.

II. Лидер в лоне истории

В истории государств, в особенности, в переломные их периоды, особую роль играли лидеры. Именно их воля, энергия, целеустремленность, умение собирать вокруг себя когорту (команду) талантливых людей и заражать их своей пассионарностью определяло успех того или иного государства. Вспомним Александра Македонского, Октавиана Августа, Атиллу, Чингисхана, Тамерлана, Бабура, Аблай-хана, Наполеона, Ататюрка, Франклина Рузвельта, Шарля де Голля и Дэн Сяопина. В этом ряду много воителей, это и объяснимо, ибо в такой обостренной форме политики, как война (по Клаузевицу) наиболее выпукло проявляются достоинства вождей.

Напомним вкратце о великих деяниях некоторых из них. Октавиан, не блиставший особым умом и ораторским искусством (почему он и ввел впервые в практику чтение по бумажке), обладал важным для государственного деятеля даром — умением использовать ум и способности других для управления государством. Именно при нем таланты активно поощрялись, а благоразумие поддерживалось, благодаря чему он пресек жестокую гражданскую войну, одолел смуту и поднял Рим на вершины славы, посему еще при жизни он удостоился чести называться Августом Божественным. Умирая, он, таинственно улыбаясь, произнес: «Ну, как я сыграл свою роль?!» Ответ был без сомнения один: великолепно!

Чингисхан в разрозненной орде безвестных кочевников сумел отыскать блестящую плеяду великих полководцев, тумены которых завоевали почти весь тогдашний мир и создали величайшую империю всех времен и народов.

Аблай-хан, в жестоких тисках между двумя империями, в условиях близоруких межродовых распрей и непрекращающихся степных интриг сумел создать казахскую государственность.

Кемаль Ататюрк в гордом одиночестве устоял против всей Европы и спас не только честь и достоинство турков, но и отстоял национальную независимость и создал на обломках развалившейся империи новое государство. Устои, заложенные им, позволили современной Турции сделать рывок в XXI век.

Франклин Рузвельт разбудил веру американцев в себя, и они преодолели великую Депрессию, он сделал решающий вклад во Вторую мировую войну и вывел из нее США великой державой.

Шарль де Голль, не утвержденный генерал, всего лишь заместитель министра, «посмел» взять на себя ответственность за Францию перед историей — своими незначи-

тельными силами одержал победу не только над врагом, но и над своими союзниками, и униженную в 40-м году Францию в 45-м сделал страной-победительницей и вывел в члены Совета Безопасности ООН. Обливаемый со всех сторон грязью, ненавидимый врагами, проклинаемый союзниками, предаваемый соратниками, мало кем понимаемый, он вытащил свою страну из глубокого кризиса, смуты и раздора.

Дэн Сяопин на наших с вами глазах поднял с колен более чем миллиардную, замордованную идеологией страну и поставил на путь прогресса. При этом он не стал слушать лукавых советников из западных стран, не стал сводить счеты со своими политическими оппонентами, не стал чернить историю своей страны... и, полностью полагаясь на здравый смысл, повел свой народ своим путем в историю.

И наоборот, когда у руля государства становится недалекий, слабовольный и не озабоченный судьбой народа правитель, то его тут же окружает камарилья, плуты, проходимцы и карьеристы, которые начинают творить произвол и доводят даже благополучную страну до краха, но вся эта камарилья до самого последнего момента не перестает шептать на ухо своему шефу: «Все хорошо, прекрасная маркиза!» Напомним участь Нерона, Карла I, Людовика XVIII, Николая II, Михаила Горбачева, да и Бориса Ельцина.

Были, конечно, в истории и трагические фигуры, которые, несмотря на свою великую одаренность, терпели к концу своей жизни крушение: Ганнибал, Помпей, Наполеон, Баязид I и отчасти наш Кенесары, но о них разговор особый, во всяком случае каждый из них до своего фиаско успевал совершить исторические деяния.

Всех великих государственных деятелей объединяло одно: умение разбираться в людях и подбирать конгениальную команду, именно в подборе команды опреде-

ляется масштаб лидера, и тут весьма уместна стилизованная поговорка: «Скажи мне, какая у тебя команда, и я скажу, кто ты».

Конечно, собирать вокруг себя лучших людей — дело непростое, и тысяча искушений терзает лидера: не хочется обидеть тех, кто привел тебя к власти, хочется пособить своим людям, велико желание увидеть вокруг себя слепо преданных людей (увы, но степень преданности становится ясной только лишь после потери власти), хочется, чтобы твое окружение постоянно восхищалось тобой и беспрестанно пело «аллилуйя». Психологически объяснимо желание чувствовать себя великим, мудрым и непогрешимым, поэтому не хочется, чтобы перечили, и вот уже вокруг тебя собираются интеллектуалы, в основном, попроще, но в их окружении весьма «комфортно»... Глядишь — потеряна связь с реальностью и чем дальше, тем больше, и уже не хочется знать о ней ничего, гораздо приятнее слушать то, что хочется услышать, видеть то, что хочется увидеть...

А надо бы знать людям, взявшимся за бразды правления государства, особенно в его драматические периоды, что время скоротечно и посему надо торопиться свершать достойные дела, дабы по прошествии времени не кусать себе в бессилии локти: «ах, почему я тогда так не поступил». И надо помнить, что для них важны не льстивые вздохи окружения, не лукавые комплименты политических лис, ни даже почтительное молчание народа, а суд Истории. Руководитель государства, не обладающий историческим честолюбием, не думающий о том, что о нем скажут потомки эдак лет через 50 — не серьезный политик, не государственный деятель, а временщик.

Наша официальная пропаганда и «обольщенная» пресса не перестают петь дифирамбы нашим вождям за наше счастливое суверенное детство: ах, какая у нас благодать, мир и покой, ах, как мы счастливы, по сравнению с

другими. Есть, конечно, отдельные недостатки, но ведь самое главное — нет войны.

А как наша журналистская братия изящно задает вопросы нашим триумвирам во время их пресс-конференций: ну не дай бог обидеть хороших людей, благодаря которым мы столько имеем! В этой благодушной атмосфере, изредка нарушаемой отдельными «выскочками», в которой идет доверительный, шутливый, «демократический» разговор, как-то забывается, что творится в это время за стенами президентского дворца. Не хочется верить, что народ в нищете, цены остервенело рвутся вверх, экономика в катастрофическом состоянии, промышленность на грани полного развала, культура агонизирует, мафиозные структуры правят бал, а сепаратизм поднимает голову. А тут еще иностранные сирены заливаются: «Ах, какая у вас богатая страна, какие у вас ресурсы, какой у вас президент, какой спикер, какой премьер, какие у вас перспективы, и быть вам непременно великой державой...»

От этих дежурно-экзальтированно-лукавых комплиментов у иных «мандаринов» голова идет кругом, щеки раздуваются, грудь выгибается колесом, в голосе появляются самоуверенные нотки: «Да, да, мы сами знаем, какое нас ждет великое будущее». Балаган, да и только.

Более года мы пребывали в убеждении: весь мир в умилении от того, что мы получили независимость. Мы были уверены, что все нас очень любят, правда неизвестно за что, но любят сильно, и все они готовы мчаться к нам на помощь, отбросив свои дела.

Кое-кто до сих пор не избавился от этой блажи. Не пора ли опуститься на землю? Не пора ли отряхнуться от провинциальной маниловщины? Не пора ли подумать: почему столь сладкие речи не подкрепляются реальными делами? До сих пор мы еще дети в большой политике, наивны и неискушенны,— и зубрам мировой политики, и

тертым бизнесменам, и просто лихим авантюристам нетрудно водить нас за нос, нашептывая дешевенькие комплименты в наши доверчивые и развесистые уши.

Как и во все смутные времена, у нас сейчас в моде различные «пророки», доморощенные и залетные, из ближнего и даже сверхдальнего зарубежья. Для них народ — это лишь материал для экспериментов и источник их процветания, так как эти господа — большие циники и никчемные ученые, естественно «эксперимент» не удается, и, конечно, виноват не сам горе —«пророк», а материал, который, оказывается, не того качества.

Так и хочется сказать этим узколобым «гениям»: почему бы вам не поехать в те страны (в которых, кстати, некоторые из вас проживают и где вас не особо привечают), где есть подходящий «материал» и не опробовать свои «великие» идеи. Можно себе представить, что бы сделали с этими «экспериментаторами» «за бугром», попробуй они там играть судьбой народов, судьбой государств.

Народ — это святое понятие и к нему не приложимы негативные оценки, и никому не дано право его осуждать, а уж тем более проводить над ним эксперименты. В каждом народе кроются мощнейшие созидательные и творческие силы, духовные богатства, только надо уметь раскрыть их, а для этого надо обладать особым даром проникновения в его сущность, постичь код, открывающий дверь в эту сокровищницу, код, который поддается только любящим его.

Слушая легковесные обещания будущего рыночного рая, видишь, как опять власть имущие тешат себя несбыточными иллюзиями. Как можно говорить о каких-либо перспективах, когда народ нищ, гол, замордован и ни о чем другом, как о физическом выживании не может думать? Господа! Кто построит нам этот рай? Американцы? Турки? Немцы? Марсиане? Нет, наверное, все-таки

наш народ. Так создайте же ему элементарные условия для работы, разберитесь сами, пожалуйста, чего хотите и ясно объясните народу, чего от него ждете, разбудите в нем веру в себя, дайте дорогу талантам, и наш народ совершит любое чудо.

Пока исторический ветер дует в наши паруса, но ветер ветром, а мы прежде всего должны знать, куда плыть, как говорили древние: «Для корабля, который не знает, куда плыть, ни один ветер не будет попутным». Сейчас же ветер гуляет в нашей голове и нет ясного представления, чего мы хотим. Наглядным примером нашей беспомощности является наше подражание России, в котором мы часто доходим до неприличия, стоит ввести ей какую-либо новацию, как правило, не совсем обдуманную, и мы тут же, слегка переиначив, принимаем ее. В свою очередь Россия пытается скоропалительно перенять западные, в частности, американские, стандарты. Думаю, неплохо было бы российским и нашим «реформаторам» прислушаться к словам американского философа Ральфа Эмерсона, сказанные полторы сотни лет тому назад в эпоху европомании в Новом Свете: «...наши дома построены в чужом вкусе; наши полки уставлены чужими предметами украшения, наши мнения, наши вкусы, наши способности опираются и следуют за прошедшим и отдаленным... В своем собственном сознании художник искал для себя модели. Свою собственную мысль он приложил к предмету, который должен был создать, и к условиям, которые должны быть соблюдены... Придерживайся самого себя; никогда не подражай. Свое собственное дарование, культивируемое и развиваемое в течение целой жизни, ты можешь проявлять каждую минуту; но заимствованный талант находится лишь временами и наполовину в твоем обладании». О Всемогущий Аллах! Вразуми же нас!

Россия до недавнего времени больше демонстрирова-

ла отрицательный опыт, по сути она проводила не реформы, а квазиреформы, если под словом «реформы» понимать благие перемены, а не перемены ради перемен, да и фригийский их колпак только прикрывал корыстные намерения новой популяции бюрократов.

Впрочем, можно понять наш истеблишмент, который сам не был в состоянии самостоятельно разобраться в коловращении меняющихся с космической скоростью событий и адекватно реагировать, а между тем что-то надо делать, поэтому и цеплялись по привычке за «старшего брата», который, конечно, считался умнее. Но, простите, господа, не кажется ли вам, что мы напоминали слепого, цеплявшегося за слепого поводыря. (Впрочем, после кровавого октября -93 Россия, похоже, стала прозревать и менять курс, мы же по инерции все еще шагаем старой дорогой).

III. История и менталитет

Небольшой срок нашего независимого существования показал, государство — нечто более сложное, чем нам представлялось, когда мы мечтали о нашей независимости. Впрочем, ничто не ново под луной, все государства, ступившие на стезю независимости, сталкиваются с серьезными проблемами, многие из которых родственны, поэтому изучение опыта других молодых государств весьма полезно, особенно тех, кто добился впечатляющих успехов. Однако, все государства уникальны, нет двух похожих, как две капли воды, где можно было бы безболезненно переносить положительный опыт одного в жизнь другого.

А случай Казахстана, пожалуй, сверхуникален. Волею судьбы на стыке тысячелетий многие наши жизненно важные сферы неожиданно оказались в совершенно новых измерениях: государственность, политика, эконо-

мика, культура, идеология... и от того, насколько успешно мы сумеем адаптироваться к новым условиям, будет зависеть наше будущее.

При решении этой сверхзадачи нам нужно соблюдать следующие правила: торопиться, не поспешая; учиться больше на чужих ошибках, чем на своих; внимательно слушать других, но решения принимать самим; избегать авантюризма, но и не бояться оправданного риска; верить в свои силы и возможности и не терять головы в любых критических ситуациях. А также придерживаться принципов: не создав нового, не торопись разрушать старое; новое должно быть заметно лучше старого; не копируй других, а творчески используй их опыт; ты должен управлять событиями, а не они тобой; не таланты должны обивать пороги чиновников, а чиновники денно и нощно должны искать таланты.

Наша республика формировалась как сравнительно небольшая, зависимая часть огромного Целого, Державы, теперь же ей предстоит в сравнительно короткий период обрести все атрибуты самостоятельного Целого, а это весьма сложный процесс, в котором в один клубок сплетаются институциональные, политические, экономические, социальные, культурные и не в последнюю очередь — психологические вопросы, ведь речь идет об эволюции относительно примитивного государственного организма в новый и цельный организм со сложнейшей иерархией. Поэтому в строительстве государства заглавную роль должны играть честные и квалифицированные люди с системным мышлением, умеющие не только быстро строить, но и представлять, каково же будет жить в этом доме людям. И здесь нельзя доверять «мастерам», привыкшим делать вычисления на пальцах и закладывать стены на глазок. Увы, но вопиющие примеры такого рода приходится наблюдать. Надо ясно понимать: многое из того, что мы делаем сейчас, в силу психологи-

ческой инерции уже возводится в «норму», и уж если эти «нормы» деформированы, то можно ли мечтать о совершенстве будущих форм.

Нам досталось довольно тяжелое наследие, которое к тому же мы сами и наши партнеры еще более усугубили.

Нынешние проблемы весьма существенны и прежде чем браться за них, надо ясно себе представлять их масштаб и сложность. Можно случайно получить независимость, но построить случайно сильное государство нельзя. А ведь для решения этих проблем у нас есть мощные рычаги: богатейший опыт государств, достигших грандиозного успеха практически на глазах одного поколения; грамотное население, причем профессионально грамотное; наши огромные природные богатства и... мизерная заработная плата. И если сложить плюсы и минусы, то уж наши плюсы ни в коем случае не уступают нашим минусам: лишь бы была голова на плечах.

Немаловажным для нас является наше отношение к своей истории, к ее трактовке, к ее месту в лоне человеческой цивилизации. Сейчас в этом плане выявляются три тенденции: первая, пользующаяся официальным благословением, стремящаяся скалькировать основные постулаты российской истории — державность, величие, эгоцентризм, с подбором исторических фактов, льстящих нашему самолюбию, то есть желающая осуществить очередную мифологизацию; вторая, исходящая из нигилистских кругов, фактически отрицающая наличие какой-либо самостоятельной истории казахов и отводящая нам роль извечных статистов; и, наконец, третья, ростки которой только-только пробиваются в среде объективно мыслящей казахской интеллигенции, желающей реконструировать истинную историю своего народа со всеми его победами и поражениями, для извлечения из нее полезных уроков.

Вообще с нашей историей предстоит еще долгая история, у нас по сути еще нет исторического мышления, нет своей оригинальной летописной школы (имеющиеся многотомные исторические труды — лишь свод разрозненных фактов), а когда нет своих геродотов, как бы и нет своей истории. Ведь внутренне достоверную и убедительную историю можно написать только кровью и это удается не каждому, это доступно только человеку, способному понять душу и волю народа, возможные их метаморфозы во времени и пространстве, способному прочувствовать внутренние причины тех или иных явлений и, пропустив их через свое сердце, связать воедино, а это дается только сыну, талантливому сыну этого народа. Я верю, пройдет не так уж много времени и такие появятся, главное их не проморгать и дать им возможность выполнить свою миссию. Но и нам нельзя сидеть, сложа руки, в ожидании их прихода.

Надо неустанно по крупицам восстанавливать свою историю, пользуясь китайскими, арабскими, иранскими, турецкими, российскими, европейскими... источниками, отвергая нелепости второй тенденции, но и ни в коем случае не забывая об опасностях первой.

Вполне объяснимо желание любого государства иметь великую историю, увы, это дано не всем, но для всех желающих приобщиться к ней, всегда есть шанс. В мировой истории существуют некие абсолютные и непререкаемые величины, возвышающиеся из античности — Египет, Вавилон, Китай, Индия, Греция, Иран, цивилизация ацтеков и майя, но вместе с тем существует группа государств, интерес к которым вызван их современными достижениями — США, Канада, Австралия, Сингапур, Турция, Финляндия... и это естественно, ведь прошлое в значительной степени преломляется через призму настоящего. Поэтому, если мы хотим самоутвердиться и обратить

мировые взоры к своим корням, нам надо построить крепкое государство.

Предпосылкой любого продвижения вперед является самопознание, реальное осмысление своих достоинств и недостатков, соотношения силы и бессилья, и в этом плане чрезвычайно важно изучение народного менталитета и менталитета политической элиты.

Современный казахский менталитет представляет собой смесь советского и казахского этнического мышления. В столь тонкой сфере, как социальная психика, вычленение, конечно, не лучший метод, тем не менее имеет смысл рассмотреть в отдельности корни нашего менталитета.

Известно: тоталитарный режим не любит интеллектуалов, в них он видит угрозу своему существованию. Почившая Система не была исключением и вела противоестественный интеллектуальный отбор; конечно, она не могла устоять на одних дураках, поэтому, как правило, лучших она выбраковывала, «худших»— нещадно эксплуатировала и давала дорогу гладкой серости, что в итоге привело к ее гибели: Колосс — Союз рухнул не от того, что у него были глиняные ноги, напротив они у него были чугунные, а от того, что у него были куриные мозги.

Советский менталитет имел три ветви: слабенькую — очень самобытную, питающуюся идеями интеллектуалов, ушедших в «духовное подполье»; мощную — массовую, зашоренную и напичканную догмами; и сухую — номенклатурную, пропитанную цинизмом, демагогией и карьеризмом.

Первая ветвь, познавшая все муки духовной аскезы и самоистязания, должна со временем спасти всех нас и родить философию надежды на пороге Апокалипсиса; вторая уже демонстрирует все свои склонности к манипуляции и если вовремя не наставить ее на путь истинный, то трудно будет остановить видимые уже признаки

ее деградации; третья показывает свою удивительную способность к мимикрии — она вновь у власти, только окраска другая.

Исконная казахская ментальность также имеет три ветви: первую гложет ностальгия по прошлому, ей так и хочется вернуться в XVIII век и не выходить из своей дырявой юрты; вторая, массовая, склонная плыть по течению и жить одним днем; а третья — стремится возвысить свою нацию до уровня требований современности. В целом же наш этнический стиль мышления характеризуется беспечной созерцательностью, отсутствием строгой системности, предпочтением красоты слога логике, презрением к дотошности, стремлением только к «сливкам знаний» и эгоцентризмом. Эти слова вовсе не являются самобичеванием, это просто реалистическая самооценка, которой, кстати, никакой народ, уважающий себя, не избегал в переломные периоды своей истории.

В действительности, конечно, упомянутые вариации ментальности не существуют в чистом виде, а составляют сложную смесь даже в одном лице — различного соотношения. В народе, в силу коренной ломки общественного сознания эта смесь пока еще не превратилась в сплав, что, конечно, со временем произойдет и его качество будет зависеть от того, какие компоненты будут преобладать.

IV. Чиновник и государство

Государство не может существовать без чиновников и потому нам надо бы всерьез подумать о причинах болезни нашего чиновничества и путях его исцеления.

Вероятно, этот разговор, в первую очередь, нужно начать с того, что сам по себе бюрократический аппарат в силу своей природы, независимо от эпохи и страны, содержит в себе микробы злоупотребления властью и все

дело в хорошей прививке против них в виде личной заинтересованности в честности и продуманной системе контроля.

Во-вторых, бывший центр не терпел у власти в провинциях чересчур, с их точки зрения, самостоятельных людей и на республиканских вершинах, в основном, пребывали люди марионеточного склада, не сующие нос в большую политику и готовые выполнить любое указание Москвы. Поэтому стоит ли удивляться тому, что подобное усечение сферы интересов направляло все их мысли и энергию на дворцовые интриги.

В-третьих, слепой и бездумный авторитаризм, царивший в недавнюю эпоху и имеющий значительную инерцию, приводил к произволу в кадровой политике; ваши личные деловые качества почти не играли никакой роли, в лучшем случае играли косвенную, главное же было — понравиться боссу и продвижение обеспечено. Естественно, это открывало дорогу людям с особой бесхребетной психологией, подхалимам и пронырам, умеющим ловко позолотить ручку и вовремя поддакнуть высокому начальству. У этих людей были необузданные инстинкты, и они были готовы предать любого и даже идти по головам тех, кто стоял на их пути к вожделенной цели.

В-четвертых, вся система была пронизана коррупцией, причем запрограммированной коррупцией — теоретически только те, кто громоздился на олимпе в бывшем Союзе, имел возможность сносно прожить на одну зарплату. Но прежде чем забраться туда, они шагали по ступенькам внизу, где была мизерная зарплата, не достаточная даже для довольно скромных человеческих потребностей, не говоря о роскоши, и они были вынуждены прибирать к рукам все, что возможно. Посему мораль была относительной: брать, но по чину. За всем этим скрывался иезуитский расчет: все должны были быть замараны и когда кто-то начинал не устраивать

кого-либо наверху, тут же находился компромат, и имярек был вынужден тихо и смирно уходить, иначе включалась машина возмездия и его смешивали с грязью.

Увы, но сейчас наши доморощенные «демократы», дорвавшиеся до власти или до «рыночной» кормушки, демонстрируют такие аппетиты, что наши бывшие чиновники кажутся чуть ли не ангелами. Как тут не вспомнить лисицу из басни мудрого Эзопа, которая просила не отгонять насытившихся ее кровью комаров, иначе вместо них налетят голодные, которые будут сосать с удвоенной жадностью: так у нас и случилось.

И наконец, в-пятых, сложилась порочная практика — политический статус, общественный авторитет, финансовое положение и социальные блага были связаны только с высокой должностью. Как только чиновник лишался ее, он лишался всего: влияния, привилегий и уважения; исчезала свита подхалимов, и тут же вслед летели комья грязи. Поэтому все изо всех сил цеплялись за кресло. Представляется, что нам пора стряхнуть сей прах с ног своих.

Нам часто приходится слышать из высоких уст: вот, мол, что делать, ну, нет никого лучше тех, кого мы сейчас имеем. Это не совсем так: у нас нетронутая кадровая целина, другое дело, что этим людям нужен определенный практический опыт и доверие и их лучше использовать в одной упряжке с умелыми функционерами. Очень важен сам принцип ротации кадров, если впредь только мозги, профессионализм, работоспособность и патриотизм станут крыльями, несущими наверх, мы увидим, как много способных людей мы имеем. В этих целях была бы разумной государственная аттестация большинства чиновников и принцип конкурсного отбора на ключевые должности. Только таким образом мы можем сепарировать политическую элиту, способную подняться вы-

ше своих эгоистических устремлений и мыслить государственными категориями.

И может быть, тогда власть имущие всех уровней распрощаются с одной весьма архаичной привычкой — воспринимать свою должность, кресло и портфель, как вещи, предназначенные для личного пользования.

До сих пор среди чиновничьей касты существует весьма своеобразное представление: если они помогают какому-либо одаренному человеку продвинуться по службе, то этим самым совершают благодеяние. Нет слов, весьма похвально помогать талантам, но это должно быть нормой, а не исключением, ведь, окружая себя одаренными людьми, ты прежде всего помогаешь себе, не говоря о том, что помогаешь делу.

Властный произвол, основанный на антитезе: нравится — не нравится (а обычно нравятся те, которые могут умело угождать), не может способствовать улучшению нравов на подступах к олимпу.

Для эффективной борьбы с коррупцией, необходимо все-таки сократить чиновничий аппарат и дать ему такую зарплату, которая позволила бы прилично жить и ценить свою работу, иначе вся наша шумная борьба с коррупцией выльется в очередную кампанию, после которой все вернется на круги своя.

Сейчас мы наблюдаем сращивание грязного капитала с продажной частью бюрократии, начинают формироваться мафиозные структуры, и если вовремя не приостановить этот процесс, то через некоторое время эта раковая опухоль может поразить всю пирамиду власти, и уже тогда мафия начнет править государством.

И наконец, надо кончать войну с политическими и даже физическими трупами. Эта война только отвлекает силы от борьбы с сегодняшними реальными проблемами. Мы должны видеть в их лице свою историю, а со своей историей не воюют, ее изучают, анализируют. Всем вид-

ным деятелям, достойно ушедшим на покой, нужно создать достойные условия и по возможности использовать их государственный опыт.

При подобных подходах резко возрастет реальная самооценка представителей правящей элиты, и тогда они сами без всякого принуждения будут своевременно сходить с политической сцены.

V. Политический ландшафт и геополитика

В Казахстане сейчас довольно много различных политических партий, движений, групп и сект, с полдесятка из которых не скрывают своих притязаний на серьезную политическую роль в жизни республики, но ни одна из них пока не достигла желаемого.

Гражданское движение Казахстана «Азат» было изначально противоречивым, московские события августа-91 лишь послужили мощным детонатором взрыва изнутри; вожди окончательно разошлись в вопросах тактики и стратегии в новых условиях и раскололи движение.

Сабетказы Акатаев, в то время, буквально в течение двух недель сформировал новую Республиканскую партию, лишь формально числящуюся в движении; следом Марат Чорманов оставил свой пост, стал одним из архитекторов Народного Конгресса Казахстана и... исчез с политической арены; Михаил Исиналиев почти год пытался примирить враждующие фракции, но после июньского 92 года стояния азатовцев перед парламентом огорчился, серьезно заболел, отошел от руководства движением и пристал к родному дипломатическому берегу, став послом по особым поручениям. После его ухода Акатаев попытался было взять власть в свои руки над всем движением, но тут против него выступили молодые вожди Ж. Куанышали, Б. Даримбет и Х. Кожа-Ахмет

(НДП «Желтоксан») и разгорелся новый этап борьбы, который расколол движение на 5 группок и, похоже, похоронил движение национально-демократической ориентации в их нынешнем виде. Сложность положения усугубляется и тем, что время выбило из рук главный их козырь — требование независимости Казахстана.

Правящая элита и круги, близкие к ней, чувствуя аморфность в низах, пытаются сформировать сверху патронажные партии и движения правительственного доверия. Первая попытка была предпринята при агонии компартии, путем создания на ее базе социалистической партии, которой досталось солидное материальное наследие и... тяжкая обязанность отвечать за грехи покойной. Правые сразу же обозвали их «ренегатами», левые — «ретроградами», а молчаливое большинство не признало их. У руля партии, явно с одобрения Нурсултана Назарбаева, стал писатель Ануар Алимжанов, успевший почувствовать на миг аромат верховной власти в качестве первого и последнего Председателя Совета Республик почившего Союза. С его кончиной кризис в партии еще более усилился.

Следующей попыткой было создание партии «Народный Конгресс Казахстана», казалось, все было сделано для того, чтобы эта партия стала доминирующей: заманчивая идея консолидации народа, широкая реклама в средствах массовой информации, колоритные вожди — известные поэты, руководители общественных движений «Невада — Семей» и «Возрождение Арала» Олжас Сулейменов и Мухтар Шаханов, со своими весьма солидными фондами, наконец, «освящение» ее самим президентом Нурсултаном Назарбаевым. Поначалу партия действительно довольно быстро достигла популярности и укрепила свои ряды, но постепенно стало нарастать творческое соперничество акынов, каждый старался вдохнуть в партию свое поэтическое видение и вокруг каждого та-

ланта стали собираться свои поклонники с диаметрально противоположными политическими вкусами, стал назревать раскол. Впрочем, сор из избы не стали выносить, и Мухтар Шаханов тихо ушел со своего поста, сопровождаемый единомышленниками. Оставшись один, Олжас Сулейменов попал в плотное боевое и шустрое окружение, которое на расстояние выстрела не стало подпускать к нему людей, толкующих о заботах коренной нации, от столь стерильной атмосферы наш Поэт взмыл в заоблачные выси, а партия, оставшись на грешной земле, потеряв контакт со своим лидером, презираемая нукерами, потихоньку стала расползаться.

Испытав очередное разочарование и поняв, что «Народному Конгрессу» явно не суждено стать народным, истеблишмент предпринимает отчаянную попытку все-таки создать широкое политическое движение, из которого могла бы родиться в будущем солидная партия — на арене появляется Союз «Народное единство Казахстана». На сей раз подготовка была еще более серьезной: да и под манифестом о ее создании стояли подписи не только широко известных людей, но и многих интеллектуалов, в их числе и молодых. Движение возглавил Серик Абдрахманов, опытный, энергичный и честолюбивый политик, бывший первый секретарь ЦК комсомола республики, попавший в опалу при Колбине за осуждение действий руководства республики во время декабрьских событий 1986 года и прямоту взглядов. И в этот раз средства массовой информации проводят глубокую обработку общественности в пользу Союза, а Абдрахманов для повышения своего авторитета получает молчаливое согласие на широкую критику, которым он умело пользуется и на Сессии Верховного Совета разносит в пух и прах и парламент, и правительство. Мало этого, политсовет движения объявляет Нурсултана Назарбаева своим лидером. Это вызывает бурную реакцию

других партий и движений, которые тут же собирают «круглый стол» и устами Олжаса Сулейменова осуждают Президента за его избирательное покровительство. Так как согласие, если оно действительно имело место, было келейным, появилась возможность гласно отмежеваться, и Президент очень изящно провел это.

Затем вместо Серика Абдрахманова к власти приходит Куаныш Султанов, и наши дети потеряли возможность лихо петь:

«Кто для Матери-Истории ценен?!
Мы говорим СНЕК — подразумеваем Серик!
Мы говорим Серик — подразумеваем СНЕК!»

Однако со сменой руководства в Союзе ничего не изменилось и он разваливается на глазах.

Уж наш небольшой опыт говорит о невозможности создания партий сверху без поддержки снизу.

Итак, пожалуй и все, если не говорить о расколотых социал-демократах, потерянных коммунистах, политизирующихся казаках, пока аморфном рабочем движении и некоторых группах.

Очень непросто определить причины неудач этих политических начинаний. С моей сугубо субъективной точки зрения, они кроются: во-первых, в наличии двух стереотипов: желания создать партию по рецептам почившей коммунистической или же механически внедрить опыт зарубежных партий, будь то европейских, американских, индийских.

Во-вторых, плохое ориентирование в резко изменившейся политической, экономической и социальной ситуации и неумение предложить адекватную ей программу.

В-третьих, притязания лидеров этих партий использовать свои партии для достижения личных политических целей и общая аллергия людей к любым партийным структурам.

В-четвертых, полное разочарование населения в способностях примелькавшихся на политическом горизонте людей вытащить страну из кризиса.

Надо думать, что все устремления задействовать старые схемы в новых условиях обречены на провал. Но современное общество не может быть стабильным и предсказуемым без влиятельных политических партий различной ориентации, включая оппозиционные. Только в дискуссиях с сильным и умным оппонентом проясняется истина и выбирается верный путь, **оф-позиция** и **оппозиция** — это политические инь и ян, нерасторжимые понятия, теряющие смысл друг без друга. Однако сейчас у народа появился тонкий нюх на демагогию и в этих условиях могут рассчитывать на успех только те люди, идеи и партии, которые действительно заинтересованы в улучшении благосостояния народа, только те, которые действительно в него верят, только те, которые готовы ему служить и могут дать Веру не только в личность Вождя, но прежде всего Веру самого народа в самого себя.

Развал Союза вызвал тектонические политические процессы и, хочет того Казахстан или нет, он вовлечен в них и обязан учитывать.

Военно-стратегическое равновесие в биполярном мире двух сверхдержав неожиданно стало монополярным и, естественно, политические процессы постепенно меняют направление в поисках нового более устойчивого мультиполярного равновесия.

Бывшие республики Союза, в частности, азиатские, стали ареной борьбы за сферы влияния между США, Германией, Японией, Китаем, Турцией, Ираном и другими.

Развитые страны, испытывающие интерес к новым азиатским государствам, особо не мудрствуют, везде, во всех республиках они твердят о громадных возможностях именно этой республики, о своей готовности с ней

экономически сотрудничать, но в основном дело дальше разговоров не идет. В Казахстане они подобное поведение объясняют тем, что у нас неразвитое законодательство, недостаток гарантий по возвращению кредитов, комплекс закрытости, бюрократия, отсутствие рыночных структур. Однако, мы должны понимать, что существует еще ряд вопросов, на который они сами пытаются найти ответ: устойчив ли режим, способна ли правящая верхушка эффективно управлять государством, чем чревата экономическая, политическая и социальная обстановка, как сложится судьба СНГ? Есть еще один немаловажный фактор — отсутствие единого языка. Однажды мне довелось сидеть за «круглым столом», где наши теоретики и практики и иностранные представители обсуждали экономические проблемы Казахстана и, в частности, проблему зарубежных инвестиций. Впечатление было удручающим, даже свои теоретики и практики, не говоря об иностранных, не понимали друг друга, они говорили в буквальном и фигуральном смысле на разных языках.

Кроме того, некоторые страны Запада хотели бы, чтобы наш экономический кризис зашел как можно дальше и дело не в том, что им это выгодно (хотя, разглагольствуя о помощи, они за бесценок выкачивают наши сырьевые ресурсы; впрочем, дальновидные бизнесмены искренне заинтересованы в стабилизации нашей экономики, ведь только тогда они будут получать постоянные и надежные дивиденды), скорее их беспокоит наше политическое будущее, их всерьез пугает возможность реанимации Союза, поэтому они не прочь ослабить все СНГ, чтобы не допустить этого.

Мы сейчас физически не в состоянии вести тесные дела со всеми государствами, поэтому очень важно наметить ближайших партнеров, причем таких, которым Казахстан нужен не в виде (во всяком случае не только) сырьевого придатка и политического сателлита, а в ка-

честве экономически сильного государства, выгодного политического союзника.

При этом свою роль должен сыграть и географический фактор, наше государство является континентальным, суперконтинентальным, мировой океан за тридевять земель, и этим объясняется многое, не столько, как в XIX веке, но все же, островное государство или государство, имеющее выход к мировому океану, намного свободнее в выборе партнеров, поэтому выбор ближайших партнеров сделан за нас географией: это Россия, среднеазиатские соседи и Китай.

К группе стран, с которыми уже сейчас необходимо вести тесные дела, можно отнести Турцию, Японию, Германию.

Турция, набирающая силу, чувствует себя не очень уютно рядом с Ираном, Ираком, беспокойным Кавказом и не менее бурными Балканами, здесь поиск союзников весьма проблематичен. Кроме того, Турцию до сих пор не пускают в «Общий рынок», а это ее задевает, отсюда охлаждение к НАТО. Поэтому она с надеждой устремляет взоры на Центральную Азию, конечно, этнический мотив имеет определенное место, но только в виде предпосылки, их больше привлекают геополитические и экономические интересы. Она хотела бы, чтобы новые государства признали в ней «старшую сестру» и покорно следовали за ней, но если этот вариант не пройдет, она готова и на равноправное сотрудничество.

Япония тоже хотела бы усилить свое присутствие в нашем регионе, как политическое, так и экономическое. Поэтому она уже сейчас серьезно зондирует почву: именно под ее давлением Казахстан стал членом Азиатского банка развития, наряду с ЕБРР. Токио оказывает нажим на Организацию экономического сотрудничества и развития с тем, чтобы новые государства Центральной Азии были включены в число государств-получателей льготной

или безвозмездной помощи на нужды развития, предоставляемой по правительственным каналам.

В первую очередь такую помощь получат Казахстан и Кыргызстан. Подобные жесты надо видеть и ценить.

Заслуживает пристального внимания изменение внешнеполитического курса Германии с приходом нового министра иностранных дел Кинкеля. Новая внешнеполитическая концепция государства, по его словам, должна стать «германской» и не прикрываться при этом ЕС, НАТО, СБСЕ и другими международными организациями. Новое в политике Германии на Востоке — стабилизация испорченных Геншером отношений с Турцией.

Показательно то, что она, имея проблему адаптации своей восточной части, находит значительные средства на финансирование зарубежных экономических программ, в частности, отсрочила российские платежи по ее внешнему долгу (23 млрд марок) и сочла возможным предоставить новый кредит в размере 550 млн марок и при этом марка по прежнему прочна.

Потенциал современной Германии не уменьшается в границах своего государства, и она уже начинает строить фундамент международных отношений XXI века. Выдвинувшись на первый план в Европе, Германия может реально стать экономическим и политическим соперником США, и она, естественно, нуждается в союзниках в различных регионах, включая и наш.

Все эти три богатые тетушки ждут, когда, наконец, этот неотесанный провинциал, Казахстан, поймет, кто его может по-настоящему пригреть. Но их терпению может наступить конец.

К следующей группе, с которой следует искать контакты, можно отнести Саудовскую Аравию, Францию, Голландию, Сингапур, Италию, Иран и, разумеется, США.

И надо бы помнить — об идеологии любят рассуждать политики, а бизнесмены предпочитают говорить о выгоде: если им будет выгодно, они будут иметь дело с кем угодно, независимо от того, кто правит в той или иной стране: Пиночет или Ким Ир Сен, Хомейни или Каддафи, Ян Смит или Саддам Хуссейн.

VI. Информация и пути консолидации

Средства массовой информации... В их руках в значительной степени судьба общества, именно они куют стереотипы, играющие огромную роль в массовом сознании. Скажем, «американская мечта» осуществилась, во многом благодаря средствам массовой информации, в частности, кино и телевидению. Именно они воспитали пресловутого «среднего американца», характерными чертами которого являются раскованность, демократизм, уверенность в себе, умение рисковать в разумных пределах, патриотизм, сочетающийся с определенным высокомерием к другим, уважение к закону, умение самому выходить из самых сложных ситуаций.

В то же время советские средства массовой информации, в их числе те же кино и телевидение, формировали совершенно иной образ среднего советского человека, главными чертами которого являлись закомплексованность, неуверенность в себе, бессилие в любой более или менее сложной ситуации, пьянство, извечный конфликт с обществом, презрение к закону. А в горбачевский период пресса пошла еще дальше, стала культивировать презрение к своему народу, к родине, к своей истории и раболепное преклонение перед всем западным.

В итоге, как говорится, результаты налицо.

Конечно, я очень далек от мысли, чтобы во всем обвинять пресловутую «четвертую власть», здесь все гораздо сложнее. Система, построенная на тотальном фундамен-

те, исчерпала себя, было ясно, что надо сворачивать с этого пути, новый же путь был неизведан, и ошибки на нем были неизбежны, но, это не означало, что он должен был представлять путь, сплошь опутанный длинной цепью роковых ошибок. Кроме того, даже в том, что пресса ополчилась на власть, виновата сама власть, многолетняя травля интеллекта оставила в сознании яд страшной концентрации, многие журналисты служили системе, но тайно ее ненавидели и как только поняли, что Монстр стал уязвим, их уже ничто не могло остановить, они стали мстительно разить его и фактически вершить самосуд, без особого разбирательства, не озираясь на презумпцию невиновности.

Дурные шутки с интеллектуалами очень дурно кончаются для всех, в том числе и для самих интеллектуалов. Поэтому мы должны создать такие условия для средств массовой информации, чтобы они служили отечеству не за страх, а за совесть, для этого нужны доверие к ней и демократия, меценатство и свобода творчества.

Было время, во всяком случае у нас, когда казалось, что нации действительно отмирают, что вот-вот осуществится вековая мечта космополитов, и все объединятся в одну общую семью. Но вот в конце XX века происходит мощный взрыв национального самосознания. В мою задачу не входит исследование этого феномена, хотя кажется, что наиболее мощные взрывы происходят именно там, где были наиболее грубые методы интернационализации. Мне хотелось бы представить, как все-таки будет меняться национальная психология казахов в связи с обретением независимости и с коренным изменением своего статуса, ведь мы из национального меньшинства бывшего Союза превратились в доминирующую нацию Казахстана. И весь груз ответственности за межнациональные отношения теперь ложится на нас, а от того, как они сложатся, зависит очень и очень многое.

Задача эта непростая, все этнические общины должны почувствовать, что мы ведем в их отношении честную политику и хотим действительного равноправия.

Каждая национальная группа должна чувствовать себя в Казахстане свободно, только тогда она ощутит эту землю своей Родиной.

Свободно — это не значит безответственно, ни в коем случае нельзя позволять никому относиться высокомерно к другим или же вести себя паразитически. Свободно — это значит иметь возможность для самореализации в общих интересах.

Многое будет зависеть от того, как сложатся отношения крупнейших этносов: казахов (43%) и русских (36%).

Немаловажным является то, что казахи и русские занимают различные социальные ниши, казахи в городах заняты в следующих сферах социальной структуры: в органах государственного управления всех уровней, в образовании, науке, культуре, здравоохранении, правовых органах, в системе торговли и бытового обслуживания; в производственной сфере — преимущественно на автомобильном транспорте, в строительстве, на промышленных предприятиях — на низкоквалифицированных рабочих должностях.

Русские в городах заняты преимущественно: в органах государственного управления всех уровней, в науке, образовании, культуре, здравоохранении, правовых органах, в армии; в промышленности — практически на всех ступенях производств, в частности, на должностях ИТР и работах, требующих высокой квалификации.

В сельской местности русские работают преимущественно в растениеводстве, а казахи в животноводстве.

Вышеизложенное приводит к двум выводам: первый — подготовка национальных кадров нуждается в существенной переориентации; второй — нам нельзя до-

пустить утечки мозгов и «золотых рук», какой бы они национальности ни были.

Важной задачей является определение идеи, способной сконсолидировать народ Казахстана.

При всей неоспоримости национального (казахского) характера нашего государства, национальная идея (в разных ее толкованиях), которая кристаллизует многие государства, в наших условиях не способна выполнять подобную роль, нас не может объединять и общая религия. Мы не можем, подобно Турции, объявить всех жителей Казахстана казахами. Поэтому в этих условиях единственным консолидирующим фактором может служить территориальный принцип —«казахстанскости». На нем в свое время были основаны такие страны, как Швейцария (общеизвестно, как германо-швейцарцы, эльзасцы, австрийцы не любят, когда их путают с немцами), Бельгия, Америка, Канада и все латиноамериканские страны.

Эта идея для Казахстана не нова и она устраивает всех.

Со временем «казахстанскость» может обрести национальные очертания, в более расширенном толковании.

Для казахов она вовсе не заслоняет собой национальную идею.

Неказахское население тоже примет ее, так как существуют Хельсинские соглашения и договор о дружбе с Россией, предусматривающие неизменность сложившихся границ.

И вообще, в ней нет повода для раздоров, способных породить какие-либо существенные противоречия.

Думается, эту непритязательную, но весьма полезную идею, надо бы пошире культивировать всеми доступными средствами, прежде всего массовыми.

Язык — это основа любой нации, ее духовности, именно в нем закодирована общая поступь культуры и без

нее нет народа, потеря родного языка каким-либо народом — это трагедия.

Я был в числе тех, кто твердо и последовательно отстаивал единоличную государственность казахского языка, но с оговорками относительно русского языка, и это было не лукавством, как были склонны считать иные оппоненты, сами страдающие этой болезнью. И мы добились главного для родного языка: права на жизнь.

Казахский язык постепенно начинает осваивать новые сферы культурной жизни: научную, техническую, философскую..., и как любое сложное духовое явление он неизбежно столкнется с имманентными противоречиями, с реальным учетом которых мы должны развиваться и укреплять свой язык. Но наряду с этим, сейчас очень важно подумать о роли русского языка в нашем обществе.

Именно теперь нам надо очень серьезно изучить аргументы тех, кто ратовал за двуязычие, в этом нет никакого противоречия, таковы законы диалектики — без помощи русского языка казахский язык никогда не поднимется до необходимого уровня.

Языковый волюнтаризм, не учитывающий реалий, заключающихся в том, что у нас сейчас не хватает квалифицированных преподавателей казахского языка, словарей, справочников и учебников, а также в слабости самой терминологии во многих отраслях — приведет к профанации идеи.

В этой сфере необходим строгий, разумный и дифференцированный подход, процесс должен развиваться последовательно и гармонично, с учетом исторических, культурных, демографических особенностей того или иного региона. Только плавное продвижение казахского языка вперед во всех сферах позволит ему занять прочные позиции: не подготовив замены на казахском, нам не стоит отказываться от чего-либо на русском языке.

Если вдруг возьмут верх ретивые националисты и русский язык подвергнется остракизму, то мы лишимся огромной культурной опоры и вмиг окажемся в XIX веке. Никто не говорит, что нынешнее языковое соотношение должно оставаться вечным, оно должно измениться, но только эволюционным путем.

И при всей сложности нашего бытия необходимо создать условия для развития языков крупных этнических общин: украинцев, немцев, татар...

VII. Наука, образование и культура

Наука — важнейший символ современной цивилизации, без нее немыслимо развитие общества.

Наука делится на три сферы — естественную, гуманитарную и техническую, а по характеру исследований — на фундаментальную, специальную и прикладную. Все эти ветви, несомненно, имеют общие методологические корни, но несколько отличаются своими подходами и стратегией. Специфической особенностью советской науки было еще ее разделение на военную и «цивильную», это были своеобразные научные Небо и Земля (разумеется, во всех ведущих странах мира существуют эти две разновидности, но там нет столь разительных контрастов).

Первая получала широчайшее финансирование, туда направлялись лучшие специалисты, оборудование, технологии, ей поставлялись самые сокровенные секреты западной науки и т. д., вторая питалась остатками со стола своей богатой сестрицы, работала в основном на морально устаревшем оборудовании и если все же вдруг ей удавалось достичь чего-либо значительного — это тут же забиралось в военную сферу. Поэтому первая и была собственно Наукой, а вторая, пожалуй, ее суррогатом.

В оборонке работали в основном ученые славянских республик, в подавляющем большинстве российские, сре-

ди которых было много евреев, в том числе и на объектах, располагавшихся на территории других республик и полностью подчинявшихся Москве.

Когда Сталин в годы войны и после нее начал открывать республиканские академии — это было не научным, а политическим шагом, надо было скрепить ослабевший Союз путем формального повышения статуса союзных республик.

Не будем особо обольщаться, казахстанская наука так и не взяла мировых высот, хотя существуют Национальная академия и несколько отраслевых академий. К примеру, в 1989 году функционировало 233 научных учреждения, в том числе 111 научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений, там работали 41600 человек. И вот их «плоды»: начиная с 1970 года в Государственном регистре открытий СССР от казахстанских научных организаций или ученых в течение почти 20 лет не было зарегистрировано ни одной заявки на открытие, в то время как в одном только 1989 году вносилось в среднем каждый день по одной заявке. Конечно, заявки — это еще не открытия, но это подступы к ней и весьма характерный показатель. У Казахстана нет ни одной известной научному миру школы или даже направления.

В чем же причины?

Об одной мы вскользь упомянули. Вторая — это отсутствие научных корней и традиций.

Далее, периодические чистки в среде интеллигенции тридцатых, пятидесятых, семидесятых годов сделали свое дело, они значительно ослабили интеллектуальный потенциал республики. В науке не позволяли быть самобытным людям, а без этих людей уже не наука, а только подражательство, ремесленничество.

По гамбургскому счету, у нас была не наука, а компиляция, порой весьма изящная, замысловатая. Самое горькое то, что мы так и не смогли вкусить аромат истин-

ной науки. Стадия роста у нас шла параллельно с разложением. Сфера науки, сфера чистого интеллекта превратилась в торжище. Догматизм, карьеризм, надувательство, лысенковщина и ее современный вариант надировщина (ученый люд понимает, что скрывается за этим неологизмом) — проели ржавчиной тело науки. Наука стала делаться не ради науки, а ради ученых степеней, званий и должностей.

После этих слов может сложиться впечатление, что раз у нас такая наука, от нее, может быть, лучше вообще отказаться, но это не так. Без храма науки, современное общество не может существовать, и поэтому следует внимательно разобраться с нашей научной базой и развивать ее здоровую часть.

В мировой практике существует специализация. Даже такие мощнейшие государства, как Франция, Германия, Италия основные усилия вкладывают в десяток научных направлений, мы же пытаемся сразу одолеть чуть ли не с полсотни, отсюда распыление средств, мелкотемье, провинциализм.

Поэтому и нам бы выбрать несколько перспективных направлений и осуществлять их приоритетное государственное финансирование.

Необходимо больше направлять молодых способных ученых на стажировку в развитые в научном отношении страны мира, а также поддерживать вузовскую науку, ведь во всех цивилизованных странах именно на нее делается упор, что позволяет способной молодежи уже со студенческой скамьи приобщаться к исследовательской работе.

Практически бесконтрольным стал интеллектуальный потенциал бывших секретных объектов бывшего СССР, расположенных в Казахстане, откуда произошла мощная утечка мозгов в Россию и это никого не волнует, хотя при желании многих можно было удержать.

Необходимо изменить аттестацию научных кадров, до сих пор самые плодотворные годы наших ученых тратятся на написание научных диссертаций, в среднем пять лет уходит на кандидатскую, затем 10 лет на докторскую диссертацию, после которой уже нет ни сил, ни желания по-настоящему заниматься наукой.

У нас ученая степень — это атрибут ученого, без него никто тебя всерьез не принимает, на Западе — это лишь визитная карточка, свидетельствующая о сфере твоих интересов.

Пожалуй, имеет смысл сохранить лишь одну ученую степень доктора наук и отказаться от диссертаций в их нынешнем виде, ведь их почти никто не читает, кроме руководителя, рецензентов да будущих соискателей степеней в той или иной узкой научной области, вместо них лучше представлять к защите совокупность научных работ в виде короткого реферата. Это будет способствовать улучшению качества научных работ, сбережет драгоценное время соискателей и избавит от излишней бумажной волокиты.

Мировая цивилизация накопила эвересты знаний о мире, обществе и природе, и брать оттуда наиболее важное для себя — это и есть главная функция народного образования. И узоры этих знаний должны гармонично вписаться в национальную ткань мышления, с учетом местного колорита.

Советская же система образования такие тонкие материи просто-напросто игнорировала, она была европо- и российско-центристской, унитарной и коммунистической: все исторические события, общественные явления, научные познания рассматривались с московских холмов, сквозь европейскую призму, в ракурсе коммунистической идеологии, хотя надо признать она была по-своему эффективна.

Очень своеобразной было представление о Российс-

кой империи — Союзе; до Великого октября — исторический Мрак, после Октября сияет Свет; Россия, конечно, была «тюрьмой народов», но оказывается она все-таки свершила исторически благие дела, подминая под себя своих ближайших соседей, то есть по существу Мрак нес Свет. Единую неразрывную ткань Истории кроили российскими ножницами и в результате, невероятно, но факт, нам, потомкам половцев, наших предков изображали в черном свете и наши дети воспринимали Куликовскую битву как событие величайшей важности в своей истории.

Мировая духовность имеет два мощнейших самостоятельных корня — западный и восточный, плоды которых очень разнятся в своем мироощущении, мировосприятии.

Мы же, будучи восточной странной, усваивали лже-западные ценности, в коммунистической упаковке, игнорируя свои исторические традиции, и это, надо сказать, давалось небезболезненно, происходило раздвоение сознания и морали.

В пору оперившейся гласности именно эта сфера являлась любимым коньком казахской интеллигенции: разрушить колонизаторскую систему образования и построить новую независимую, национальную школу.

Но вот получена долгожданная свобода и вдруг обнаруживается, что мы не очень представляем: а чему же учить? Как учить? И кто будет учить? И самое главное, кто и как будет учить наших учителей? Выяснилось, что наше любое желание в этой сфере неизбежно оказывается в замкнутом круге. Поэтому прежде всего нам надо бы начать с определения, что же мы имеем? От чего мы можем отказаться? А от чего просто не смеем?

А мы имеем очень своеобразную образованность народа, с одной стороны, по данным переписи 1989 года, из каждой тысячи человек в Казахстане высшее и незаконченное высшее образование имели 32,8%, среднее спе-

циальное 22,7% и среднее образование 25,8%, то есть половина населения республики является специалистами высшей или средней квалификации, это весьма высокий показатель и в этом наше серьезное преимущество перед большинством азиатских стран, да и не только азиатских.

Однако, качество образования далеко от мировых стандартов, кроме того высшее звено образования поражено непотизмом и коррупцией.

Для примера приведу некоторые данные, характеризующие эффективность системы образования трех промышленно развитых стран — Японии, Германии и Великобритании.

В Японии 90% 18-летних граждан страны продолжают свое образование (кстати, Япония всерьез рассматривает вопрос о всеобщем высшем образовании), в Германии —80%, а в Великобритании лишь 34%, при этом рядовой ученик немецкой средней школы в решении простых математических уравнений опережает своего британского ровесника на 18 месяцев, а японский — на целых 30 месяцев.

Это наглядный показатель причин успеха Японии. Надо ли удивляться тому, что Англия прародительница многих научных школ и бывшая «мастерская мира» всерьез обеспокоена подобным положением и намечает меры по увеличению субсидий в образование.

Германия, давшая миру многих мыслителей, рассматривает проблему шире, она считает, что на пороге тысячелетий дверь в клуб избранных государств может открыть только уровень массового сознания и по этим критериям на вход туда сегодня претендуют только две страны: Япония и США, поэтому Германия, не глядя на многие другие проблемы, собирается проводить широкомасштабную реформу всех звеньев образования.

Думаю, у многих на устах может появиться горькая усмешка: нам бы их проблемы.

Реальность такова, что будущее любого государства в значительной степени кроется в его системе образования: те, кто его лучше организует, кто разумно тратит на него средства, кто перенимает лучшее из мирового опыта, тот готовит фундамент своего экономического и культурного благополучия, тот закладывает основы современного информационного общества.

Нам надобно в этой сфере решить одновременно следующие проблемы: придать нашему образованию национальный облик; поднять его качественный уровень; покончить с унификацией и внедрить альтернативные формы образования; обеспечить техническое насыщение современным оборудованием.

С учетом нынешних реалий мы не можем осилить сразу всю громаду народного образования, поэтому следует направить основные усилия на совершенствование высшего образования. Неплохо бы создать несколько элитарных вузов по образцу Оксфорда и Кембриджа.

Желательно, чтобы студенты по ходу своего обучения в вузе, в зависимости от успеваемости постепенно делились на два потока, лучшие должны учиться по усиленной программе дольше —5—6 лет, а те, кто послабее, по упрощенной программе —3—4 года. Первые должны получать степень магистра (высшее образование), а вторые диплом бакалавра — специалиста средней квалификации.

Цивилизация и культура, эти понятия часто выглядят синонимами, и все-таки между ними пролегает хоть и тонкая, но — межа.

Если в приобщении к первой мы можем позволить себе безоглядно брать все лучшее, что предлагается, то в отношении второй — впитывая ее соки, не должны отрываться от своих национальных корней. Ибо народ,

только тогда народ, когда имеет свою культуру; ибо культура, только тогда культура, когда она оригинальна и самобытна, когда она выражает дух именно этого народа, соль именно этой земли.

В нашем народе таится огромный творческий потенциал, об этом можно судить хотя бы по тому, что вопреки всему — режиму, хаосу, безразличию, противоборству — словно сквозь бетон, пробиваются в свет живительные ростки таланта — кинорежиссеры, артисты, поэты, художники, певцы. Можно представить, как бы они расцвели, будь у нас соответствующие условия, причем не только в финансовом плане, но и в виде поощрительного внимания со стороны власть имущих.

У Рабиндраната Тагора есть примечательные слова: «Народ, который не вносит свой вклад в мировую духовную сокровищницу — совершает преступление».

И это так. Культура только тогда жива, когда она постоянно пополняется, обновляется, находится в движении вперед.

Культура никогда не была прибыльной сферой с меркантильной точки зрения, но именно она является тем связующим и скрепляющим началом, без которого любое общество превращается в человеческое стадо.

К сожалению, советская система воспитала особую элиту, весьма далекую от культуры, духовности и разумности, стоит ли поэтому удивляться, что как только они попали в новые условия, где одного кнута было мало, как тут же растерялись и развалили все.

По сути они не были элитой, а были камарильей, только умеющей держать народ в кулаке.

Новая популяция политиков пока ничем лучшим не отличается, ей вообще нет дела ни до народа, ни до культуры, она занята обустройством своего личного благополучия.

Власть имущие никогда не понимали духовных запро-

сов творческой интеллигенции, и именно поэтому культура была и есть в загоне, а ее представители ютятся, как правило, в самых низах социальной иерархии.

Между тем, пока культура не поселится в Дворцах, и правители не станут философствовать, в хижинах не будет ни хлеба, ни мира.

Появилась еще одна опасность: мы сейчас наблюдаем безудержную экспансию к нам западной, в частности, американской масс-культуры, а это не так уж безобидно, так как эта всеядная эрзац-культура может поглотить остатки нашей самобытности и окончательно лишить нас исторической культурной памяти.

VIII. Промышленность

Сейчас уже очевидна пагубность избранного нами экономического пути, а об этом я писал еще три с лишним года тому назад. Ситуация такова: мы явно забрели не туда, но возвращаться назад уже нельзя, ибо того, что было, уже нет, а идти дальше в этом направлении — это значит погибнуть. Остается один путь — идти вперед, восстанавливая все здоровое из старого и выбирая доступное и верное из нового.

И здесь нам придется вспомнить простую экономическую истину, что становым хребтом любого народного хозяйства является материальное производство, а мы о нем забыли и увлеклись торговлей воздухом. Теперь о тонкостях этой сферы.

Долгие годы в Казахстане между нашим славянским населением и казахами существовал неписаный договор: в гуманитарной сфере доминировали казахи, в технической — славяне, в значительной степени связанный с тем, что почти вся промышленность подчинялась Центру.

В промышленности было очень трудно пробиваться специалистам-казахам. Чувствуя подобное отношение, они постепенно покидали эту тернистую тропу и перехо-

дили на партийную, комсомольскую, советскую и профсоюзную работу. Это привело к тому, что мы в настоящее время имеем немного казахов с опытом руководства крупными промышленными предприятиями, а обладающих опытом руководства всей промышленностью Казахстана практически нет.

Большая часть крупных технических специалистов, имеющих корни в других республиках, честно отстаивает интересы нашей республики, но среди них в небольшом количестве есть и такие, которые непрочь использовать свое служебное положение в личных целях и после решения своих материальных проблем готовы рвануть на историческую Родину. Вообще же создается впечатление, что производительная сфера не особо жалует наше правительство, а держать под эффективным контролем эту важную отрасль нам жизненно необходимо.

Вместе с тем нам необходимо создавать современную промышленную базу, выбрав разумное направление развития. Оно не может быть произвольным, и должно зависеть от наших возможностей. Вначале мы должны наладить обрабатывающую отрасль промышленности, затем запустить наукоемкие технологии с учетом евроазиатского рынка на перспективу.

IX. Эпилог

Мы живем в историческое время, когда происходят колоссальные перемены на политической карте мира, что неизбежно приведет к существенной переоценке многих мировых ценностей и, естественно, мы не можем оставаться в стороне от этого процесса. Хотим мы того или нет, будут меняться наши политические структуры, социальные ориентиры, образ жизни и стиль мышления. Весь вопрос в том, в каком направлении?

Нашему молодому государству предстоит очень долгий и нелегкий путь в мировой истории, мы поздно вста-

ли на него и нам надо торопиться, чтобы пристроиться в ряд преуспевающих стран, все для этого у нас есть — богатые ресурсы, трудолюбивый народ и огромный опыт преодоления трудностей другими странами.

Используя все это, мы должны создать новое общество, характеризующееся динамизмом, приверженностью идеям равенства, свободы и демократии, склонностью воспринимать все лучшее из мировой сокровищницы, способствующей нашему прогрессу; воспитать людей, обладающих сильной волей в достижении своих целей, трудолюбием и склонностью к неустанному поиску лучших решений; отличающихся широтой взглядов и приверженностью к своим корням.

Выступая за демократизацию, нам надо вспомнить о значении этого слова: «власть народа» может быть только такой, каким является данный народ.

А сила народа — в его талантливых людях, поэтому, только открыв им дорогу, разбудив все творческие и производительные силы, мы можем стать передовой, демократической и воистину независимой страной.

Предлагая соотечественникам свои размышления о будущем нашего родного Казахстана, я вовсе не посягаю на лавры Солженицина, «обустраивающего Россию», я также далек от мыслей поучать кого-либо. Но меня, как интеллигента и гражданина своего отечества, весьма беспокоит нынешняя сумятица в умах, перемежающаяся с полнейшей анархией в делах.

Мне хочется надеяться, что мои скромные размышления станут хотя бы и небольшим, но все-таки вкладом в осмысление нашей трудной действительности, наших реальных возможностей и определением рационального пути нашего государства к истинной независимости и процветанию.

Дорогие соотечественники! Время бросило нам Вызов и мы обязаны принять его.

Политика

КУДА ПЛЫВУТ ОБЛОМКИ КОРАБЛЯ?*

Крушение «Красной империи» выбросило в океан мировой политики сразу пятнадцать суверенных государств.

Как они себя чувствуют там? Есть ли какие-либо закономерности в их судорожных попытках остаться на плаву? Как выглядит Казахстан на их фоне?

Думается, поиски ответов на вопросы из этого ряда в значительной степени могут помочь нам посмотреть на себя со стороны и скорректировать свой курс в более верном направлении. Сколь-нибудь серьезные исследования на этот счет до сих пор не посетили страницы наших газет, а встречающиеся публикации в газетах и журналах дальнего зарубежья страдают схематизмом и некой растерянностью, хотя и облачены в строгие одежды доктринальности. Между тем, новый эксперимент над одной шестой частью суши (ОШЧС — наиболее верный термин для нового образования, придуманный одним из сподвижников Горбачева накануне краха СССР — СНГ), кстати, начавшийся по западным шпаргалкам, в очередной раз вышел из-под контроля и обрел свою, в значительной степени мистическую для западного мышления, логику. Похоже, Запад опять получил нечто иное, чем ожидал, также, как после октября 17-го и мая 45-го.

Так что же все-таки происходит на этом колоссальном евразийском пространстве? Разумеется, время для

---

* Соавтор — Лев Тараков

окончательных выводов еще не наступило, поскольку эти процессы еще не завершены, но если бы политики удосужились внимательно изучить уже имеющийся опыт друг друга, то у руководителей был бы шанс, если не в корне изменить, то уж, по крайней мере, несколько облегчить судьбу своего многострадального народа. По большому счету политики должны всерьез задуматься, как себя вести в обстановке хаоса, которая следует после всякой революции, а развал СССР — это революция, пожалуй, более масштабная, чем Октябрь.

Анализ тенденций развития постсоветской истории стран бывшего Союза невольно приводит к мысли о том, что несмотря на определенное различие по некоторым кардинальным позициям, как то: степень интегрированности в общесоюзную экономику, развитость внешнеэкономической сферы, геополитическое положение, внутриполитические процессы, социальная динамика, демографическая ситуация и т. д., тем не менее нынешнее развитие новых государств происходит в принципе по сходному сценарию, и это объяснимо — многолетнее совместное существование связывает их общностью проблем. Поэтому анализ закономерностей создает возможность для обобщения и прогнозирования. Нам представляется, что здесь мы имеем сплетение трех гипотез:

1. Процессы, наблюдаемые нами, происходят естественным путем, в силу объективных законов развития общества.

2. Этими процессами руководит Россия, искусственно осложняя их ход с целью усиления зависимости и формирования в будущем новой империи.

3. Запад манипулирует развитием постсоветской истории России и стран бывшего СССР в целях окончательного устранения исторического соперника — евразийского колосса — с международной арены и оформления нео-

колониальной зависимости нового экономического пространства.

Первый вывод о внутриполитическом развитии постсоветских республик говорит о том, что на уровне осуществления общегосударственного управления наблюдается ослабление президентства и тенденция к усилению парламентаризма. Не надо присутствовать на сессиях парламентов постсоветских государств, достаточно судить о правильности такого вывода по информационным сводкам. В основе действия такого правила, естественно, лежит несоответствие между существующим законодательством, которое не успевает меняться для возникающих новых условий переходного периода, и действиями административных властей, которые следуют логике оперативных действий в условиях политического кризиса. О справедливости подобного вывода красноречиво говорит практика деятельности Конституционного суда, к примеру, в России, на Украине и в Казахстане. Действие такой тенденции не прекратится и после принятия новых конституций, если они рассчитаны на срок более длительный, чем «переходный период». Это перейдет в хроническую болезнь, если «переходный период» превратится в новый застой. Тесно с ней связана и другая особенность, которую условно назовем «недолговечность» руководителей переходного периода новой формации. Не вдаваясь в подробности судьбы лидеров Прибалтики, Таджикистана, Грузии, Азербайджана, Беларуси, заметим, что серьезные трудности испытывали и такие столпы, как Кравчук и Ельцин. К примеру, Ельцин начала 1994 года в корне отличается от Ельцина начала 1993 года.

В случае же Азербайджана, обратим внимание на то, что бывший президент А. Эльчибей ориентировался в большей степени на Турцию и Иран, нежели на Запад. Кроме того американские информационные агентства с

первого дня отъезда Эльчибея из Баку стали квалифицировать этот факт как бегство. «Голос Америки» стала первой радиостанцией, передавшей слова Г. Алиева о Гусейнове как о «национальном герое». Кстати, на примере Эльчибея мы еще раз убедились, насколько наивно бытующее у нас мнение о том, что сотрудничество «цивилизованных стран» ориентируется на лидеров, а не на государства. Первую реакцию Турции на смещение Эльчибея можно было назвать шоком, однако не прошло и недели, как турецкие официальные лица изменили свое отношение к «верному солдату Ататюрка», как называл себя А. Эльчибей. Более того С. Демирель недвусмысленно дал понять, что для Турции выгоднее иметь дело с Г. Алиевым, являющимся более гибким политиком.

«Вымирание первых президентов»— тем не менее наиболее взрывоопасная тенденция, поскольку кроме объективной деструктивной направленности она затрагивает личные интересы руководителей, не лишенных амбиций. Логичным объяснением этого действия является проявление ныне попираемых законов диалектики. Каким бы ни был аппарат, состоящий из бывшей партократической или «демократической» верхушки, он способен лишь на разрушение системы, но создать принципиально новую — не в силах. Вместе с тем, опыт показывает, что радикальная смена аппарата приводит в разных странах к разным результатам: к гражданской войне (Таджикистан, Молдова, Грузия, Азербайджан), диктатуре (Грузия периода Гамсахурдиа, Чечня, Азербайджан периода Муталибова), образованию парламентских республик (Грузия, Литва, Латвия, Эстония, Беларусь). Образованию диктаторских государств способствуют сравнительная однородность населения при давлении иного менталитета по границам, а с другой стороны — чрезмерная степень суверенизации, обрыва экономических и политических связей при неспособности са-

мостоятельного функционирования экономики. В тех странах, где у власти в основном остались представители прежней правящей элиты, разумеется, наведя демократическую косметику, установилось достаточно твердое президентское правление (Туркменистан, Узбекистан, Казахстан). Россия и Украина, совместно управляемые представителями старой и новой элит, находятся в стадии перманентного бурления. Мы не будем анализировать причины успеха или неуспеха той или иной страны в рамках определенной группы, это серьезная и самостоятельная тема.

Последние месяцы существования Советского Союза подтверждали объективный характер его постепенного распада, но Беловежское соглашение просто-напросто раскидало его.

Время показывает, что в ряде республик, да и в самой России, выбран не лучший вариант структуры политической власти. Об этом свидетельствует трехсторонний политический кризис: противостояние парламент — правительство, парламент — президент и завуалированное противостояние между правительством и президентом, которое становится более явным по мере прихода к руководству кабинетами более самостоятельных фигур.

Модель, работающую на раздрай в России, скопировали и бывшие «младшие братья», однако ее своеобразие здесь ограничилось лишь использованием колоритных терминов (меджлис, аким, рада и т. д.). Однако суть от этого не изменилась. Это же касается и нижестоящих ветвей государственной власти, начиная от структуры министерств и ведомств и заканчивая армией и милицией-полицией. Таким образом, навеянная «цивилизованным миром» модель государственной власти никак не может адаптироваться в наших условиях.

Что характерно для некоторых государственных структур?

Прежде всего, усиление синдрома «пороховой бочки», связанное с военной политикой, обеспечением армии, втягиванием ее в межнациональные конфликты, несоответствие материального обеспечения армий разных государств при общей основе офицерского корпуса. Происходит постепенное сталкивание армии на основе искусственно создаваемого различия в имущественном положении, социальных гарантиях военнослужащих различных государств, межгосударственных спорах по поводу финансирования общих объектов. Так, на первых порах военнослужащие Украины и Казахстана получали значительно большее денежное довольствие, нежели военнослужащие России. Однако, теперь Россия вовлекает нас в такую гонку повышения зарплаты, за которой мы не можем успеть. Приведет это к тому, что ни одна из новых стран не будет в состоянии обеспечить собственную безопасность, кроме России и, возможно, Украины. В таком случае любое государство при созревании вооруженных внутренних конфликтов либо обречено на самоуничтожение, либо попадает в зависимость от России. Ярким примером в этом отношении выступает современный Таджикистан.

Характерны спорные точки между новыми государствами. В случае Севастополя в достижении цели задействованы механизмы и экономического, и политического давления, в случае Байконура и Семипалатинского полигона — это жесткое экономическое давление, причем создана ситуация, когда сами офицеры казахстанских частей под тяжестью материального неравенства выдвигают политическое требование — восстановление юрисдикции России.

Не менее эффективная форма деятельности в достижении экономической зависимости — склонение русскоязычного населения к эмиграции. Это также является причиной усиления активности в муссировании «русского

вопроса» в периоды обострения кризисных явлений в экономике и политике России и независимых государств.

Мы все более приходим к уверенности в возникновении новой тенденции — повышение влияния социалистических и национал-радикальных партий и понижение демократических. Хотя официальная статистика старается исказить фактическое положение вещей, действие такой тенденции усиливается по мере дальнейшего падения уровня жизни. Если мы внимательно проанализируем требования коллективов, в последнее время выступавших с акциями протеста, увидим значительное возрастание влияния на трудящихся новой социалистической идеологии. Социалистические партии, возникшие на базе демократического крыла КПСС, становятся все более популярными на Украине, в Казахстане, Таджикистане. Партии такого же характера значительно укрепили свои позиции в Прибалтике и Венгрии. Руководители республик, обольщенные идеей фикс вырваться из кризиса за счет рынка, теряют свою опору прежде всего в рабочих коллективах. Прошли те времена, когда Ельцин ходил пешком в гастроном, и теперь, кроме спецслужб, никто не изучает положение дел в рабочем движении. Трудящиеся, несущие на себе основную тяжесть гиперкризиса, забыли, когда с коллективами встречались руководители государственного масштаба. Лишь единицы могут разобраться в хитросплетениях новой экономической политики, и, естественно, вакуум может заполниться неокоммунистами. Если руководители не повернутся лицом к труженикам, их умами завладеют организации, подобные ФНС.

Тенденция отдаления провинций от центра над регионами является логическим продолжением явления, начавшегося еще при существовании Советского Союза. В глобальном масштабе это начиналось на уровне взаимоотношений Москвы и республик, сегодня же прини-

мает форму регионального сепаратизма внутри независимых государств. При более детальном изучении мы не найдем ни одного государства ОШЧС, где бы этот процесс не был отражен. Не является исключением в этом отношении и Казахстан.

В этом хаосе, который представляет собой постсоветская экономика, на первый взгляд достаточно трудно определить общие направления развития, кроме, разумеется, тотальной деградации и сокращения производства, что также является общей тенденцией. Однако, если более внимательно отнестись к данной проблеме, можно и в такой сложнейшей сфере увидеть общие законы, естественно, с известной долей абстракции.

По опыту всех стран ОШЧС можно уверенно сказать, что иностранное сотрудничество имеет исключительно сырьевую и неэкологическую ориентацию. Каждая страна фиксирует неуклонное увеличение доли иностранной собственности в экономике. В основном это делается через третьи фирмы и лица. Вместе с тем, вряд ли мы найдем страну-исключение, откуда бы не форсировался вывоз капитала и интеллектуального потенциала. Вытеснение интеллекта происходит и путем втягивания в коммерческие структуры. На утечку мозгов из ОШЧС работает и остаточное финансирование науки. Как общее правило можно определить и срастание государственной экономики с теневой. Неразвитость рыночных отношений поощряет становление мафии, коррупции, организованной преступности.

Общее правило первого этапа становления государственности в странах бывшего СССР — переоценка геополитического положения . Материалы, обосновывающие большое будущее именно благодаря своему положению на карте, мы встретим не только в каждой без исключения стране бывшего СССР, но и в каждой провинции этой страны. На деле же это эффективно использует

лишь Балтия. Отчасти это связано с тем, что на этапе провозглашения суверенитетов активно культивировались популистские концепции экономической самодостаточности каждой страны.

Если проследить историю внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности большинства стран после развала Союза, можно увидеть своеобразный круг, который мы бы назвали детской болезнью политической наивности национального возрождения. Рассмотрим движение по этому кругу, характерное для большинства стран по регионам.

Страны Балтии, первыми начавшие свое движение к полной независимости от России, первые свои политико-экономические связи пытаются найти за океаном. Соединенные Штаты, всячески поощрявшие любое проявление сепаратизма Прибалтики еще в составе Союза и сулившие обеспечение этим странам экономического процветания, незаметно отворачиваются от Литвы, Латвии и Эстонии после обретения ими суверенитета. На деле лидеры этих стран сталкиваются либо с откровенным отказом от экономической помощи, либо с такой помощью, которая окончательно затягивает долговые тиски. Однако молодые республики не утрачивают иллюзий тесного сотрудничества непременно со странами развитого капитала. Так, на следующем этапе мы наблюдаем попытку прорыва Балтии на западноевропейскую арену. Это этап льстивых обещаний со стороны ЕС и НАТО. Однако когда, казалось бы, вопрос решен положительно, развитая Европа деликатно отталкивает чужаков в пределы регионального сотрудничества. На этапе регионального сотрудничества Балтия выступает с рядом инициатив по созданию скандинавского блока, все идет хорошо, но лишь Финляндия в конечном счете оказывается в лице надежных партнеров, да и то по причине сложившейся ориентации ее производства не на западный, а на

советский рынок. И перспективы такого сотрудничества с Финляндией не так уж заманчивы, поскольку и там идет спешный процесс переориентации производства. Таким образом, даже наиболее благополучные страны Балтии оказываются перед перспективой лишь трехстороннего союза.

Украина, Беларусь и Молдова также начали свою независимую политику со строительства мостов в Америку. Более длительное время в плену иллюзий находилась Украина, поскольку казалось, что Украину поддержит мощная диаспора из Канады, всячески поощрявшая ее движение к суверенитету. Но с обретением независимости материально-финансовая помощь прекратилась. Памятен момент, когда Канада потребовала от Украины вернуть валюту, которая предназначалась лишь для укрепления независимости и была использована не по назначению.

Прозрение безнадежности западной экономической поддержки наступает одновременно как по отношению к Америке, так и по отношению к Европе. Примерно то же самое и в те же сроки происходит в Молдове и Беларуси. Украина становится инициатором нового регионального объединения с участием вышеназванных стран, а также Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Румынии, Болгарии и даже Австрии. Коренным условием деятельности такого объединения являлось абсолютное исключение возможности участия России. Цементирующим фактором на первом этапе явился практически одинаковый материальный ущерб, нанесенный этим странам в результате действия экономических санкций остального мира против Югославии. Однако жизнь показала, что вариант такого регионального сотрудничества безнадежен. Украина разочаровывается и в другом «образце для подражания»— Польше и начинает искать пути создания менее широкого блока, который ограничен Беларусью и

Молдовой. Но становится очевидным, что и из этого союза выпадает Молдова.

Более сложно проистекают такие процессы в Закавказье. Если начало самостоятельной внешнеполитической деятельности было таким, как у всех, дальнейшее развитие указанной нами тенденции осложнено в результате тотальной гражданской войны. Главной объективной причиной трагедии региона является этническая и религиозная неоднородность населения. Однако, если рассматривать отдельно отношения Грузия — Армения и Грузия — Азербайджан, можно определить также тенденцию сближения на фоне зависимости от России. Грузия и Азербайджан имеют более развитые экономические контакты, к примеру, их тесно связывает проект строительства нефтегазопровода из Ирана. Но уже сейчас можно определенно сказать, что перспектив у такого проекта нет, поскольку всякое строительство в Закавказье связано с громадной степенью экономического риска. Кстати, это подтверждает и объективную тенденцию несостоятельности регионального сотрудничества с новым «старшим братом», лидером региона. Подтверждается она также и угасанием бурно начатых контактов Азербайджана с Ираном и Турцией. Если же рассматривать отношения Грузия — Армения в отдельности, ясно, что базой близости является религия и ненависть Армении к Азербайджану, с одной стороны, определенное недоверие Грузии к Азербайджану, поддерживаемому Ираном и Турцией,— с другой. Что касается Карабаха, то потенциальные мини-карабахи есть и в других регионах, что на данном этапе носит форму спорных территорий. Вспомним, что вооруженные (кем?) отряды украинских националистов участвовали в Приднестровском конфликте. Могут также возникнуть территориальные вопросы между другими государствами.

Если рассматривать наш регион, стремление дружить

с Америкой и Западной Европой наблюдалось в те же периоды, что и у других стран бывшего СССР. На следующем этапе страны Центральной Азии пытались навести мосты для установления «сердечного союза» с Турцией, Ираном, Пакистаном, что соответствует аналогичному этапу в отношениях Балтия — Скандинавия, Украина, Беларусь, Молдова — Польша, Румыния, Венгрия — Австрия. Но, похоже, мы сейчас тоже испытываем определенное отрезвление. На этапе же создания блока Центральноазиатских государств из общего строя выпадают Туркменистан в силу относительного экономического благополучия и Таджикистан в силу полной зависимости от России и Узбекистана.

В этом плане очевиден факт, что «рекордсмен» по масштабам оказываемой СНГ помощи — Германия — делает это с помощью экономического потенциала своей восточной части, тем самым решая проблему реализации неконкурентоспособности продукции с одной стороны и проблему увеличения государственного долга — с другой.

Таким образом, каждая республика в отдельности возвращается на круги своя в рамках экономических связей в границах СССР.

Почему все попытки пробиться на арену «цивилизованного западного рынка» окончились ничем? Во-первых, естественная объективная причина — экономика, которая не приспособлена к такому рынку, во-вторых, отсутствие у многих лидеров опыта руководства суверенными государствами, в-третьих, резкая смена политических режимов почти во всем бывшем «социалистическом лагере» и неспособность западного мира все это сразу переварить. Естественный итог — возвращение в экономическое пространство СНГ. Здесь республики СНГ налаживают те же связи, которые существовали в СССР в рамках соглашений по СНГ, а страны, не входящие в

СНГ, делают это окольными незаконными путями. Иллюстрацией такой политики может послужить, к примеру, массовый вывоз странами Балтии топлива и продовольствия из России, Украины и Беларуси, торговля казахстанской медью на западных рынках и т. д., получение враждующими республиками Закавказья советского оружия. Объективная логика, казалось бы говорит о том, что здесь должно наступить экономическое усиление связей СНГ, поскольку ни в какие другие рынки страны они «не вписываются». Однако, в нарушение такой логики, сегодня Россия вытолкнула из рублевой зоны своих потенциальных партнеров. Какие же могут быть мотивы подобной политики?

Прежде всего, она является итогом ванкуверской встречи двух президентов, во время которой, вероятно, Ельцину была отведена роль распорядителя на территории бывшего СССР. Внимательный аналитик обратит внимание, что активное муссирование русского вопроса в республиках началось именно после встречи в Ванкувере. Этот период ознаменован особенно сильным давлением на Украину по вопросам ее ядерного статуса и обладания Черноморским флотом, что окончилось чистой победой России, активизацией освещения русского вопроса во всех республиках в российских средствах массовой информации, первостепенным преобладанием русского вопроса во всех внешнеполитических контактах России и стран «ближнего зарубежья». Субъективной стороной такого проявления является, естественно, необходимость поднять имидж Ельцина. Характерно, что именно в это время вновь «обостряются» разногласия между Россией и США по поводу продажи Индии технологий ракетных двигателей. Создается впечатление, что данная тема — своеобразная «домашняя заготовка» России и Америки, которую периодически являют миру в те моменты, когда надо продемонстрировать независимую от

Америки политику России. Когда России — Западу была тактически выгодна форсированная суверенизация, МИД России не только не выступал в защиту прав русскоязычного населения, но, напротив, потворствовал их нарушениям. Вспомним и Прибалтику, и Молдову.

Опыт Украины в попытке проводить самостоятельную внешнюю политику как раз и показывает, что в данный момент даже такая экономически сильная республика, самостоятельно проблемы не решит. По существу, Украина пошла на раздел флота лишь для того, чтобы «с честью» выйти из положения, несколько затянуть решение вопроса и улучшить за счет политической уступки экономическое положение. Россия же пошла на это соглашение потому, что уверена в том, что флот все равно отойдет к ней. Рождается «инициатива» офицерских собраний по подъему андреевских флагов на всех кораблях флота, что, естественно, санкционировано из Москвы. Фактически соглашение о разделе флота означает его сдачу со стороны Украины. Отметим, что аналогичная ситуация складывается и на Байконуре, и в Семипалатинске.

Общее правило постсоветской внешнеэкономической деятельности — вооружение вероятного противника. Status quo изменился только в направлении Восток — Запад. В направлении же Запад — Восток военная доктрина изменилась незначительно. В корне характер военных доктрин и военной политики ориентирован против Востока. Это подтверждается направленностью проводимых военных учений и спецификой отрабатываемых учебных задач. Доктрина США по-прежнему предлагает ядерный удар по территории СССР в случае применения враждующими странами ядерного оружия. Тем не менее, мы бы имели больший экономический эффект, если бы не тратились на создание небоеспособной армии, а продавали оружие, поскольку все равно кто-то продаст. Доста-

точно сказать, что Россия, остерегающаяся Китая, его уже вооружила.

Таковы объективные тенденции развития. Однако, если более внимательно изучить проблему, можно определить, что в этих правилах существуют исключения (Туркменистан, в некотором роде республики Балтии).

Каким образом Казахстан может стать исключением из общего правила?

В данный момент условием сохранения подлинной независимости для Казахстана является гибкий центризм в национальном вопросе, что предполагает оперативное устранение националистических, шовинистических и сепаратистских тенденций.

Каков выбор у Казахстана накануне затягивания экономической петли, которая фактически лишит суверенитета? Именно данный момент развития «процесса» является определяющим для принятия решения. Во-первых, надо начисто отказаться от иллюзорной веры в «доброго дядю» из дальнего зарубежья. Даже при наличии казалось бы твердых гарантий экономической помощи, в последний момент мы можем оказаться ни с чем. Во-вторых, если мы оперативно не выправим экономическое положение именно сейчас, исход заранее предрешен. В этом смысле нужна не академически-планетарная антикризисная программа, а ряд тактических экономических мер, которые не страдали бы недостатками партсъездовских «перспективных направлений», конкретно бы иллюстрировали населению ближайшую перспективу, а поэтому опирались бы на его поддержку. И, несомненно, если мы действительно хотим здоровой экономики, ориентированной на производителя, корнем такой политики должно стать исключение из жизни существующей модели бизнеса, поскольку основной формой деятельности современных бизнесменов является купля-продажа, в условиях, когда наши бизнесмены не имеют прямых свя-

зей с зарубежными странами, а отовариваются в основном в Москве. По этой причине бизнесмены существующего типа попросту душат новую национальную валюту.

Учитывая опыт современной истории, стоит согласиться, что крайне резкий переход к либерализации порождает предрасположенность к революционной смене власти. Поэтому, развивая либеральную экономику, надо учитывать закономерность экономик развитых стран, где периодически происходят колебания от либерализированной направленности экономической политики к социализированной. Наше правительство должно проявлять подобную гибкость, периодически переориентируя направленность экономики.

В-третьих, именно сейчас необходимо направить основные средства на производство той стратегической продукции, обладание которой позволит Казахстану диктовать свои условия в экономике и политике. К примеру, продукцией такого рода является пшеница твердых сортов, нефть, отдельные виды минерального сырья, которые на сегодняшний день являются единственно реальным гарантом валютных поступлений и экономической независимости. Но главным условием и гарантией нашего суверенитета должна быть переориетированность экономики на внутренние потребности.

Во внутренней политике нам надо избежать кризиса власти. Главное — не допустить конфликта Парламент — Президент. Тенденция есть, причем довольно заметная. Возможно, те, кто пытается ее усилить и искусственно раздуть, действуют по известной нам указке. Необходима новая структура правительства с людьми, умеющими системно, творчески и оперативно мыслить. Иначе произойдет постепенная деградация правительства.

Опыт президентских выборов в федеративных российских республиках показывает, что к власти приходят люди, способные расшевелить избирателей нестандартными

заявлениями и находящие способ потакать всем слоям населения. Здесь следует сказать о новом «застое», который мы наблюдаем в идеологической работе в Казахстане. Однако, опыт работы совещания по этой проблеме показывает, что на базе отсутствия зрелой экономической политики не может возникнуть и эффективной идеологии. Вряд ли стоит тратить силы на выработку новых идеологических концепций, поскольку нового общества нет. Нет экономики — нет идеологии. Надо думать не о том, как успокоить народ, а как его накормить. Надо помнить, что в условиях общего кризиса после падения коммунистической системы действительно эффективны идеологии национализма и шовинизма (Германия, Италия, Чили, Испания). То, что пытаются в отсутствии новых идеологических концепций делать руководители, ограничиваясь жесткой критикой коммунистической идеологии, не только неэффективно, но и губительно, поскольку, с одной стороны, это не способствует подъему их авторитета (большинство — бывшие партократы), с другой стороны, известно, к чему приводит огульная критика старого, когда не только не создано новое, но продолжается свободный полет в пропасть.

Все государства бывшего СССР пока испытывают сходные и весьма серьезные и драматические проблемы, но мы должны сознавать, что эти закономерности характерны только для начального периода и будут наблюдаться еще в течение нескольких лет. Чем дальше будут расходиться пути анализируемых государств, тем индивидуальнее во времени будет их судьба, и наша задача — используя закономерности начального периода, направить развитие нашего государства в благоприятное русло.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ТУПИК В ЛАБИРИНТЕ ПРОБЛЕМ

Кто управляет страной?

Два с лишним года нашей независимости дают возможность реально судить, как растет древо нашей государственности, в частности, как развиваются ее основные ветви: законодательная, исполнительная и судебная и какие плоды приносят они своему народу.

В данной публикации попытаюсь высказать суждение о второй ветви. Нельзя сказать, что наша пресса обижает вниманием Кабинет Министров, в ней хватает достаточно острых стрел в его адрес, однако, по-моему, не так уж много статей, анализирующих внутреннюю природу исполнительного аппарата, а предлагающих конкретные проекты по его структуре и вовсе нет. Между тем эта проблема важна и актуальна и требует серьезного обсуждения. Естественно, в рамках одной скромной статьи невозможно исчерпывающе охватить этот вопрос, поэтому ограничусь беглым эскизом, который, надеюсь, послужит поводом для дальнейшего развития этой темы.

Наш Кабинет Министров — допотопный, громоздкий, некомпетентный и абсолютно неэффективный орган — рудимент «славной советской эпохи», типичный образчик «монголизаций» (маленькая Монголия некогда полностью копировала все структуры огромного Союза), сформированный келейным образом, пустивший все на самотек, занимающийся только проблемами корпоративного благополучия.

Экономика, доставшаяся ему в наследство от Союза, практически разрушена. Даже по официальным, как водится заниженным, данным — валовый внутренний продукт в I квартале 1994 года по сравнению с прошлым (который сам был очень тяжелым) сократился на 30,0%,

объем промышленного производства уменьшился на 30,9%, объем капитальных вложений государственных предприятий и организаций — на 68,3% (это при том, что наши «рыночные» структуры почти не вкладывают деньги в производство, предпочитая наживать огромные барыши на торговле «воздухом», бесконтрольной продаже природных ресурсов и валютных махинациях), свирепствует гиперинфляция, курс тенге стремительно падает..., и Казахстан постепенно соскальзывает на колумбийский путь.

Сторонний наблюдатель, не имеющий представления о наших реалиях, глядя на эти цифры, может прийти к выводу: эта страна воюет с грозным внешним противником, или в ней свирепствует гражданская война, или на нее обрушилось катастрофическое по своим последствиям стихийное бедствие.

Но ничего этого нет: соседи, слава богу, ведут себя мирно, природа три года подряд, на наше скромное счастье, одаряет хорошими урожаями зерна, а народ, отставив в сторону небольшие разногласия, проявляет мудрость и терпение в нестерпимых условиях. В чем же дело? Неужто только в том, что разорваны устоявшиеся экономические связи? Тогда как быть с более или менее благополучными — Эстонией, Литвой, Латвией, Туркменистаном, зависевшими в еще большей степени от бывшего Центра? Ведь даже в Армении и Азербайджане, много лет воюющими между собой, в Грузии, охваченной гражданской войной, положение не намного хуже.

Вывод: огромная срединная земля, «сердце евразийского континента», «страна-кладовая», которую грабят со всех сторон, практически оказалась без государственного управления, без реальной власти.

Наши доморощенные политики и высшие чины бесконечно воюют между собой по сути не за власть, а за ее

декоративные атрибуты — кресло, кабинет, челядь. Попав в вожделенное кресло, большинство из них тут же устремляет свои взоры еще выше и ни о чем другом, как о карьере, думать не может.

Для оправдания своего существования правительством создается иллюзия кипучей деятельности: подписывается бесчисленное множество заведомо невыполнимых межгосударственных договоров, о которых забывают, прежде чем на них успевают высохнуть чернила, плодятся тысячи бесполезных бумаг, циркулирующих по бесконечным лабиринтам, проводятся нескончаемые нудные совещания и проработки по одним и тем же вопросам.

Совершенство любой государственной машины определяется качеством и скоростью принятия важных решений, т. е. функционированием линий обратной связи между различными ступенями иерархий. Как же действуют наши линии связи?

В качестве иллюстраций рассмотрим главную из них — между Белым Домом и Серыми Зданиями: Президент — (иногда вице-президент) — премьер-министр — первый вице-премьер — вице-премьер — руководитель аппарата Президента и Кабинета Министров — заместитель руководителя аппарата — заведующий отделом Кабинета Министров — министр — заместитель министра — начальник (главного) управления (департамента) — заместитель начальника управления — начальник отдела — главный специалист — специалист. Здесь приведены только основные звенья бюрократической цепи. Между ними в верхней ее части, включая министра, существует тьма промежуточных — когорта шефов канцелярий, советников, помощников, пресслужб, референтов, инспекторов, секретарей..., через руки которых непременно проходят почти все документы, и если их влючить, то наша и без того длинная цепь увеличится в два с лишним раза. Стоит ли удивляться, что даже

по самым пустяковым вопросам решения принимаются так долго.

В общем-то с «горки» указания спускаются относительно быстро, обрастая по пути пожеланиями на «фишках», типа: «срочно», «прошу рассмотреть», «дать предложения» и т. д. Обратный путь намного сложнее, почти на каждой инстанции вносится вроде бы небольшая и не очень заметная корректировка, но пройдя все жернова бюрократического механизма, любое, даже очень оригинальное и ценное предложение, становится неузнаваемым — гладким и безликим, изложенным суконным языком.

В лабиринтах аппарата почти никто не несет персональную ответственность (о ней вспоминают лишь тогда, когда надо кого-то срочно убрать), она распределена на всех, а значит — ни на кого. Именно так проявляются ее живучесть, монолитность, косность и корпоративный дух.

Коррупция и протекционизм — две наиболее часто встречающиеся хронические болезни в этой среде.

Возможная структура правительства

Нынешний Кабинет Министров, к сожалению, если не тормоз, то во всяком случае тяжелый и бесполезный балласт на хилой шее нашей экономики.

Если мы хотим, чтобы наше государство осталось на плаву, надо в корне менять все (не ломать — иначе можно потерять и иллюзию управления) — механизм управления, принципы отбора кадров, линии принятия решений, критерии, стиль работы и меру персональной ответственности.

Нужен очень сильный, мобильный, компетентный и эффективный штаб народного хозяйства, заинтересованный в судьбе народа. Указанные качества могут быть

выявлены лишь при строгой личной ответственности каждого за свой участок работы: тогда видно — кто есть кто — и все будут стараться работать на пределе своих сил, слабые уйдут — следовательно, машина управления будет совершенствоваться на ходу.

Только такое правительство способно вытащить нас из-под глыб тоталитарно-плановых казематов, поднять порушенную экономику, эффективно управлять страной, создать предпосылки для нормального вхождения в цивилизованный рынок и дать надежду отчаявшемуся обществу.

Каждое государство должно иметь рационально обоснованное число министерств и других управленческих госструктур, позволяющих при минимальных затратах получить максимальный КПД: их недостаток приведет к потере управления государством, избыток истощит казну, обессилит экономику и понизит жизненный уровень населения.

Правительства процветающих или ставших на этот путь средних государств, каковым является Казахстан, имеют классический набор министерств с небольшими колебаниями, в нашем случае он мог бы включать в себя следующие: иностранных дел, финансов, обороны, экономики, национальной безопасности, охраны общественного порядка, культуры, образования, юстиции, промышленности, здравоохранения и экологии, транспорта, связи, торговли и сельского хозяйства. Учитывая наши очень специфические особенности, этот ряд можно пополнить еще двумя-тремя министерствами. Причем, нельзя допускать раздувания штатов.

Большей части министерств, за исключением имеющих особую специфику, скажем, силовых, иностранных дел, финансов, транспорта, связи — лучше быть не командно-диктаторскими органами, требующими от низовых подразделений беспрекословного подчинения, а

центрами координации, обмена ноу-хау, повышения квалификации и материально-технического снабжения.

Во главе Кабинета Министров, как полагается,— Премьер-министр, при нем только два вице: первый, по должности министр иностранных дел (во всем мире — это ключевая фигура), курирующий заодно все виды внешних сношений, второй — освобожденный, координирующий работу областных администраций и Алматы (ведь они по сути — местные филиалы Кабинета Министров), а министры должны обрести максимальную самостоятельность под непосредственным руководством самого Премьера.

Принцип курирования вице-премьерами нескольких министерств не оправдывает себя — получается несколько мини-кабинетиков, конкурирующих между собой и мешающих общей слаженной работе.

При предлагаемом подходе резко возрастет время, право и персональная ответственность высших должностных лиц — премьера, вице-премьеров и министров, плоды их труда сразу станут видны — нельзя будет спрятаться за чью-либо спину.

Резонно принято решение: разделить сиамских близнецов — смешанный аппарат Президента и Кабинет Министров.

Президент должен иметь отдельный компактный аппарат, работающий только на него.

Почти во всем мире Кабинет Министров — это составляющие его министерства, а у нас — нечто совершенно самостоятельное, имеющее огромный штат и множество отделов, дублирующих (хотя это называется курированием) работу министерств, часто вступающих с ними в амбициозные аппаратные бои. Поэтому он не нужен, вместо него лучше создать новый мобильный функциональный орган, под одним из следующих названий — Служба, Бюро или Государственный Департамент для

Премьер-министра. В него должны входить аналитики, эксперты и специалисты, задача которых — наблюдение за общей политической, экономической и социальной картиной в республике, ее анализ и выдача рекомендаций Премьер-министру для принятия соответствующих решений.

Министру достаточно иметь одного-двух замов, это автоматически поднимает роль и ответственность начальников управлений (департаментов), которые выполняют основную организационную работу.

Все эти преобразования помогут систематизировать и специализировать работу различных звеньев правительства, в два с лишним раза сократить чиновников — во столько же раз повысить зарплату оставшимся: ведь для того чтобы они хорошо работали, им надо хорошо платить.

Иноземные аллюзии

В свое время Михаил Горбачев создал Комиссию Верховного Совета СССР по проверке компетентности высших должностных лиц, в частности, министров. Результат был ошеломляющим: многие министры и высшие чиновники оказались совершенно некомпетентными в руководимых ими отраслях, они порой не знали элементарных вещей. Сконфужены были не только экзаменуемые, но и экзаменаторы, и на олимпе решили быстренько свернуть работу этой комиссии: вдруг кому-то в голову придет — проаттестовать и высшую элиту.

Думаю, подобный же конфуз ожидал бы и нашу министерскую рать. Посему на первых порах утверждение министров должно происходить в Парламенте на конкурсной основе в результате заслушивания нескольких кандидатур. Правом рекомендации должен обладать не только Премьер, но и Президент, и парламент. Подобный подход заставит Премьера предлагать действитель-

но сильные кандидатуры, а слабые будут отметены (кстати, последние, прежде чем претендовать на столь ответственные посты, очень хорошо подумают и вряд ли захотят подвергнуться публичному позору).

С проблемой некомпетентного чиновничества сталкиваемся не только мы, даже Япония, сегодня достигшая невероятных высот в экономике, в послевоенные годы пережила эту проблему. После повальной аттестации чиновничества 80 процентов оказалось не соответствующим своим функциональным обязанностям. Это привело к коренному обновлению управленческого аппарата, т. е. у истоков японского чуда стояли не только умелые менеджеры, верткие бизнесмены, но и способные чиновники.

Мы часто слышим: ну дайте же нам идеи, вы только критикуете, а ничего дельного не предлагаете. Во-первых, конечно, жаль, что многие предложения понимаются только как критика и содержащиеся в них идеи вообще не воспринимаются. Во-вторых, идея — не творец, она — инструмент и все зависит от того, как и кем она будет использована. Скажем, дикарь скорее всего использует компьютер в качестве стула, незрелый подросток — для детских игр, а перезрелый дядя — для пасьянса.

Поэтому для верного использования большой идеи тоже нужны большие способности, элементарное желание.

В буддизме есть интересная характеристика лошадей: прекрасная лошадь не нуждается в понукании, она становится как бы неотделимой частью всадника, мгновенно, угадывает все его желания и сама быстро скачет туда, куда надо; хорошей лошади достаточно поднятой нагайки, чтобы помчаться вперед; посредственная лошадь скачет, ощущая физическую боль от удара; а никудышняя — лишь тогда, когда боль пронизывает ее до мозга костей.

Так вот, чтобы наша государственная повозка наконец-то стронулась с места, сама повозка должна быть совершенной, ну и конечно, нужны хорошие и прекрасные лошади — государственные мужи, политики, бизнесмены, ученые и чиновики.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ РЕБУСЫ И ПАРАДОКСЫ ВЛАСТИ

I. Первые шаги

Новый парламент начал свою работу, состоялась его первая приглядка с Президентом.

Нурсултан Назарбаев произнес приветственную речь, из которой следует выделить четыре момента. Первый: он осторожно присматривается к парламенту, пытаясь оценить его силу и возможности. Второй: пока он очень серьезно относится к парламентариям, об этим говорят его слова: «Мы должны избегать узурпации власти кем бы то ни было — Президентом, Кабинетом Министров или парламентом», вместе тем он деликатно предостерегает своих партнеров от конфронтации с ним, допуская возможность импичмента президента и отставки парламента; ясно, что первая возможность лишь риторическое приложение ко второй. Третий: ради конструктивного согласия с парламентом он даже готов пожертвовать Кабинетом Министров, который, по его мнению, просто неумел. Четвертый: ему очень мила идея двухпалатного парламента, которую можно принять, если не сейчас, то в перспективе.

Президент не упустил возможности сделать широкий популистский жест, он объявил, что увидел пикеты ветеранов, тут же принял решение восстановить льготы ветеранам и инвалидам Великой Отечественной войны, попутно обругав «нехороших министров», которые его

подвели. Естественно, этим сорвал первые аплодисменты парламентариев.

Итак, не только Президент, но все политики, партийные бонзы и политологи ломают голову над тем: что же из себя представляет новый парламент и как он себя поведет?

Эти вопросы не праздные, от того, какую роль будет играть новый Парламент на политической арене республики, зависит судьба страны, народа и демократии.

Прежде чем приступить к его оценке, нелишним будет вспомнить об условиях, в которых он рождался.

II. Предыстория

В начале 1993 года нас поразила общая болезнь, охватившая многие страны СНГ, началась борьба между исполнительной и законодательной ветвями власти. Долгое время удавалось скрывать это от посторонних глаз, но кардинальный вопрос: кому контролировать финансовую политику государства?— обострил противостояние. Последней каплей, переполнившей чашу президентского терпения, стала солидарность парламента с российскими мятежными коллегами. После кровавых октябрьских событий в Москве Борис Ельцин очень внимательно следил за реакцией содружественников, и многое ему, конечно, не могло понравиться. Нурсултан Назарбаев, проводивший с ним тяжелые переговоры по рублевой зоне, прекрасно это понимал, после чего в президентских структурах всерьез стали думать над тем, как сокрушить Советы.

Российский вариант для нас явно не годился,— поэтому нашли весьма хитроумное решение в чисто восточном стиле: запустили механизм саморазрушения низовых структур представительной власти. Один за другим районные советы, а за ними и областные начали само-

распускаться, почва под парламентом поплыла, и когда из него демонстративно стали бежать многочисленные сторонники Президента, ему не оставалось ничего иного, как принять решение о капитуляции.

На скорую руку был принят Кодекс и объявлены сроки новых выборов.

После столь быстрой и явной победы Президента почти все аналитики, начиная от вальяжного президентского прорицателя до независимых политологов, стали предрекать абсолютную победу союзу «Народное Единство Казахстана», лидером которой является Нурсултан Назарбаев. Наиболее яркая метафора — заголовок того периода —«Вероятно, в марте парламент завалит СНЕКом» в «АБВ».

6 ноября 1993 года, т. е. почти за полтора месяца до объявления новых выборов в газете «Экспресс К» я изложил свое видение этой проблемы. Читатели при желании могут убедиться, насколько оправдался мой прогноз.

Относительно процедуры голосования в печати, в частности, в российской, недвусмысленно говорилось: она будет недемократической. Опять-таки вспомним заголовки газет: «Независимая газета»—«Казахстан превращается в государство произвола», «Русский вестник»—«За ширмой стабильности».

Конечно, прошедшие выборы вряд ли можно назвать стерильными, было все — подчистки в протоколах, лишние бюллетени, семейное голосование, навязчивые подсказки неискушенным избирателям, но и... дисциплинирующее влияние иностранных наблюдателей и представителей конкурирующих партий.

Учитывая наше тоталитарное прошлое и то, что подобные выборы — на партийной и самостийной основе — состоялись впервые, думаю, с оговорками их можно принять.

СНЕК не завалил парламент, и он не закидал шапками другие движения.

Собственно, в пользу этого говорят и результаты выборов.

Правда, на первый взгляд, может сложиться впечатление, что Президент и СНЕК общими усилиями все же выиграли выборы, как и борьбу за руководство парламентом, однако не будем торопиться.

III. Расклад политических сил

В парламенте СНЕК имеет около 55 депутатов, НКК — больше 20, СПК — около полутора десятка, примерно столько же представляют Федерацию профсоюзов. Казалось бы, один СНЕК имеет столько же депутатов, сколько его основные конкуренты, да еще в корпусе депутатов есть прошедшие по госсписку и много чиновников, которые, вроде бы, должны стать его сторонниками. Но при внимательном изучении положение не столь уж простое.

Депутаты от других общественных образований, прошедшие по госсписку, не имеют обязательств перед СНЕКом, а значительное количество колоритных чиновников рванулось в депутаты потому, что им не светило теплое место под бюрократическим солнцем и посему они стали домогаться роли на демократическом поприще.

Кроме того, в качественном отношении фракция СНЕК несколько уступает своим соперникам по числу ярких ораторов и личностей, способных увлечь за собой колеблющихся.

Оппозиция, которая уже обрела зримые черты, имеет довольно внушительный состав и двух крепких лидеров: Олжаса Сулейменова в стенах парламента, Серикболсына Абдильдина — за его пределами.

Появилась у нее еще одна личность, претендующая на лидерство,— Газиз Алдамжаров, который резкой критикой Президента и правительства, как и следовало ожидать, быстро повысил свой политический рейтинг, но все же эта фигура калибром поменьше.

Однако, у оппозиции тоже немало проблем: их конгломерат скрепляет лишь противостояние правительству и СНЕКу и неизвестно, смогут ли притереться друг к другу два вождя, в общем-то не переносившие чьего-либо соперничества.

В парламенте намечаются три довольно расплывчатых блока:

1) СНЕК, часть депутатов, прошедших по госсписку, и небольшое количество самовыдвиженцев, рассчитывающих на доходные места;

2) Оппозиционный блок (в отношении СНЕКа и правительства) — НКК, СПК, Крестьянский союз, «Лад», национал-патриоты, обиженные на власть чиновные депутаты;

3) Центристы, Федерация профсоюзов и независимые (не определившиеся) депутаты.

Деление это достаточно схематическое и предлагаемый ниже прогноз носит вероятный характер.

Каждый из этих блоков будет стремиться расширить свое влияние и проводить соответствующую тактику.

СНЕК постарается однозначно заручиться поддержкой Президента и, используя политику «пряника», привлечь к себе депутатов от чиновничества. В стане оппонентов он будет всячески раздувать существующие противоречия.

Оппозиция прежде всего должна найти согласие в своих рядах, если удастся — выработав общую стратегию, начнет вбивать клин между СНЕКом и его немногочисленными союзниками, а затем вносить раскол и в сам СНЕК (скажем, вполне возможен откол от него не-

большой группы во главе с Сериком Абдрахмановым. И вряд ли состоится слияние СНЕК и НКК в единую партию (оно зависит не только от воли их лидеров).

Эти соперничающие блоки будут всячески перетягивать на свою сторону центристов.

В этой ситуации — роль последних весьма существенна, несмотря на немногочисленный состав, именно их голоса в решающий момент могут стать довеском, определяющим судьбу того или иного решения. В целом нейтралы скорее всего будут занимать двойственную позицию, по социальным и экономическим вопросам — жестко критиковать правительство, т. е. поддерживать оппозицию, а по большинству политических вопросов примыкать к СНЕКу и Президенту.

Свидетельством этого служат выборы спикера парламента, которые после сложных закулисных торгов, открытых дебатов и тайного голосования принесли победу Абишу Кекильбаеву.

С точки зрения реального расклада сил симптоматичен II тур: Абиш Кекильбаев —92 голоса, Газиз Алдамжаров —69, воздержалось —10.

Отсюда видно, учитывая и тех, кто не проголосовал по каким-либо соображениям, что сторонники Президента имеют около 80, а оппозиция — порядка 70 депутатов и около 25 — составляют центристы, которые и определили исход выборов.

Но когда вопрос коснется доверия правительству, центристы полностью перейдут на сторону оппозиции, и правительство может пасть.

Для многих колеблющихся депутатов большое психологическое значение будут играть первые заседания, когда начнутся состязания в красноречии и на трибуну выйдут Серик Абдрахманов, Газиз Алдамжаров, Виктор Водолазов, Салык Зиманов, Жасарал Куанышалин, Александр Козлов, Султан Сартаев, Олжас Су-

лейменов, Владимир Чернышев — после ристалищ произойдет первая и наиболее важная перегруппировка сил и это, вероятно, будет прелюдией президентских выборов через два года.

По некоторым принципиальным проблемам расклад произойдет не по принадлежности, а по образу мышления, например, по двойному гражданству, статусу русского языка, праву на частное владение землей, идее Олжаса Сулейменова о конфедерации с Россией, идее Нурсултана Назарбаева о Евроазиатском Союзе и т. д. Повышающаяся социальная температура постепенно будет приводить к «левению» парламента.

Своеобразным тестом на профессионализм парламента станет поиск ответов на животрепещущие вопросы времени:

Какая политическая модель больше всего подходит Казахстану? Как сделать независимыми, сильными и ответственными все три ветви власти? Как сформировать сильное и компетентное правительство? Как остановить отток русскоязычного населения? Как поставить на ноги экономику и поднять жизненный уровень населения, который давно уже ниже планки простого биологического выживания? Куда деваются иностранные кредиты и валюта от продажи природных ресурсов? Как пресечь коррупцию, поразившую верхние эшелоны власти? Какой у нас должна быть оборонная концепция? Как укрепить международный престиж государства — не мнимый, а реальный?

IV. Риторическое историческое отступление

Мы получили парламент, который заслуживаем — он в значительной степени является зеркальным отражением беспорядочного смешения наших сумбурных стремлений, иллюзий и предрассудков.

Назвать его высокоинтеллектуальным или искушенным в большой политике — не поворачивается язык.

Мы привыкли восторгаться западными политиками, в частности, британскими, но вот что говорил выдающийся писатель Сомерсет Моэм, знавший их не понаслышке: «Англичане — нация политиков, и меня часто приглашали в дома, где политикой интересовались превыше всего. У видных государственных мужей, которых там встречал, я не обнаружил выдающихся талантов, из этого сделал вывод, возможно, опрометчивый, что для управления страной не требуется большого ума. Позднее я знавал в разных странах немало политических деятелей, достигших высоких постов, и тоже бывал поражен тем впечатлением интеллектуального убожества, какое они на меня производили... Но дело, видимо, не в этом, поскольку некоторые деятели, не казавшиеся мне особенно умными, вели государственные дела весьма успешно».

Конечно, сарказм Моэма явно переперчен, но вместе с тем, действительно на Западе политические лидеры масштаба Франклина Рузвельта, Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Людвига Эрхарда — скорее исключение, чем правило.

Посмотрим, кто правил в США, величайшей державе мира, во второй половине XX века — Гарри Трумэн, Дуайт Эйзенхауэр, Линдон Джонсон, Ричард Никсон, Джеральд Форд, Рональд Рейган, Джордж Буш, Билл Клинтон.

Все они, включая и Рейгана, довольно посредственные люди, правда, в этом ряду не хватает трагической фигуры Джона Кеннеди и оригинальной — Джеймса Картера, но и им далеко до величия.

Великие лидеры призывались на политическую арену только в критические для этих стран периоды, как

только наступала стабильность, они тут же снимались с политической шахматной доски.

И в этом в общем-то есть своя внутренняя логика: любая политическая система тяготеет к устойчивости и эволюционному развитию и не терпит резких революционных колебаний, если они даже носят прогрессивный характер, не говоря о разрушительных действиях, а личности, обладающие сильной волей и высоким интеллектом, всегда встремятся все, даже вполне хорошие, усовершенствовать быстрым способом и потому грозят устоям традиции. (Как видите, даже в нашем худе есть крупицы добра, правда, маловато). Конечно, это политический конформизм, однако в этих странах есть нечто, гораздо более важное, которое перевешивает его — и в конечном счете определяет эффективность системы, когда «интеллектуальные убожества» Моэма вполне нормально справляются со своими обязанностями — это высокая политическая культура, чувство государственной ответственности, истеблишмента, умение формировать сильные команды и строгие правила политической игры, не позволяющие пробиваться на высокие государственные посты авантюристам и демагогам.

Мы сейчас находимся в таком положении, когда нам были бы кстати свои де голли, черчилли, эрхарды, ататюрки — политическая культура цивилизованных стран. Нам часто приходится слышать: вот, мол, нет у нас сильных личностей, способных работать на высоких государственных должностях — потому приходится назначать тех, кто попадется под руку (и чаще попадаются почему-то одиозные, хамовитые и бездарные люди).

Все не так, есть у нас очень способные люди, Аллах не обидел талантами, только надо дать им дорогу. Стоит повнимательнее присмотреться и можно увидеть целую плеяду толковых политиков и администраторов, увы, они, как правило, не у дел или прозябают в низах.

* * *

При всей сырости наш парламент в силу своей многопартийности и народной поддержки может сыграть положительную роль в истории нашей страны. Многое зависит от его политической воли.

Если он станет «карманным»— тогда мы еще не скоро увидим свет в конце туннеля.

Если он на равных станет сотрудничать с Президентом, то это пойдет на пользу всему обществу.

Если же он постепенно будет склоняться к оппозиции Президенту, не доходя до прямой и яростной конфронтации,— здесь нет большой беды. Нурсултан Назарбаев — достаточно гибкий и разумный политик, способный к диалогу.

Пришла пора взрослеть и нашим партиям, у нас до сих пор нет ни одной, которую можно было бы назвать партией в полном смысле слова. Программы большинства из них безлики и почти неотличимы друг от друга, никто не может взять на себя ответственность за выведение страны из кризиса. Они по существу до сих пор питаются заемными чужеземными идеями, мало приспособленными для наших реалий.

А между тем и у нас постепенно может сложиться традиция — две-три партии, поочередно сменяя друг друга, будут править страной.

Именно парламент и партии, представленные в нем, должны сформировать новые правила игры и создать новую систему политических координат, позволяющих пробиваться к власти наиболее способным и динамичным политикам, радеющим о нуждах народа и государства.

Социум подошел к опасной черте. И если сейчас срочно не будут приняты меры по подъему экономики и улучшению жизни народа, последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Полемика

КАК ПЕРЕССОРИТЬ НАРОДЫ

В Россию возвратился Александр Исаевич Солженицын, несомненно,— одна из самых противоречивых фигур XX века. Не претендую на глубокое проникновение в его натуру, мне думается, надо различать четыре его ипостаси: борца, мыслителя, писателя и политика. Как борец он, без всякого сомнения,— великая личность, не убоявшаяся выйти чуть ли ни в одиночестве против самой жесткой тоталитарной системы в мировой истории; как мыслителя его порой озаряют впечатляющие идеи, но в целом он претенциозен; как писатель, хотя и Нобелевский лауреат,— достаточно зауряден, его нашумевшие произведения сильны не художественным даром, а неукротимым пылом фанатика-диссидента; как политик он все же мелковат.

Трудно сказать, каково ему придется в России; партии, конечно, немного пошумят и каждая постарается перетянуть его на свою сторону, но, заметив его упрямство, махнут рукой. Народ сейчас в огромной нужде, вермонтский отшельник вряд ли всех накормит и найдет спасительные рецепты, а многообещающих говорунов и без него хватает, почему уже через год попривыкнут к нему россияне, да и забудут.

Соответственно, в этот раз я взялся за перо, чтобы ответить на эскапады российского вермонтца в адрес Казахстана, но перечитав все его последние публикации в Российской прессе, пришел к убеждению, что его пози-

ция со времен «Как нам обустроить Россию» мало изменилась, поэтому решил, что будет достаточным воспроизвести мою статью в № 3. журнала «Арай — Заря» в 1991 году.

* * *

«Вермонтский отшельник» — живая легенда, Давид, не убоявшийся тоталитарного Голиафа, властитель дум, очистивший наши мозги от многих мифов и животного страха, «гадкий утенок» русской литературы — Александр Исаевич Солженицын — в очередной раз попал в центр внимания всей страны.

Если каждый его крупный роман до сих пор был по существу, в хорошем смысле, литературно-тротиловой бомбой различной мощности, то небольшая брошюра «Как нам обустроить Россию» произвела эффект термоядерной бомбы, далеко не лучшего свойства.

Я всегда почитал Александра Исаевича за учителя, однако «плохо отплачивает тот учителю, кто навсегда остается только учеником. И почему не хотите вы ощипать венок мой?» — так говорил Заратустра. Сим позволю себе протянуть слабую руку к Его величественному венку. К тому же мне очень «повезло», я проживаю именно в той части «преображенных», то бишь распотрошенных «пустынных просторов», которые он соблаговолил включить в свой благостный «Российский Союз», посему получаю полное право высказать свое суждение.

В описании истоков и течения болезни нашей имперской Системы господин Солженицын неоспоримо прав: диагноз «режимус тоталитариус» — никакой консилиум не посмеет оспорить. Вот рецепт оздоровления: «Братцы, Красная империя распадается: хватай, кто что может, а я что захочу и кого захочу!» — мягко говоря, вызывает изумление.

Александр Исаевич на дух не приемлет «людожорские три четверти века». Искушение стереть все с дос-

ки (жизни народа) грязные (красные) письмена и на tabula rasa начать заново набело писать — это очередная опаснейшая иллюзия, чреватая очередными реками народной крови. Народ — не черновик. Какой бы ни был замордованный, испоганенный и оболганный, он — бесценная данность, божья сущность и не надо в очередной раз рвать новые (далеко не лучшие) нити времен и менять поганое настоящее на «идеальное до 17-го прошлое». Мы и сами своим тугим умом дошли до сознания: «В коммунальной квартире порой и жить не хочется... Да уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови — да и не надо удерживать такой ценой»! Нет спору, все без исключения, а сама Россия в числе первых, хотят бежать от заскорузлого центра. Но и предполагаемый развод по-солженицынски уж очень отдает имперским душком.

Удивительно. Александр Исаевич меньше всего церемонится, если не считать казахов, со своими кровными братьями — украинцами и белорусами. Первым он предельно прозрачно намекает: если они не согласятся войти в его «Российский Союз», то он отсечет от Украины почти половину, сколько в нем украинской крови, будь больше — взял бы больше. Отсюда можно вывести заключение, что в нем две трети половецкой крови — именно столько он хочет отсечь от Казахстана.

Немного неладно с арифметикой; почти половина украинской, две трети половецкой. Впрочем, учитывая исконную его специальность, из данной ситуации можно, вероятно, выйти с помощью высшей математики... С «кроткими» белорусами он вообще не церемонится, нежно треплет их по загривку и сурово выговаривает: «А вы-то куда суетесь со своей независимостью». Украинцы для него вовсе не украинцы. И чего это вдруг Борис Олейник вздумал возмущаться, ведь Солженицыну до-

подлинно известно: украинцы, это испорченные австрийцами русские, подзуживаемые невежественными вождями оуновцев, белорусы — поляками. Малороссы, забудьте своих неукротимых запорожцев, писавших письмо турецкому султану. Хотя новые земли они и их потомки завоевали вместе с братьями русскими, но только для русских.

Даже если проигнорировать существование исторических скрижалей, начертанных китайцами, арабами и самими русскими, нельзя не поразиться удивительной геополитической логике: раз «Южная Сибирь и Южное Приуралье»— значит Российское. Тогда почему бы к Дальневосточному региону для цельности не присоединить остальную часть Дальнего Востока и, как в свое время Саддаму Хусейну, решить свои тяжкие экономические проблемы посредством превращения Японии, Южной Кореи и Тайваня в федеральные республики? Представляете, как бы мы зажили?! Им очень нравится работать — пусть работают на наше общее благо, а мы любим порассуждать, каждому свое: они неизлечимые работоголики, а мы — огненноводоголики. Какой был бы крепкий Евразийский Союз! Все бы в него устремились.

Аргумент с претензией на иронию «где кочевые стада раз в год проходят — то «Казахстан»— конечно же величественная гипербола (не раз в год, а постоянно в течение веков!). Однако наш именитый оппонент, видимо, всерьез считает, что право на землю имеют только плуг да казацкая нагайка. Чабанскому кнуту, мол, зачем земля? (Впрочем, мои предки не раз доказывали, что они отменно владеют не только кнутом).

Что же касается «пустынных центральных просторов, с тех пор преображенных и восстроенных русскими, зэками да ссыльными народами», это, конечно, «коварные казахи упросили Сталина превратить эти края в часть «Архипелага Гулаг» («подумать только, и это мученик-

автор вменяет нам в вину: неужто было благом для России то, что именно на ее территории располагался, в основном, безжалостный «Гулаг»?!). Словом, какое имеет право этот узурпатор разбазаривать земли, которые столь долго собирали русские цари?

Не рановато ли исполнять реквием? Скорее всего, сегодняшние центробежные силы нищеты завтра, после обретения элементарной сытости, обернутся центростремительными. **Конечно, это будет уже не железный Союз,** а **добровольное Содружество.** Так стоит ли сжигать бесповоротно мосты? Ведь не секрет, что наша вселенская беда не в том, что какие-то народы кого-то кормили или объедали, а в том, что мы выкормили особо отъявленную популяцию бюрократов, для которой высокое кресло и собственный достаток важнее всех «демагогических» нужд народа, которая вкупе со всемогущим военно-промышленным комплексом, сидя на нас и нещадно погоняя, практически сломала нам хребет.

Никто не отказывает Александру Исаевичу в сыновней любви к своему народу. Я, сын степей, тоже люблю свой скромный народ. У него свои досадные недостатки, главное — он не притязает на богоизбранность.

Нам всем так долго преподносили препарированную историю, что немалая часть моих соплеменников уверовала: предки номады все больше скакали по обочине цивилизации. И только сейчас, вглядевшись попристальней в свое прошлое, они стали открывать для себя Аль-Фараби, Ахмета Яссави, Махмуда Кашгари... И поняли: их народ имеет древние корни и занимает достойную культурную нишу.

Право, стоит вспомнить и плачущего под вязом Руссо, вдруг озаренного ответом «нет!» на вопрос Дижонской Академии: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» Вряд ли кто ныне на

фоне апокалипсических бед, угрожающих самой Жизни на земле, возьмется укорять его в оригинальничаньи.

Мои же предки жили в единении с природой: не убивали без надобности ни одну живую тварь, не рвали без нужды и былинку, не отравляли среду обитания.

Кто же культурнее: Охранители или Убивцы Природы? Махать своими мартирологами стало «модным» занятием, действительно, чересчур была тягостна судьба многих в бывшей «тюрьме народов», ставшей «семьей единой»!

Но послушайте, что произошло с казахским народом в проклятом Богом XX веке. Не буду тратить время на перечисление классических (если больше нравится «классовых») общесоюзных бед, ни одна из которых не миновала нас, а поведаю лишь о специфически наших: голод-геноцид 1932-33 годов пострашнее, чем на Украине, унесший треть народа; насильственное переселение к нам многих народов (ведь их горе не прибавляло счастья местному люду, который делился с ними, чем мог); мощная волна люмпенов, хлынувшая в Казахстан под звуки бравурной песни «Здравствуй, земля целинная...» (другая волна, во много раз меньше, прокатилась в Сибирь; спросите у Валентина Распутина, какую субкультуру она принесла туда); ядерные, ракетные и космический полигоны; гибель Арала; агония Балхаша; немыслимо-варварское принуждение к оседлому образу жизни (процесс, который в естественных условиях обычно протекает века, был осуществлен практически в течение месяца), что катастрофически сказалось на национальном характере; измывательство над религией; манкуртизация сознания: забвение материнского языка и национальных корней... Стоит ли продолжать?

Благодаря «Комсомолке» от 2 сентября 1990 г., весь мир узнал о том, что все-таки произошло в Алма-Ате в середине декабря 1986 года.

Похоже, никто из составителей официальной «утки» по поводу этой бойни не читал Маркеса, скажем, известные всему миру «Сто лет одиночества», иначе не стали бы такими невольными плагиаторами. «Официальная версия, которую тысячу раз повторяли и вдалбливали населению всеми имеющимися в распоряжении правительства средствами, в конце концов, была навязана каждому: мертвых не было. Военные отрицали это даже перед родными своих жертв. «Я уверен, что Вам это просто-напросто приснилось,— твердил начальник гарнизона». (Г. Г. Маркес, М.: Правда, 1987. С. 298—299). Как часто бывает, явное стало тайным. Однако наши искусники пошли еще дальше: все перевернули — жертвы и преступники поменялись местами А еще говорят: ложь не изобретательна и бродит во времени и пространстве в одних и тех же одеждах.

Теперь святая Истина вроде бы открыла свой лик и безвинные жертвы покинули тюрьмы. Народ очень надеется, что их вакантные места займут настоящие преступники: полный их «интернациональный» список опубликован в газете «Казахстанская правда» от 28 сентября 1990 года. По какому принципу они последуют в места довольно отдаленные из своих уютных гнезд: по порядковому номеру, по степени тяжести вины, по алфавиту или по весу занимаемой должности,— вероятно, определит третейский суд.

Поверьте, мы не ропщем на судьбу, принимаем ее такой, какой выдалась. Мы взваливаем изрядную долю вины и на свои плечи, однако, наверное, закономерен вопрос: уравновешивают ли эти потери — всему миру известные «социалистические блага», среди которых не последнее место занимают деградация природы, общества и личности, разгул преступности (и это в крае, который не знал, что такое тюрьмы)?! Стоит ли после этого удивляться тому, что мы тоже хотим впредь сами опре-

делять свою судьбу, не разрывая связующие нити с народами, с которыми прошли вместе через все страдания и беды, и завязать прямые отношения со всеми другими, кто готов дружелюбно протянуть свою руку, а самое главное — хотим мира в своем многонациональном Доме.

В общем-то до недавнего времени весь казахстанский вавилон достаточно мирно уживался. Это явно не устраивало некоторых как внутри, так и за пределами республики: мол, почему это Казахстан спит, когда все СНГ бурлит?! Вот и проснулись отдельные уральские и северо-казахстанские декоративные казаки, для которых, по образному выражению Владимира Максимова, ничего святого нет: «алтарей, чужого добра или жизни, родни или клятвы», и выдвигают сепаратистские требования. Можно представить, как они взревели от восторга, услышав мощный глас Александра Исаевича, возбуждающего их аппетиты. А ведь русские, а также полностью обрусевшие украинцы и белорусы (чем не претворение высокой мечты имярека; но только почему-то представительная украинская делегация, посетившая нас, очень опечалилась, узнав об этом) живут намного лучше, чем коренное население, не берусь сравнивать с россиянами. И до сих пор не сожалели о своем казахстанском гражданстве.

Нашего же земляка Кузьмина («Молодая гвардия», № 7—8, 1989 г.), видимо, раздирают противоречивые чувства: с одной стороны,— с явным превышением поддерживаются его территориальные притязания к Казахстану, а с другой — все-таки хоть не намного, но отдаляют его от блаженных теплых южных морей, где наш «гвардеец» мечтает без всяких виз и таможенных препон греть свои неутомимые ноги.

Заметно, еще по «Архипелагу», Александр Исаевич не жалует казахов. Такое бывает: кто-то кому-то нравится, а кто-то кому-то нет — это дело вкуса. Скажем, Дос-

тоевский и Вернадский очень доброжелательно отзывались о казахах, а того же Кузьмина при одном упоминании о евреях и казахах трясет.

Нам остается только сожалеть, что Солженицыну больше нравится компания Кузьмина.

Александр Исаевич так талантливо живописует наше духовное состояние, показывает такое знание наших умонастроений: если затронуть нацию —«Тут уж ничто не удержит в вечном смирении, тут мы с гневной смелостью хватаем камни, пики, ружья и кидаемся на соседей»...

Трудно предположить, что он не понимает, как его Слово отзовется в нашем полуобезумевшем СНГ. **Думать, что Украину и Белоруссию можно легко пристегнуть к солженицынскому «Российскому Союзу» или же, что украинцы, не раздумывая, отдадут солидное кусище своей территории «старшему брату», а казахи и другие тюркоязычные народы будут безразлично наблюдать, как Казахстан будут рвать на куски**, когда даже небольшая перебранка между двумя хулиганами или неосторожная статья в печати вызывает острейшие межнациональные конфликты — **опаснейшее заблуждение, могущее вызвать такие социально-тектонические катаклизмы, какие и не могут присниться в тихом, уютном, благополучном Вермонте даже такому провидцу, как Солженицын.**

Не приемлет наш автор и демократию, подкрепляя свое убеждение многочисленными цитатами из различных источников, и его фраза «по всему потоку современности мы изберем, несомненно, демократию»— лишь дань вежливости, примиряющая с реальностью.

Идеального общественного строя нет в природе и быть не может (даже благостные принципаты божественных — Октавиана и Хирохито — имели свои изъяны), ибо сама природа Человека далека от совершенства. Но

среди всех прочих именно демократия —«власть посредственностей»— может, и это доказало время, находить компромиссно-доверительные решения, учитывающие интересы всех слоев общества и отдельной Личности.

Александр Исаевич, чувствуется, испытывает подспудные симпатии к монархии. Казалось бы, беспочвенные надежды, однако нельзя не учитывать, что история порой любит выкидывать фортеля. Чем плох пример Испании: фашистская диктатура, так прекрасно перевоплотилась в процветающую монархию. Может быть, действительно, и нам попробовать избрать Монарха из четырех альтернативных кандидатур: какого-нибудь Великого, можно и не очень Великого русского князя, нынешнего Президента России, лидера ЛДП и автора обсуждаемого манифеста?

Возложить на высочайшую голову, пока еще не проданную корону и дать титул —«император всероссийский и Великий султан Дикой Орды» (надеюсь, помните о двух третях). Речь, разумеется, идет о государстве с границами, предуказанными вермонтским мудрецом.

Если же украинцы вкупе с белорусами возропщут: вот, мол, опять нас третируют, можно будет слегка подкорректировать оный титул — «Император Священной империи — царь Российский, Великий гетман Украинский, король Белорусский и Великий султан Дикой Орды». Но тогда придется заказывать еще три короны на одну и ту же голову, что окончательно опустошит будущую казну будущего Его Величества. Но ничего, ради престижа мы и не такое терпели: ведь прорвались же к звездам с голодным брюхом, и ядерный мечь был у нас самый устрашающий, правда, держа сей меч в одной руке, другой стыдливо прикрывали дыры в штанах. А какой у нас совокупный генеральский корпус. У иных европейских стран средней руки вся армия состоит из мень-

шего числа ландскнехтов, а генералов — раз-два и обчелся.

Впрочем, пожалуй, пора остановиться и от «радиоактивных» политических воззрений перейти к более безопасному занятию — к чтению сочинений Солженицына. Что и Вам советую, уважаемые читатели.

Дорогой Александр Исаевич! Мы очень надеемся, что Ваш долгий тернистый путь домой будет осиян светом извечной библейской Истины:«Блаженны миротворцы!».

P. S. Обсуждаемый труд А. И. Солженицына оказал самое непосредственное влияние на судьбу Союза — он ускорил его распад и резко обострил отношения между братьями-славянами, прежде всего — русскими и украинцами.

«РУССКИЕ» КАЗАХИ: БАЛЛАСТ ИЛИ ЭЛИТА?

Года два назад на страницах нашей республиканской казахоязычной печати вспыхнули нешуточные баталии вокруг «русских» (русскоязычных) казахов, отголоски которых раздаются до сих пор.

Одни видят в них имперскую духовную «пятую колонну», угрожающую изнутри подорвать устои этноса; другие — хотя и безвредный, но излишний социальный балласт, отягощающий трюмы утлого суденышка нашей культуры; третьи — прогрессивное начало, способствующее самоутверждению нации; четвертые — космополитизированную элиту; и, наконец, пятые — высшую касту нашего народа.

Примером первого рода явилось открытое письмо экспредседателю Республиканской телерадиокомпании Г. Шалахметову группы, возглавляемой Т. Тобагабылом, опубликованное в газете «Азат» (№ 12, 1992).

Речь здесь идет, в основном, не о проблемах нашего телевидения и радио (где авторы мутного послания

играли тоже не последние роли). Основной смысл письма сводился к инвективе: «позволить этому «неполноценному казаху» Шалахметову и дальше руководить священными пенатами народа — казахским телерадио — это значит позволить издеваться над казахским языком, а посредством языка прилюдно над всем казахским народом». Вряд ли полноценная логика будет прибегать к подобным ущербным аргументам.

За примерами второго рода далеко ходить не надо. Практически любое казахское периодическое издание, в частности ежедневные газеты, раз в неделю прямо или косвенно обязательно проходятся по теме русскоязычного казахского «балласта». Очень хотелось бы, чтобы голословность этих явлений сменилась понимающей интонацией.

Третью позицию отразил в газете «Мадениет» (№ 8, 1992) М. Жазылган. Статья имеет характерный заголовок «Чужой среди своих» и не менее характерный подзаголовок «О проблеме «русских» казахов». Автор полемизирует с упомянутым открытым письмом в «Азате». «Кто же они, «полуказахи», на самом деле? Как правило, это европейски образованные люди, многие из которых получили образование в лучших вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и других культурных центров...». «Как правило»—это сказано чересчур сильно, другое дело, что именно в русскоязычной среде большая концентрация этих людей.

Для иллюстрации четвертой точки зрения приведем статью «Чьи мы наследники?» Оралтая Билялова в той же «Мадениет» (№ 3, 1992). Материал является взрывной реакцией на обвинение в манкуртизме. Автор пишет: «В эпоху сталинщины было задушено национальное самосознание народа, и те казахи, которых мы сейчас имеем, мутанты «по ту сторону добра и зла», выведенные в хрущевско-брежневской лаборатории «дружбы народов».

Поэтому мы должны согласиться с тем, что сейчас казахской культуры как таковой нет, если не считать ее кое-как существующего суррогата. Ну что же... зато мы имеем редкую возможность начать все с нуля, с новой страницы. И нам следует создать новую культуру, общую для всей республики». Для укрепления своих космополитических позиций он призывает ницшевского Заратустру, сразу же оговоримся, союзника не совсем удачного. Кроме того, как говорил шекспировский персонаж, «из ничего не выйдет ничего». На голом месте возникает «голая культура, и самоуничижение до добра не доводит. Зерна самопрезренья дают весьма ядовитые плоды.

И, наконец, пятые — два ученых, Н. Масанов и Н. Амрекулов,— выступившие в «Казправде» (21.03.92) с обширной программной статьей «К стабильному гражданскому миру».

Она посвящена, в основном, панацее от всех бед — «обвальной приватизации», но не обойдена и наша тема: «А поскольку большинство в городах Казахстана составляет русскоязычное население, в то время как большинство коренного этноса живет в деревне (62 процента казахов), то это глубинное историческое различие приобретает свою внешнюю превращенную форму — переходит в межэтническую противоположность между коренным и иноэтническим населением...

Эта цивилизованная трещина между городом и деревней раскалывает и сам коренной этнос —«обрусевшие» городские казахи так же сильно отличаются от сельских, как русские от казахов». Браво! Как тонко закручено (по большому счету, признаться, не так уж тонко, но для нашей провинции сойдет). Под «сильно отличаются» надо понимать превосходство «обрусевших» над их сельскими сородичами и русских над казахами.

Отсюда, следуя логике авторов, можно прийти к общей схеме (в порядке убывания качества): городские русские (и все европейцы, а также относящие себя к ним) — городские русскоязычные казахи (с немалой натяжкой) — сельские русские (европейцы) — сельские русскоязычные казахи — городские казахи, говорящие на родном языке (последние могикане — старики) — сельские казахи.

Итак, налицо пирамида из 6 каст, в которой все другие этносы занимают первые два места, русскоязычные казахи «почетное» второе.

Словом, крайности сошлись, ведь Т. Тобагабыл тоже не против подобной пирамиды, только он ее предлагает перевернуть — первый становится последним и наоборот. Объективно те и другие пытаются расчленить единый национальный массив и перевести отношения с другими нациями в ненормальную плоскость: одни путем пресмыкания перед другими, вторые — путем конфронтации.

Проблема иноязычия не нова, еще в Древнем Риме интеллектуалы любили изъясняться на языке вассальной Греции. Чаще сфера влияния какого-либо языка расширялась с помощью меча. Вспомним персидский, латынь, арабский, английский, русский...

Причем если до консолидации наций порабощенные народы (или хотя бы их элита), как правило, усваивали язык победителей и пользовались им как родным, то позже, особенно в XX веке, завоеванные народы трудно воспринимали чужой язык, а хорошо усвоившая его часть этноса оказывалась во главе борьбы за национальное самоопределение: онемеченные чехи, англизированные индийцы и египтяне, офранцуженные алжирцы, португализированные мозамбикцы и ангольцы...

Подобный же процесс происходил на наших глазах в бывшем СССР. При изучении данного феномена нельзя забывать, что ни одна из бывших союзных республик

(за исключением славянской Белоруссии) не подверглась такой русификации, как Казахстан. И на то были причины: давние связи и близость России, огромная общая граница и большой удельный вес славян, слабость нашей системы народного образования.

Конечно, многие казахи были вынуждены отдавать своих детей в русские школы за неимением родных, но и немало было таких, которые сами выбирали их. Причины?

Во-первых, русские школы, как правило, лучше оснащались, располагались в лучших зданиях, словом, были «престижнее».

Во-вторых, родители, заинтересованные в успешной карьере своих чад, видели в русском языке путеводную нить, ведущую к успеху.

В-третьих, многие воспринимали русский язык как мост в мировую культуру.

Таким образом, русскоязычные казахи — это синтетический плод имперской политики, амбиций родителей и притягательности русской культуры.

В потугах (откуда бы они ни исходили) разделить казахов на «чистых», «полукровок» и «русских» я вижу печальные силуэты трагических расколов, традиционно постигавших наш народ: в начале XVIII века — на жузы, в начале XX века — на феодалов-эксплуататоров, буржуазных националистов и степную голытьбу. Следствием таких поляризаций бывали страшные беды.

Жестокие исторические уроки надобно помнить, особенно в столь ответственное время, и особенно нам, детям одной судьбы, одной земли, одного народа.

Сейчас порой приходится слышать риторические вопросы: что происходит с нашим менталитетом? не раскалывается ли он? Конечно, стихия иного языка не может не сказаться на стиле мышления, но если под менталитетом понимать более глубинные, затаенные механизмы

мышления, то у казахов, без всякого сомнения, на каком бы языке они ни говорили, единый менталитет.

В силу особых исторических и территориальных особенностей казахи обладают повышенной адаптацией к другим языкам. И, надо полагать, это хорошо потому, что на смену нашему двуязычию грядет полиглотия. В условиях рынка наиболее динамичная часть казахов устремится в лоно английского и (или) турецкого языков.

Сказанное вовсе не означает, что в этих условиях казахский язык окончательно погибнет. Просто необходимо в корне изменить языковое воспитание. Нужно, чтобы все дошкольное воспитание детей казахов, обучение их в начальной школе (до 4-го класса) было только на казахском языке. Потом пусть дети и их родители сами выбирают, на каком языке продолжить дальнейшее обучение: казахском, русском, английском, турецком или еще каком-либо другом (при безусловном приоритете казахского языка).

При этом в программе дальнейшего обучения в школе, в вузе должно быть предусмотрено серьезное совершенствование знания материнского языка.

Сейчас наш язык в сложном положении, но буйными криками, биением в грудь, тем более междоусобицей — его из кризиса не вывести. Необходима продуманная, взвешенная, целенаправленная и кропотливая работа

И последнее. Конечно, все мы должны знать язык предков, но одного механического знания мало, каждому из нас необходимо думать о приумножении нашей культуры, о росте благосостояния нашего народа. И только после того, как будет внесен весомый вклад в это общенациональное дело, мы можем получить право укорять ближнего.

ПРОСНИТЕСЬ, ЛЮДИ!..

Новая власть поставила их на ноги, а факелы в руки они берут сами

Похоже, казацкая тема прочно поселилась на страницах московской прессы: одни — испуганно ойкают, другие — восторженно ахают, третьи — озабоченно предостерегают, а четвертые — призывают казачков седлать коней. К числу последних относится статья некого В. Медведева, появившаяся на свет 2 апреля 1992 г. на страницах «Комсомолки».

«В Уральске отовсюду прет душок,— прет наш автор,— национального противостояния. И, кажется, делается все, чтобы полетели искры». Что же, искры уже летят, и большей частью из уст заезжих подстрекающих «доброхотов» и неразборчивых репортеров, но пока — не возгораются в пламя. Это-то и бесит гастролирующих пожарников а-ля-Брэдбери, старающихся «невыеденное яйцо» превратить в «стакан клубники», тот в свою очеред — в канистру с бензином.

Наиболее серьезная попытка разжигания костра была предпринята в сентябре 1991 года, когда отовсюду в Уральск слетелись казаки, чтобы отметить именно здесь 400 (вернее, 400—74)-летие верного служения царю-батюшке, зная при этом о негативном отношении к этому замыслу коренного населения.

Шуму тогда было много. До этого президенты Ельцин и Назарбаев весьма противоречиво высказались о предполагаемом сборе и лишь в самый канун пришли к мнению, что эта памятная дата должна отмечаться в одном из городов России.

Казаки все же слетелись. Однако ни праздника, ни «костра» не получилось, и не потому, что его сорвала «жалкая кучка» азатовцев, а потому, что лишь «жалкая кучка» местных казаков приняла участие в нем.

Ловко отделавшись от объяснений «пиком сумасшествия», наш борзописец строчил в подзаголовке-имитации послания казаков казахскому Султану: «Характерны оценки, которые в разное время давал этому конфликту Н. Назарбаев. В июне (так и написано — *С. К.*) он сравнил 400-летие служения отечеству с 600-летием сожжения Москвы Тохтамышем».

Упоминание июня в апреле ковыляющего года невольно наводило на мысли: либо нашего братца капитально сотрясло во время челночных перелетов между пятью городами, либо он где-то умудрился добыть машину времени.

Будь данный ляпсус в единственном числе, было бы несерьезно упоминать его: с кем не бывает, подумаешь, вместо прошедшей зимы помянул предстоящее лето (жар которого опаляет), но ведь нелады не только с хронологией, с географией — тоже. Почему «поселок Мокрый вдруг стал «Атырау», сокрушается он, и как ему вразумить, что Атырау — бывший Гурьев — вовсе не поселок, а солидный центр соседней области и с Уральском его объединяет лишь река Урал, на берегу которой они оба расположены.

А какие образцы «тончайшей» иронии предлагаются нам, мол, можно ли вообще давать городу наименование «Козел»? (Вероятно, ему не приходилось слышать, что символом респектабельнейшей партии США является... Осел!). Ну да, Козлово, Козельск, Барановичи, Грязи... звучат намного благозвучнее!

«Уральск, конечно, город с душком, но как город, где поднял восстание Пугачев, оказался за границей России?»— вопрошается патетически.

Вообще-то не совсем ясно, почему это вдруг обиды за державу взваливаются на мятежные плечи Пугачева, ведь империю символизировала Екатерина II, а Екатеринбург, слава Богу, в пределах России. Ах, да, ведь наш хорунжий еще и «император», Петр III: в таком случае территориальные претензии должны предъявляться не тем, на чьей земле он поднялся, а тем, с кем он лихо воевал — Пруссии (Кенигсберга маловато), Великобритании, Португалии и Турции.

Как можно притязать на город, который одним своим именем деликатно, по-казахски, советует возвращаться назад.

И это прекрасно понимал председатель Оренбургской пограничной комиссии Г. Генс, писавший 25 декабря 1829 года Оренбургскому военному губернатору П. Эссену: «Уральский атаман отправился в С-Петербург, как говорят, с тем намерением, чтоб выпросить себе и казакам левый берег Урала, с речками Узенями и пр...

Сожалею, что письмо сие не застанет Вас в С-Петербурге, иначе бы я умолял Вас вступиться за киргиз (казахов). Я могу на основании законов доказать, что казаки не имеют ни малейшего права на требуемые ими земли...»

Такой была русская интеллигенция XIX века, какой же она стала в конце XX века, мы видим воочию.

Между тем территориальные притязания не ограничиваются одним Казахстаном, они простираются и на Украину: «В Москве прошел путч, и Донецкая область стала заграницей. А — это составная часть Донской республики с атаманом Калединым во главе. Поди докажи Кравчуку, что ее надо вернуть! И все-таки спор о Донской республике, каким бы странным он ни был, рано или поздно потребует своего разрешения». О том, что этот довод уже в ходу, свидетельствует скандал в Краснодоне, связанный с принятием присяги России донскими

казаками Украины, описываемый в заметке в том же номере «Комсомолки».

Вот так-то, достопочтимый атаман, Алексей Максимыч, и в гробу мы Вам не дадим покоя.

Впрочем, не будем отвлекаться и продолжим чтение: «Что же такого плохого они сумели за два-три года натворить, если мы задаемся вопросом: какого цвета казачья сотня? (Кстати, не только мы, но и ЦРУ пытается определить, какой же цвет превалирует у наших казаков — белый или красный, черный или коричневый?). Поговаривают о том, что они запасаются оружием, но видел ли кто хоть один акт об изъятии АКМ...» Тут уже пора усомниться не только в логике, но и в зрении и слухе уважаемого оппонента.

Неужто между истязаниями пером (или компьютером) невинной бумаги он не бросает хотя бы изредка взгляд на телевизор? Неужто он не видел, что держали в руках казаки, десантировавшиеся в Приднестровье, прибывшие, вероятно, для «приглашения дам на вальсы и танго».

Мы все подпорчены примитивным большевистским максимализмом, любой разумный компромисс представляется нам оскорбительным и унизительным, в своем непримиримо-ограниченном противостоянии мы вздыбаем волну всеобщего озлобления, захлестывающую последние крупицы разума, и в итоге все теряем на порядок больше того, на что рассчитывали.

У казаков, с их нелегкой судьбой, есть вполне законные исторические, этнические, религиозные и культурные интересы на территории Казахстана, так же, как и у казахов, проживающих в России. Поэтому Казахстану и России, совместно с представителями заинтересованных сторон, следовало бы основательно изучить эти проблемы и принять меры по их разумному разрешению.

Надо дать казакам широкую культурную автономию,

в частности, в специальных группах педагогических институтов и школах, расположенных в местах их компактного проживания, ввести дисциплины по казацкой культуре и истории, по желанию проводить уроки богословия, создать сеть музеев, клубов и этнокультурных центров...

Вместе с тем, и самим казакам нужно понять: нельзя махать рукой на реалии сегодняшнего дня, мол, нам нет дела до наших независимых государств, мы были, есть и будем российскими. Нельзя уподобляться французским бурбонам, все пережившим и ничего не понявшим. За три четверти века, жесточайшего века, все вокруг стало совершенно другим — мир, держава, распавшаяся на самостоятельные государства, край, где они живут, окружающие их люди и сами казаки. И пытаться на основе ностальгического образа предков реконструировать их образ жизни — это своеобразная посткоммунистическая иллюзия. Права была «Советская Россия», когда писала: «Жизнь ушла вперед, и прошлого не вернуть, казачество может и должно возродиться, лишь вписавшись в современную жизнь, так чтобы ее реалии естественным образом, а не принудительно переплелись с лучшими (ибо были ведь и худшие) его традициями».

Волею судьбы представители многих этносов оказались на нашей земле, пусть же каждая община, положа руку на сердце, скажет: живется ли кому-либо из них хуже, чем казахам?

Мы никого не гоним, но и не потерпим чьи-либо притязания на наши исконные земли; мы хотим чтобы все живущие у нас пустили не только потребительские, но и духовные корни и стали сотворцами общей синтетической культуры на благо всех и каждого в отдельности. На том и стоим.

В заключение автор советует нам не напоминать,

что на календаре 1992 год, а не 1913. Хорошо. А что же было после 1913 и до 1992 года? Это, наверное можно?

Были же: 1914 — в коем Николай II бросил весь народ (и казаков) в мясорубку I мировой войны; 1917 — Ленин стравил всех людей (и казаков) в ужаснейшую междоусобицу; 1919 — Свердлов вынес смертный приговор всем «мятежным» крестьянам (и казакам); 1937 — Сталин превратил всю страну в государство-концлагерь (в котором стало исчезать казачество).

А ведь уже тогда, на начальном этапе I КАТАСТРОФЫ, была ловко разыграна казацкая карта, похоже и сейчас, когда мы все входим во II КАТАСТРОФУ, вновь чьи-то ловкие руки хотят пустить казаков по ложному следу и, если это им удастся, то наши лихие казаки могут утянуть всех нас в вечное небытие. Упасите нас, Аллах, Христос и все другие боги, от этого.

УЧЕНЫЙ И ИСТИНА

Признаться, испытываю некоторое смущение перед читателем за столь претенциозный заголовок и потому спешу объясниться: в мою задачу вовсе не входит вовлечение читателя в философские дебри Познания, моя цель намного скромнее — предупреждение об ответственности ученого перед обществом за те идеи, которые он публично проповедует.

В настоящее время в публицистику стали вторгаться широкие круги научной интеллигенции, и это в общем-то объяснимо: отмирает одна общественно-политическая парадигма, вместо нее рождается другая, следовательно, меняются социальные приоритеты и ориентиры, общество нуждается в самоосмыслении и опытных проводниках, способных указать верный путь в новых изменившихся обстоятельствах, и надо ли удивляться тому, что вопрошающие взоры инстинктивно обращаются в сторо-

ну людей, чей профессиональный удел — отделять истинное от ложного.

Конечно, в отличие от чистой сферы Логики, у публицистики свои законы, однако ученому, ступившему на эту стезю, считающему себя настоящим ученым, нельзя терять чувства меры (!) и ни в коем случае нельзя забывать о строгих правилах своего интеллектуального клана: он не может позволить себе дилетантизм, развязность, демагогию, высокомерие к аудитории и произвольную подмену понятий. К сожалению, в нашей печати нередко встречаются грубые нарушения заповедей адепта Храма науки.

Вот уже два года два ученых мужа, Нурбулат Масанов и Нурлан Амрекулов, летописец и любомудр, периодически эпатируют публику своими наукообразными откровениями, страдающими не только колченогой стилистикой, но и дурно пахнущей «философией». Последний свой капитальный труд под названием «Патриотизм не имеет ничего общего с национализмом...» объемом в целую газетную полосу, они обрушили на читателя со страниц «Казправды» в предпоследний день 1993 года.

Можно было, конечно, и на нее махнуть рукой, как на предыдущие, но, думаю, упомянутая статья, отражает не только их точку зрения, а является как бы своего рода манифестом определенных кругов, и посему нуждается во внимательном изучении и толковании. Берясь за это, прошу извинения за обширные цитаты, без которых трудно объяснить, что же пытаются они внушить.

Начну с того, что по кругу очерченных авторами проблем я давно высказываю свое мнение в республиканской печати, и читатель, следящий за нею, отметит сходство некоторых из них с обсуждаемыми.

Скажем, как мне не одобрить праведный гнев в адрес «гнусной» номенклатуры, увлекающей «слой казахской

интеллигенции на путь дикого трайбализма, регионализма, жузовщины, родового чванства». Подобная угроза существует и о ее истоках и генезисе, «теории» и реалиях я писал в своей статье «Клановое сознание и современность» («Советы Казахстана», 2.12.93).

Отлично подмечено, что: «В очередной раз произошла удивительная метаморфоза. Те, кто ревностно служил союзно-имперскому государству, дискреминировал всякого заикавшегося о казахском языке, о национальной независимости и т. п., эти «перевертыши» в один миг перекрасились и стали «самыми большими патриотами».

Трудно не согласиться с выводом авторов: «Ирония бюрократической суверенизации, ее грандиозный обман в том и проявляются, что именно этой, самой низшей «казахской» прослойке казахстанского общества этот шумно возвещенный суверенитет так ничего и не дал, и которым в материальном плане жить стало еще тяжелее, чем в эпоху «колониальной зависимости»; а также с тревожным прогнозом: «самое главное — казахи получат еще худшую, чем при коммунистах, диктатуру этномафии, оторванной от народа клановой номенклатуры...»

Действительно, эгоизм и цинизм значительной части правящей верхушки вызывает заметную тревогу мыслящей интеллигенции и недовольство широких слоев населения, т. к. по большому счету народу безразлично, кто высасывает его соки, кто не позволяет ему реализовать свои потенциальные возможности,—«свой» или «чужой», и по этому поводу пока не поздно, надо бить тревогу, иначе мы можем превратиться в общество опустошенных людей с потухшими взорами, способных только хныкать и клянчить подачки, вот уж тогда мы, на радость масановых и амрекуловых окончательно лишимся будущего.

На этом, пожалуй, и кончается локальная сфера согласия и начинается обширная область, вызывающая протест.

Вот что пишут о своем народе наши авторы: «Лишенный главного средства своего труда, опоры жизнедеятельности — скота и пастбищ — он начал вымирать физически и деградировать духовно и морально... Чтобы выжить, казахам поневоле пришлось стать сначала крестьянами (сартами), а затем и фабрично-заводскими рабочими, интеллигентами и т. д. (и даже против воли докторами исторических и кандидатами философских наук — *С. К.*)

Этому заключению о степени деградации казахского народа предшествует долгое «теоретическое» обоснование исторических причин, приведших его к столь плачевному состоянию. Пойдем дальше. «В годы советской власти и застоя (каков союз «И», вопиющий о тех кто его так небрежно тиснул — *С. К.*) водораздел проходил между угнетенным народом и оторванной от него номенклатурой. Внутри казахов он выступал (водораздел? зачем?) как противоречие между двумя тенденциями в развитии казахского народа — национально-демократической (представленной алашординцами и др., выражавшими интересы простых низов, забитых чабанов и т. д.) и имперско-бюрократической (носителями которой выступали оторванные от народа или рекуртируемые из него местные национальные кадры партийно-государственной номенклатуры, ревностно служившие московскому центру)».

Алашординцы, на корню истребленные еще в тридцатые годы (случайно выжившие могикане рта не смели открыть), оказывается вплоть до горбачевской «перестройки» подпитывали национально-демократическую среду «забитых чабанов».

Да-а-а!!! И это пишет не кто-нибудь, а доктор исторических наук.

Здесь ученых совсем понесло: «На сторону же демократии, принципа прав и свобод простого человека во-

лей-неволей встали те, кто не имел счастья родиться казахом, кто может вырасти в условиях национального государства, лишь опираясь на собственные силы и личные способности».

Признайтесь, уважаемый читатель, вы что-нибудь поняли? Над кем они издеваются? Над казахами-«дегенератами», генетически не способными к демократии? Или же представителями других наций, которым не посчастливилось родиться «дегенератами» и потому «волей-неволей» вынужденных стать демократами.

Эта идея настолько полюбилась дуэту, что через некоторое время она появляется вновь, но под другим соусом. «Более развитые русские, украинцы и другие индивиды, лишенные помощи со стороны казахского государства (исключение — взятка) будут вынуждены идти в прогрессивную сферу бизнеса, наукоемких производств и т. д., пойдут еще дальше в своем цивилизационно-личностном развитии. Заполнившие же благодаря знанию казахского языка рутинно канцелярские госструктуры казахи в этом реальном историческом развитии отстанут еще больше».

Вот и пойми их после этого. Казалось бы, следуя их логике, они должны радоваться, что темные казахи еще больше потемнеют, вот тогда-то на черном фоне они будут блистать, как солнце и луна, на нашем небосклоне; да и другим неказахским индивидам, которых они, якобы, защищают, это, оказывается, на руку, ведь они «еще дальше» пойдут; ан нет, друзья наши все равно недовольны. Пойми после этого софистов.

Поставив крест на Казахстане, взмыв на космическую орбиту, они оттуда возвещают о стоящем на пороге земной цевилизации апокалипсисе: «Нужно трезво осознать, что никакое государство в конце XX века, никакое «родное чиновничество (столь недальновидное и корыстное в своей массе) не спасут народ, вымирающую сельс-

кую глубинку». И вот с небес спускаются на огнедышащих конях два архангела-светила — Масанов и Амрекулов — и начинают творить высший суд, деля души людей на «чистых» и «нечистых», а народы на умных и глупых.

Уже приближаясь к концу столь длинного нелегкого пути, читаем: «Таким образом истинный казахский национализм, как любовь к отечеству, а не зоологическая ненависть к «чужакам» есть «ПАТРИОТИЗМ». Вчитайтесь в эти строки: Вы не ошиблись! Так и написано. Теперь поднимите взор к заголовку, где черным по белому отчеканено: «Патриотизм не имеет ничего общего с национализмом. Если этот патриотизм — подлинный».

Так какое же утверждение наших архангелов верно?

А может быть, все дело в прилагательных и размерах букв: «истинный» национализм есть ПАТРИОТИЗМ (с большой буквы), а вот «подлинный» патриотизм (с малой буквы) ничего общего с национализмом не имеет.

Пожалуй, не будем дальше лить на читателя мутную воду вымученных потуг «самобытной» философии истории Казахстана, а постараемся выделить ее «соль».

Эти «ученые» господа пытаются внушить, что казахи, прошедшие через геноцид, культуроцид, тоталитаризм и империализм, начисто потеряли свою историческую память, сломали свой хребет и поэтому они теперь «объективно» являются народом второго сорта, не способным существовать без цивилизованного поводыря.

Действительно, казахский народ, вместе со всеми народами советской империи, стал жертвой чудовищных социальных экспериментов. Но ведь наш народ, вместе с другими народами, выжил и достиг в общем-то немалых успехов в столь сложных условиях.

Да, действительно, казахи в результате насилия были вынуждены в короткие сроки изменить уклад жизни. Но, во-первых, треть казахов уже до этого была оседлой; во-

вторых, быстрая адаптация к новым условиям, в том числе и к языковым (вряд ли еще найдется такой народ, который в своей массе столь чисто говорит на русском языке), является свидетельством гибкой духовной структуры народа.

Да, действительно, цвет нации был истреблен большевиками. Но ведь не оскудела казахская земля талантами, их и сейчас много, только надо уметь их видеть.

Наш народ в проклятом XX веке вынес колоссальные удары судьбы, на его теле много страшных шрамов, но не надо их травить, не надо выжигать на нем фатальное клеймо второсортности, эти раны надо заживлять путем поднятия народного духа, особенно в столь трудные и судьбоносные времена.

Кроме того, как бы тяжело ни было, казахи в основном остались на своей родной земле, у своих корней; какой же исторический приговор наши любомудры вынесут тем народам, которых согнали с родной земли и погнали в чужие края, в том числе и в Казахстан?

Сознают это или нет, но авторы «ученого» пасквиля хотят внести раскол в сам казахский народ и еще втравить его в конфликт с другими этническими общинами: ну, как же эти «неполноценные» казахи, вместо того чтобы стоять на коленях перед другими «цивилизованными» нациями, пытаются быть равными и даже строить основы своего государства на равных, вместе с другими. Нельзя им этого позволять!

Я думаю, все разумные люди всех национальностей моей Родины понимают важность взаимоуважительного согласия и не поддадутся на звон фальшивых монет, ибо как говорил Гете: «Все эти превосходные люди, с которыми вступили во взаимное приятное общение, и есть то, что я называю Родиной, к Родине же всегда стремишься вернуться». Пусть же наша Родина во всех ее ипостасях будет мудрой, многоцветной и крепкой.

17 75